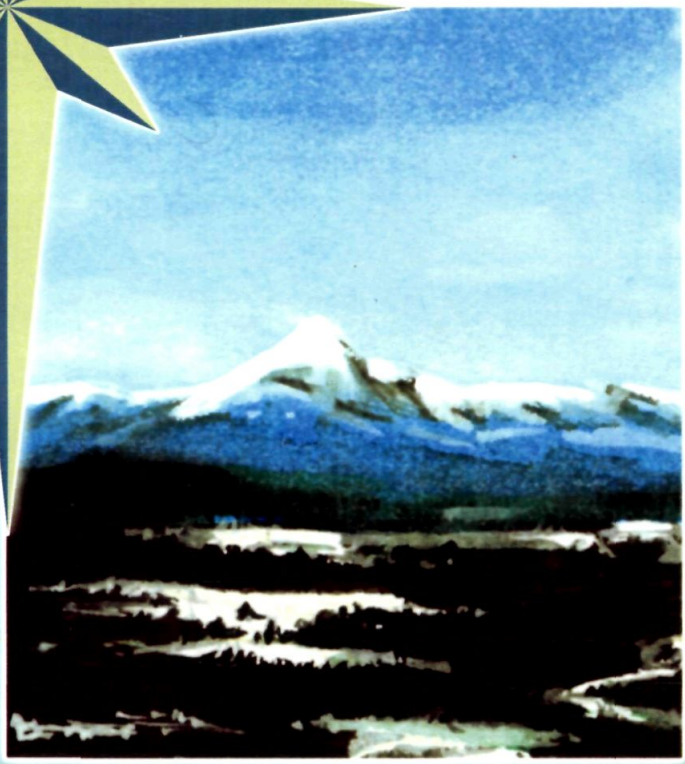
Пусть россыпями стелются года



Сыктывкар 2011

Пусть россыпями стелются года

Литературный альманах

Издан по инициативе геологов Республики Коми

Сыктывкар, 2011

Пусть россыпями стелются года. Литературный альманах. Сыктывкар, 2011. 304 с.

В очередной (семнадцатый) геологический литературный альманах Республики Коми вошли прозаические, поэтические и мемуарные произведения геологов — производственников, научных работников, преподавателей; журналистов и людей, неравнодушных к литературному творчеству. Впервые в данной серии альманахов публикуются живописные работы геологов.

Отзывы и предложения можно присылать по адресу:
167000, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, 54,
Институт геологии Коми НЦ УрО РАН.
Геологический музей ИГ Коми НЦ УрО РАН
institut@geo.komisc.ru

Редакционный совет:
Н. Н. Герасимов, А. А. Иевлев, П. П. Юхтанов, А. М. Асхабов, А. П. Боровинских
Почетный член редакционного совета:
академик Н. П. Юшкин

Спонсоры издания:
Безрук Владимир Антонович, ООО «Усинскгеонефть»
Члены редакционного совета
Институт геологии Коми НЦ УрО РАН

© Коллектив авторов, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие друзья!

После трехлетней паузы, вызванной феерической удачей альманаха «Моим Северам», собравшего под своей обложкой лучшие работы геологов, их друзей и коллег за полтора десятилетия, мы вновь решили вывести из тихой гавани нашу литературную бригантину в большое плавание. Причина проста: нашему бессменному капитану, соратнику и самому опытному члену экипажа Николаю Павловичу Юшкину — 75! И поэтому нет других вариантов, кроме как свистать всех наверх, поднимать паруса, ловить попутный ветер — и в путь!

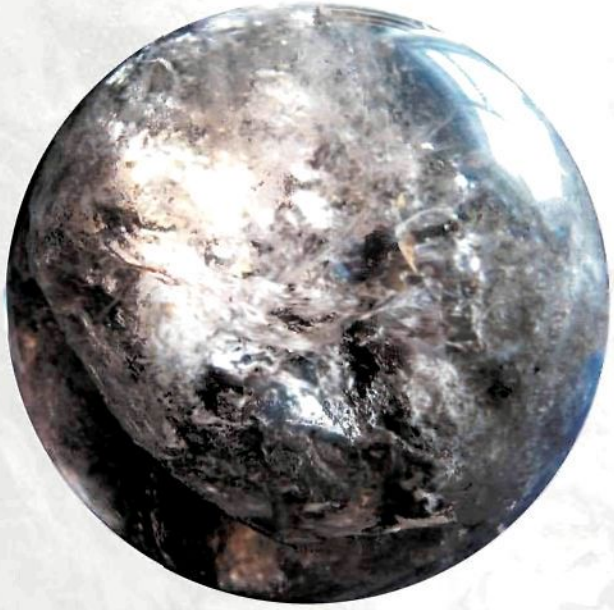
Команда, застоявшаяся на вольных и сытых хлебах, обзаведшаяся животами, обремененная детьми и домашним хозяйством, поначалу слегка поупрямилась, для вида поотнекивалась, даже побунтовала, потребовала хлеба и зрелищ, но, в конце концов, решила не терять лица и через пару недель после общего построения обрела былую молодцеватую форму, чтобы достойно предстать перед капитаном, а вместе с ним и перед читателями. Мы даже вспомнили эти строки:

Пусть россыпями стелются года,
Пусть строки троп ложатся на листы,
Пусть светит нам Полярная Звезда —
Да будут наши помыслы чисты!

Дорогой Николай Павлович, принимайте парад! С юбилеем! И с новым походом! Семь футов под килем, долгого и успешного плаванья, новых открытий и безбрежных перспектив!

Редакционный совет

Рисунок В. И. Ракина



...И заглянуть надо
в прошлое свысока...

Николай Юшкин

ПУТЕШЕСТВИЕ В АФРИКУ

Самой крупной авантюрой нашей дружной и беспокойной мальчишеской группы было «путешествие в Африку», приведшее в смятение не только нашу, но и соседние деревни. О нем много судачили, вспоминают в деревне и до сих пор, хотя прошло уже около пятидесяти лет!

В конце четвертого класса я до самозабвения увлекся книжками «про Африку». Началось это, кажется, с романов Жюля Верна, в которых удивительно зримо и завораживающе были описаны африканская природа, необычный животный мир, жизнь загадочных африканских племен, захватывающие приключения путешественников. Потом пошли книги посерьезнее — о путешествиях Ливингстона и других первопроходцев. Я буквально бредил Африкой и твердо решил, что надо туда ехать.

Резонно предположив, что если в наших краях за сотню лет каких-то сверхкрупных изменений не произошло (и деревни те же, и дома многие сто лет стоят, только разве железная дорога проложена), то в Африке тем более, и она осталась примерно такой же, как во времена героев Жюля Верна, я пришел к выводу, что именно жюльверновские экспедиции и можно взять за основу, чтобы провести широтное пересечение Африки.

План африканской экспедиции выработался простой и четкий. Организуем экспедицию в составе пяти-семи человек. Здесь, в Ивангоре, запасаемся снаряжением и продовольствием. Добираемся на поезде до Ленинграда, там выходим на берег Финского залива и угоняем подходящую морскую шлюпку. На шлюпке, где на веслах, где под парусом, огибаем Европу, добираемся до западного побережья Африки и где-то посередине ее, в районе экватора, выходим на сушу. Затем пешком по компасу идем строго на восток через Бельгийское Конго, Танганьику, Мозамбик с соответствующими приключениями, естественно, выходим на восточное побережье где-то напротив Мадагаскара, а уж оттуда каким-нибудь попутным транспортом героями возвращаемся в Ивангору. Всматриваясь на уроках в карту полушарий, висящую около доски, или рассматривая дома школьный атлас, я по нескольку раз в день мысленно проходил весь этот путь, и он все больше и больше притягивал меня.

По весне изложил проект африканской экспедиции ребятам. Доклад мой, опирающийся на карты, книжки с иллюстрациями, был, видимо, настолько убедительным, что ребята восприняли его безоговорочно. Они сразу же, как и я, загорелись Африкой. Мы забросили все дела, все игры, все другие увлечения. Появилась новая объединяющая идея — африканская.

«Экспедиция — это подготовка». Эти слова любимого нами знаменитого путешественника, автора «Дерсу Узала» В. К. Арсеньева, стали нашим главным девизом. Что нужно для обеспечения экспедиции в неизведанных краях? Снаряжение, провиант, оружие, финансы. Со снаряжением дело обстояло проще всего. Едем в Африку, там тепло, можно обойтись тем, что и здесь носим. Ближе к Африке придется даже раздеваться. На парус натаскали несколько кусков домотканого полотна. Оно толстое и крепкое. Запаслись нитками. Провиант в основном будем добывать на месте — рыбной ловлей, охотой. Для начала насушили немного сухарей. Оружие необходимо и личное, и тяжелое. У Коли Ручкина был старинный пистолет, заряжающийся со ствола, у меня — какой-то заграничный револьвер. Был автомат без диска, стреляющий одиночными выстрелами. Был ствол от какого-то крупнокалиберного пулемета, заклиненный в казенной части болтом. Если зарядить порохом со ствола, ухал, как пушка. Что еще? Были два немецких тесака. В дополнение ко всему этому сделали каждому надежные двухзарядные поджиги, выковали кинжалы. Порохом запаслись, что-то около десятка пачек. Арсенал внушительный.

Труднее было с финансами. Мы понимали, что денег надо много. Одни билеты до Ленинграда что стоят, а потом покупки разные... А в деревне три рубля — деньги. Вот добыча-то денег и стала нашим главным делом. Наверное, в деревне всех поразила перемена в поведении — такими мы стали хозяйственными. Мы драли и сушили кору — ивовая стоила что-то около 40 копеек (старыми, по теперешнему 4 копейки*) за килограмм, еловая — 10 копеек (зато еловой уже сухой можно было набрать на старых вырубках и завозить возами, беда, что мы быстро завалили ею двор сельской лавки, которая была и приемным пунктом). Сдавали железо, медь — все, что находилось вокруг деревни. Таскали потихоньку яйца, тоже сдавали — по 4 рубля 50 копеек за десяток. Интенсивно ловили кротов — от полтинника до 90 копеек за шкурку. Собирали ранние ягоды, в основном землянику, чернику, таскали на станцию к проходящим поездам. Касса, которой ведал Толя Беляков (дед у него когда-то торговал в лавке, и мы считали, что Толя от него воспринял уважение к деньгам), постоянно пополнялась. В основном мелочью, ее мы обменивали в лавке на бумажки.

На другом конце деревни, южном, ребята группировались вокруг Жени Кирпичева, сына школьного учителя, очень умного и хорошего мальчика. Наш и южный конец не то чтобы враждовали, но конфронтировали. Устраивали набеги на штаб-квартиры, схватывались в мелких стычках, а иной раз устраивали и генеральные сражения. Ребята с того конца почувствовали что-то неладное. Мы уклонялись от стычек, не отвечали на провокации, о чем-то договаривались между собой. План нашей экспедиции

* Под «теперешними» имеются в виду цены 1990 г., т. е. времени, когда писался очерк.

был строжайшей тайной. А об их делах мы знали все. В группу Жени мы «внедрили» своего агента, который жил где-то посередине деревни, на границе между группировками. В качестве вступительного взноса дали ему сломанный бельгийский браунинг — очень веский аргумент, который притупил бдительность и атамана, и его помощников.

Женя не выдержал, прислал парламентариев с предложением о встрече. Встречались мы в гумне, которое стояло в приграничной полосе. На переговоры пошел я с Толей Беляковым. Около гумна с разных сторон собрались наши бойцы, как положено, с оружием, как бы невзначай демонстрируя его друг перед другом. Женя со своим адъютантом встретил нас около входа в ригу. Я зашел внутрь, сел на печку. Толя остался у входа.

— Что это вы там задумали? Уж больно секретничаете, — первым начал разговор Женя.

— Сами знаем, это наше дело. Я же не спрашиваю, чем вы занимаетесь. Хотя в общем от нас не спрячешься.

И я намекнул о некоторых тайных планах Жениной команды, которые нам стали известны от агента.

Женя погрустнел, понял, что идет утечка информации. Помолчали...

— Может быть, примете нас в свою команду?

Я даже не поверил своим ушам. Предложение было совсем неожиданным, хотя, в общем-то, желанным. Иметь Женю в африканской экспедиции было бы очень полезно, да и ребята у него есть неплохие. А нас маловато, малолеток с собой не возьмешь. Но поторговаться для виду надо было.

— А что так? У тебя дела плохие?

— Да что-то не получается. Так, помаленьку: кап-кап-кап...Ребята скучают. А у вас, наверное, что-то интересное...

— Конечно, интересное... Поговорю с ребятами, как они решат.

Я вышел на ток, сообщил ребятам просьбу Жени, свое мнение.

Никто не возражал против слияния, только Толя засомневался:

— У нас уже вон сколько денег, а у них?

— Ну и они подсоберут. Большой компанией деньги зарабатываются легче.

Здесь же в гумне провели общее собрание объединенной группы. Женя был не менее начитанным, чем я , и идея африканской экспедиции привела его в восторг. Он тут же стал развивать план, дополнять фантастическую картину загадочной Африки. Попросил назначить его комиссаром.

Подготовка к экспедиции пошла быстрее. И вот наступил момент, когда она подошла к концу.

Выезд мы назначили на 21 июня. Дело в том, что 20 июня почтальон приносил матерям пенсии за погибших отцов, помнится, по 220 рублей старыми. И мы планировали прибавить к нашим накоплениям эти пенсии, пока деньги не истрачены, так как без этого нужную сумму пришлось бы накапливать еще не меньше года. Провели последнее собрание. Мало-

леткам, участвовавшим в подготовке, но которых мы в экспедицию не брали, строго наказали помалкивать до середины следующего дня. Двое попросили их отпустить — забоялись. Ну что ж...Взяли с них слово, что не выдадут.

Упаковали вещи в котомки — тарные мешки, к которым привязаны лямки на манер рюкзака. Самое крупное и тяжелое место — оружейный ящик. Мы сколотили его из досок, положили туда автомат, ствол пулемета, самодельные ножи, поджиги. Пересыпали все, чтобы не бренчало, только что начавшими оформляться зелеными яблоками. Это и провизия не первое время. Заколотили. Прибили две дверные ручки. Вдвоем еле-еле тащим. Был еще сундучок с кассой, который берег Толя. Поезд уходил в семь, договорились собраться в нашем сарае в пять утра, пока все спят, и сразу же уходить. Меня, правда, почему-то беспокоила касса (ведь без денег ничего не получится). Я попросил Женю выделить кого понадежнее, и пусть они с Толей останутся и перепрячут сундучок, чтобы знали место только двое. Женя выделил своего товарища В.

Ночь я почти не спал, боялся проспать. В полпятого оделся. Трудно было разбудить без шума младшего брата Олега. Мы потихоньку вышли из избы, пробрались в сарай. Сразу же появился Женя, подошли другие ребята. Не было двух парней с того конца и В. Ждали, ждали... Дальше невозможно, на поезд опоздаем. Решили идти без них, видимо, что-то случилось. Распределили вещи. Толя полез в тайник за сундучком.

— Ребята, да здесь кто-то шарил!

Пересчитали деньги. Не хватало доли оставшейся тройки, исчез и наган, принадлежавший В. Вероятно, В. испугался, но не хотел объявлять об этом, как сделали вчера двое ребят. А потихонечку уговорил еще двоих, и ночью они почистили кассу, благо сам он ее и прятал.

Ну что ж поделаешь, пришлось идти без них.

Итак, нас осталось пятеро. Самый старший — я, перешел в пятый класс. Самый младший — мой брат Олег, закончивший второй класс. Остальные заполняют этот возрастной интервал. Женя Кирпичев, Толя Беляков, Коля Ручкин. Нас не много, но все надежные.

Приплелись на станцию незадолго до прихода поезда. Все-таки путь около трех километров, оружейный ящик выломал руки. Взяли в кассе пять детских билетов в общий вагон до Ленинграда. Проводница пропустила, хоть и с подозрением. Сказали, что едем на каникулы к дяде. В поезде было свободно. Заняли пустое купе, позавтракали хлебом с картошкой и огурцом. Прилипли к окнам, интересно. На поезде ездили только я в прошлом году в Ленинград. Остальные едут впервые. Пейзаж в общем-то однообразный, но все равно завораживает. А станции не похожи друг на друга. И названия какие-то незнакомые — Дынино, Сандово, Пестово, Хвойная... А за Мгой пошли поля недавних битв. Лежит грудами металл: танки, машины, орудия.

В Ленинград прибыли ночью. Подремали до утра на вокзале, вышли на привокзальную площадь.

Что дальше?

Во-первых, надо выбраться на Неву, а там уже по течению дойдем до Финского залива. Но ведь не спросишь, где Нева. Что это с ящиком на реку прутся? Вероятно, Невский проспект близко от Невы.

— Дяденька! Как проехать на Невский проспект?

— Да вот же Невский проспект, отсюда начинается...

— А нам на тот конец...

— Садитесь на любой трамвай. Все идут по Невскому за реку.

Это-то нам и надо. Залезаем в трамвай, суем кондуктору трешку.

— Пять билетов. Выйдем сразу за рекой (тогда еще трамвайная линия проходила по середине Невского, а за проезд брали в зависимости от числа остановок).

Любуемся городом, громадными домами. Их ребята видят впервые, а я уже жил в таком в прошлом году. Объясняю, укрепляю авторитет начальника.

Видим Зимний Дворец — знаем по картинкам. Проезжаем Неву и на первой остановке выходим. Переходим через пути к набережной. Громадная река несет серо- стальную воду вправо, значит и нам вправо. Тащимся по набережной, время от времени присаживаемся на ящик. Умещаемся все впятером. Смотрим, как проходят по Неве большие корабли, баржи, буксиры, пробегают белые пассажирские катера. Где-то к обеду набережная упирается в каменную стенку. Рядом ворота, двое военных около. Может, обойти? Идем с Женей в разведку. Куда там, забор на километры. Все устье охватил.

Что же делать?

Затеваем разговор со стариком на скамейке.

— Дяденька, а когда это забор кончится?

— Здесь же порт, завод, все устье огорожено.

— А к Финскому заливу попасть можно?

— Конечно, можно. Вот на трамвае на Кировские острова. Там парк. Или дальше. Можно на электричке. Только везде сейчас закрыто, военные охраняют.

Понуро возвращаемся. Смотрим печально на какие-то мифические скульптурные фигуры у Горного института.

Пытаемся выбраться на побережье на трамвае. Куда там, сразу за кольцом — шлагбаум, военные. Люди мимо них проходят, проверяют не всех, но ведь нашу экспедицию сразу заметут. Уж больно приметная.

На том же трамвае возвращаемся обратно. Проходим на левый берег — может, там повезет. Нет, те же заборы, те же шлагбаумы, такие же военные.

Опять садимся, думаем.

Нет, видимо, в Африку нам не попасть, не судьба.

Тут же перерабатываем план экспедиции, сузив ее от межконтинентальной до внутрисоюзной.

Новый план такой. Пытаемся выйти из Ленинграда вверх по Неве, попадаем на Ладожское озеро. Угоняем или делаем лодку. Идем по Мариинской водной системе до Рыбинского водохранилища. А это уже дома. Весьегонск — тридцать километров до Ивангоры. Можно даже подняться по реке Кесьме.

Все устали, все согласны. А самое привлекательное, что в этой экспедиции дикари и людоеды не встретятся, оружие не нужно. Можно от оружейного ящика избавиться.

Подтягиваем ящик к ближайшим ступенькам к воде, спускаемся по ним. Оглядываемся, не смотрит ли кто. Народу по набережной снует много, но у всех свои дела, не до нас. Сталкиваем ящик со ступенек. И хотя он тяжеленный, но не тонет сразу. Несколько метров плывет, поблескивая прибитыми к нему дверными ручками, уже отполированными нашими детскими ладонями. Наконец, уходит под воду. Наверное, и до сих пор на дне Невы лежит наш грозный арсенал.

Теперь легче. Покупаем в булочной по душистому белому батону, уминаем.

Но и попытки выйти на север оказалась столь же безуспешными. К тому же наша живописная пятерка вызвала подозрение у кого-то, к нам направился постовой. Увильнуть мы от него не успели, складно соврать тоже. Он повел нас в отделение милиции. А это уже почти крах.

Я шепнул Олегу, чтобы он громче ревел. Сам стал объяснять, что приехали мы к дяде, он живет на Международном проспекте (я знал, что это совсем на другом конце города, там действительно живет мой дядя, но дом я назвал иной), да вот сели не на тот трамвай и уехали не в ту сторону. Теперь не знаем, как выбраться.

Олег залился горючими слезами (и мой приказ, и настроение соответствующее), захлюпали и Толя с Колей. Мы с Женей как начальство сдерживались, хотя настроение тоже было неважное. Если Олег замолкал, я толкал его ногой, и он взвывал снова.

— Да прекратите вы реветь, доставим вас к дяде, — вышел из себя дежурный, записавший наши фамилии. — Идите в туалет, умойтесь.

Мы не заставили повторять предложение. Больше всего боялись обыска — ведь под штаниной у каждого по тесаку, да у Коли пистолет, да у меня револьвер. Тут бы дядя не помог. Пошли умываться, потом нас посадили в свободную комнату подождать с полчасика.

Пришла женщина в форме милицейского лейтенанта.

— Ну, пойдемте, путешественники. Отведу вас в детприемник, а дядю туда вызовут.

Вот это поворот! Надо как-то сбегать. Но ведь засвистят, догонят, а то и выстрелить могут...

А трамвайная остановка уже рядом. Посмотрел туда. Решение пришло неожиданно. Шепнул ребятам, как действовать.

Рабочий день уже кончился. Народу много, трамваи буквально осаждала толпа, люди висели на подножках. Наша конвоирша собрала нас около себя.

— Держитесь за меня, ребята. Будем в трамвай пробиваться. Не потеряйтесь.

Мы были идеально послушны. Более того, вместе с лейтенантшей ввертывались в толпу, подталкивали друг друга к дверям трамвая. Лейтенантша ухватилась за поручень, занесла ногу на подножку. И точно в это время я полушепотом дал сигнал «Атас!», подтолкнул конвоиршу в спину. Мы все, присев кто под ногами у толпы, кто около колес, рыскнули в стороны. Толпа втолкнула лейтенантшу в середину вагона, зажала, вагон тронулся, набрал скорость. Мы увидели на миг ее растерянное лицо и уже мчались по переулкам, из одного в другой, пока не оказались совсем далеко, на другой трамвайной линии.

Присели в скверике на скамейку. Чувствовалось, что уже поздно, хотя по-прежнему было светло — день переходил в незнакомую нам ранее белую ночь. Обсудили ситуацию. Итак, путешественников из нас не получилось, надо возвращаться домой. Деньги на билет, слава богу, есть.

Возвращаемся на вокзал и тем же путем едем обратно.

Я взял у Толи деньги, отсчитал на билеты, разделил на пять частей, передал каждому спрятать понадежнее.

— Смотрите, не потеряйте. И чтоб не украли. Пересчитал остаток. Немного, но на еду хватит.

Спросили, какой трамвай идет на Московский вокзал. Доехали.

Поезд идет завтра утром, билеты продавать будут тоже утром, сейчас надо ждать.

А вокзал — это целый необычный для нас мир. Большие залы ожидания, переходы, огромные туалеты, перроны. Множество буфетов, торговых лотков. И везде такие вкусные вещи — пирожные, пряники, лимонад, газировка, пирожки, бутерброды. Слюнки текут. Всего хочется попробовать. В одном буфете покупаю всем по бутерброду с темно-коричневой, с белыми глазками сала копченой колбасой и по стакану лимонада, в другом — по пирожку с мясом и стакану кофе, в третьем — по песочному кольцу и газировке, в четвертом — еще что-то. Все так вкусно, в деревне ничего подобного мы и не пробовали. Деньги тают, пересчитываю последние рубли. Смотрю, уже и Коля Ручкин тянется к буфету с пятеркой, добрался до билетных. Стукнул по руке, ругнул.

— Хватит. Больше денег нет. Осталось купить утром по булочке. Пошли, где-нибудь на ночь надо устроиться.

В залах ожидания полно всякого люда, присесть негде. У нас мешки, побросали около стенки недалеко от двери — можно и сидеть, и лежать.

Но сон пока не идет, любопытно наблюдать за жизнью вокзала. Тут и военные — видимо, возвращаются домой, и целые семьи с узлами — переселяются, и торговцы. Много грязных ребятишек — беспризорники, сироты, сбежавшие из детдомов.

Вдруг зал заволновался. В конце его замаячило несколько милиционеров. Ребятишки ринулись мимо нас в дверь. Один подвернулся к нам.

— Тикайте! Облава!

Мы схватили мешки и побежали на ними. Бежали по перрону, потом по каким-то коридорам, потом по улице вдоль глухой стены, снова коридоры и двери, нырнули в какую-то щель и оказались в низком темном подполье, то ли под перроном, то ли под настилом.

Отдышались.

— Закурить есть? — толкнул меня прилегший недалеко пацан в телогрейке без пуговиц (свозь щели настила проникал слабый свет, и, приглядевшись, можно было рассмотреть друг друга — глаза уже привыкли к сумраку).

Я протянул кисет.

— О-о! Богато! Отсыпь маленько.

— Да бери сколько хочешь (у меня в мешке был запас табака на всю африканскую экспедицию, сам сушил и рубил).

— Молодец, не жмотничаешь... Куда путь держите?

— Домой возвращаемся. В гостях у дяди были...

— Да не трави... Тоже гости. Что. Не вижу что ли, когти рвете.

Я промолчал.

— Не хочешь, не говори. Ваше дело. Переночуем здесь. В зал не возвращайтесь. Загребут — и в детприемник. А оттуда не выпустят месяца два, даже если родители будут. В детприемнике плохо. Обчистят сразу.

— Чистить-то нечего.

Я был насторожен, старался помалкивать. А Олег уже заимел приятеля, о чем-то шептался с таким же, как он, малолеткой. Заговаривали пацаны и с другими ребятами. Я незаметно потолкал каждого — будьте осторожнее.

Темнота располагала к дреме, потом навалился сон.

Ночью в полусне почудилось, что Олега нет рядом, пока приходил в себя, он уже притиснулся к боку. Видимо, оправиться отползал.

Проснулся от сильного топота по настилу. Наступило утро, заспешили люди. Беспризорников рядом не было, смылись пораньше. Говорили вчера, что на Варшавский вокзал будут перебираться, на запад подадутся.

— Пойдемте за билетами, давайте деньги.

Олег протянул красную тридцатку и несколько скомканных рублей.

— А где остальные?

Заревел. Не зря вчера его охаживал беспризорник. Уговорил смотаться на вокзал, проели втихую. Вот куда уползал. От них, видимо, узнали

беспризорники, что и у других деньги есть. И у Толи, и у Коли загашники оказались пустыми. Обчистили. Деньги сохранились только у меня и у Жени. Да, наверное, и нас нетрудно было обчистить. Скорее всего, беспризорники решили что-то оставить.

Итак, средств у нас только на два детских билета. Зайцем в поезд в Ленинграде не сесть, да и пускаться в такой путь без билетов страшно — не хочется попадаться милиции.

И пришлось нам, действительно, разыскивать дядю, на которого мы так много в том путешествии ссылались.

Разыскивать, собственно, и не надо было. Я прекрасно знал, где он живет. Сели на трамвай 25, доехали до Московских ворот, и вот он дом, рядом со «Скороходом». Внизу обувной магазин с огромным ботинком на витрине.

Мы с Олегом поднялись на второй этаж, позвонили в квартиру. Было раннее утро, люди еще спали. Вышла тетя Маша в халате, увидев нас, всплеснула руками, вскрикнула:

— Коленька! А мы вас второй день ждем. Мама телеграмму прислала. Входите.

— А там еще ребята есть, — протянул Олег.

— Да ведите и ребят!

Дядя с тетей жили небогато и непросторно. Их трое с сыном Юрой да еще одна такая же семья жили в одной комнате. И нас еще втиснулось пятеро. Тетя Маша усадила нас за стол и стала намазывать маслом булку. Куски поглощались моментально, пока не исчезло все, что было на столе.

Дядя Андрюша надел костюм, галстук.

— Пойду к директору отпуск на неделю просить. Надо вас отконвоировать в Ивангору. А то опять куда-нибудь занесет. Отобью заодно телеграмму в деревню, успокою. Вечером мы отправились на вокзал.

— Денег у меня маловато, на билеты до конца не хватит. Доедем до Пестова на местном поезде, а там на товарняках доберемся, — объявил дядя Андрюша.

Я чуть не расплакался. Как этот простой вариант не пришел мне в голову?! Не пришлось бы людей беспокоить.

Так и добирались. Вначале в нормальном вагоне ехали ночь, выспались. А потом сутки на товарняках, то на платформах, то в тамбурах. Дядя Андрюша договаривался с машинистами или кондукторами, нас подсаживали. У станций ложились около борта, чтобы со стороны в глаза не бросаться. Долго стояли у разъездов, то в лесу, то в поле. Вымазались в саже, в грязи. На нашу станцию приехали на рассвете, по тропке поплелись в Ивангору. Помылись в ручейке, почистились.

К дому подходить было страшновато — лупить будут. Но мать выскочила обрадованная, понабежали соседи, матери других путешественников. Степенно притопал Петр Григорьевич, директор школы, Женин отец. Нас

тормошили, расспрашивали, кланялись дяде Андрюше. Мы даже героями почувствовали себя, правда, не в той мере, как рассчитывали после завершения африканской экспедиции.

Головомойка, хотя и без трепки, была потом, после того, как всей деревней проводили в обратный путь дядю Андрюшу, снабдив его разной деревенской снедью. Да и мы чувствовали себя виноватыми, особенно неприятно было за «экспроприированные» пенсии. Той же компанией отработали их за оставшуюся часть лета: рыли силосные ямы, покрыли дранкой четыре скотных двора, работали возчиками на уборке. На игры времени не оставалось.

В. долго избегал встреч с нами, но в деревне не спрячешься. Пришлось работать вместе. О предательстве мы ему не напоминали, он делал вид, будто ничего не призошло. Потом потихоньку все забылось.

А уроки географии в кесемской школе с тех пор начинались с разбора нашего путешествия в Африку. Геннадий Иванович Одинцов, с любовью преподававший этот предмет, рассказывал по-своему наши похождения, проводя при этом мораль, что для человека недостаточно знать географию в глобальном масштабе. Надо знать ее на всех уровнях — на уровне планеты, страны, края, города. Знай мы Ленинград и область, не застряли в нем. А мы лучше знали Африку.

Я с ним полностью согласен. И когда в восьмом классе пошел в эту школу, сам вместе с Геннадием Ивановичем проводил такой урок у пятиклассников.

Николай Герасимов

ПУСТЬ КОСТРЫ ГОРЯТ НА НАШИХ ТРОПАХ!

Нам всем крупно повезло: Коля Юшкин, ивангородский мальчик, вместе с друзьями в детстве «не сбежал» в Африку. Случись это — и не было бы у Коми Республики, у Урала и Пай-Хоя, у Тимано-Печоры и Печорского угольного, у Сыктывкара, в конце концов, такого прекрасного Человека, великого Ученого, настоящего Гражданина и Патриота — Николая Павловича Юшкина.

Нет, Н. П. Юшкин, без сомнения, проходил бы по ведомству Мировых Академий и блистательно и феерично раскрывал тайны земные, но увы, в других ойкуменах, далеко от нас — на Ниле, где-нибудь, у подножий Килиманджаро, на Бушвельде и Витватерсранде... Так что, повторяю, нам всем крупно повезло.

Мы встретились с Николаем Павловичем посреди августа 1983 года в верховьях Лемвы, поставили на берегу речки два палаточных лагеря, я заглянул к нему в гости на чаек — и чаепитие это продолжается — спасибо судьбе за подарок! — целых 28 лет!... Совместные тропы, конференции, президиумы, конгрессы, праздники, вечеринки — в Сыктывкаре, Воркуте, Усинске, Москве, Свердловске, Пекине, Рио... — времени поговорить, поделиться новостями, заботами, понять, узнать, восхититься новой идеей, замыслом, было за эти годы много. Да и более яркого собеседника с необъятным диапазоном интересов, страстей, задумок, планов вряд ли можно встретить. Только в отличие от большинства из идущих рядом все это для него — почва, фон для написания статей, очерков, монографий, создания сборников, кафедр, направлений, открытий, принесших ему мировую известность, признание геологической общественности.

Дар во всем «дойти до самой сути» — редчайшая черта Н. П., то ли впитанная по наследству от родителей, то ли осознанная в крестьянском детстве: все, к чему ни прикасается юбиляр, приобретает жизнь, дыхание, музыку, цвет.

Среди невпроворота дел на геологическом поприще, где он давно случился как «беззаконная комета» и давным-давно — ИМЯ, Юшкин постоянный автор литературных альманахов, республиканской периодики, оригинальнейших очерков о коллегах, друзьях, событиях.

Чего стоит его вспоминание — исследование об одном из лучших поэтов России Николае Рубцове, с которым они, вологодский и тверской пареньки, начали в Кировском техникуме свои непростые и тернистые пути! А как азартно создавалась им кафедра геологии в безнадежные девяностые в СГУ, и время подтвердило верность этого замысла: уже работают

в геологии его мальчишки и, уверен, что студенческая сопричастность к академику Юшкину прорастет в них высоким исследовательским духом...

Мне пришлось знать, учиться, сотрудничать, пересекаться с многими академиками на этой земле. Рядом с одними меня знобило, и язык увязал во рту от немоты: ты прикасался к истории; с другими было не интересно — звание им доставалось по наследству или блату.

Николай Павлович — и здесь явление особое: тишина, удивительная скромность, какой-то ученический такт, незаметность и одновременно — вулканическая работоспособность, неукротимость, безоговорочное лидерство, дар убеждения, соучастие в каждом, попавшем в орбиту его жизни...

Еще раз повторюсь: всем нам крепко повезло — у нас есть Юшкин Николай Павлович! Живет с нами в одном городе, ходит по одним улицам, тропам, дышит с нами одним воздухом, разделяет одни заботы...

Здоровья Вам, дорогой наш Человек, озарений, открытий, творчества, дорог!

Пусть на наших тропах горят костры, вокруг них сидят Ваши друзья и всем от этих костров будет тепло.

ЧЕРНАЯ РАБОТА

Н. П. Юшкину

Верховья Лемвы. Август. Холода.
Ковер персидской осени на склонах
Угрюмых гор. Мятежная звезда
Пульсирует, как свечка пред иконой.

Распадками наверх ползет туман.
Закат костром в полгоризонта стынет,
Но, догоревши, за седой Тиман
Иль за Печору без остатка схлынет.

Густеет на востоке ночи вал:
Мгновенье и прорвет хребта плотину,
Чернильной тучей ринется в провал
И до утра затопит тьмой долину.

Выводит речка вечный свой мотив.
На берегу — палаток вереница.
Я, от маршрута чуточку остыв,
В дневник впишу прожитых
дней страницу.

Про черный крепкий чай, соленый пот,
Маршрутов прозу, ранних рос монисты,
Про то, как не пробьется вертолет
К нам с почтою. Про жар избитых истин.

Про то, как хочется к подругам в города.
Про то, что еще вечность до отлета.
Верховья Лемвы. Август. Холода.
Прекрасная и черная работа.

СНОВА В ПОИСК…

Н. П. Юшкину

Рюкзак, молоток
Да видавшая виды штормовка,
Карта, компас, палатка, лоток,
Спальник, старенькая винтовка,

Два рабочих, студентка, горняк,
Вертолета застуженный рокот,
Шкура снежника, цепкий ивняк,
Канюка беспокойного клекот.

Позывные: «Сова — сорок пять!» —
Как круги по воде — по эфиру.
Полусонна озерная гладь,
Обжигающа кружка чифиру.

День полярный, начало пути.
Стынет в дреме палаточный город.
Надо в эти просторы врасти
И обжить эти синие горы.

Тянет лето свой лагерный воз,
Все причудливей сетка маршрутов.
Вот курума седой паровоз
Ахнул вслед, опоздав на минуту.

Непогодой клубится восток
И с тушенки — икота.
Вот такие дела, браток,
Вот такая работа.

Как упавшую с неба звезду.
Залетевшую в стланик,
Я найду в этих дебрях руду.
Очарованный поиском странник.

* * *

Н. П. Юшкину

В детстве Родины край — околица,
А земля — до края небес.
Утром солнце в реке умоется,
Ночью спрячется в темный лес.
За околицей — поле скатертью.
То в снегах оно, то в цветах.
Величаем Россию матерью,
Нагостившись в чужих краях.
В детстве мама светла, как солнышко,
Золотая, без серебра.
Дни звенели, как капли в донышко,
И накапало полведра.
И по свету немало пройдено,
И разменяна жизнь не зря:
За околицей — тоже Родина,
И за краем неба — земля!

Ноты песни «Величаем Россию матерью», написанной М. Е. Новоселовым

Это стихотворение я написал несколько лет назад, а композитор Марк Новоселов сочинил музыку, и песню однажды пела Альфия Коротаева на моем творческом вечере, где был и сам Н. П. Юшкин.

* * *

Н. П. Юшкину

Мы романтику знаем
В лицо,
Все коварство ее
И кокетство:
Предлагаешь ей дружбу
На час,
А она претендует
На сердце!
Мы романтику пили,
Как спирт,
Обжигаясь,
Большими глотками,
И пьянели
На первых порах,
Но трезветь обучалися
Сами.
Мы романтику ели,
Как хлеб,
Сухарями намаявшись
Вдоволь,
Серебром для седевших
Волос
С нами щедро делились
Просторы.
Мы романтику знали
На вес,
Но на опыте жизни
Проверив,
Научились
Удачу судьбы
На весах
Милиграммами мерять.
Мы романтике
Отдали дань,
И об этом совсем
Не жалеем:
Наши лучшие в жизни
Года
На хороших прошли
Параллелях!

20.05.1996

Чупчикей

ЮШКИНСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ

Надо идти, надо.
Надо рюкзак на плечи.
Надо сапог заклеить.
Надо мозоль забыть.
Надо идти, надо.
Надо шагать с потом.
До комариного писка.
Надо еще дойти.
Надо идти, надо.
Надо забыть обиды.
Надо набрать каменьев.
Надо не ныть в пути.
Надо идти, надо.
Надо дойти до кручи.
И заглянуть надо
В прошлое свысока.
Надо идти, надо,
Чтобы найти слово.
Надо идти, надо,
Чтобы понять себя.
Надо идти, надо,
Чтобы понять слово.
Надо идти, надо,
Чтобы найти себя.

Э. Лосева. Край неповторимый. Средний Тиман. Масло

Как много лет ушло
на пустяки...

СОЗВУЧНОСТЬ

Луна, словно лыковый лапоть,
Заброшенный на небеса.
Как тянет смеяться и плакать,
И с неба ловить голоса.

Как хочется, душу пришпоря,
Подняться в небесную синь,
Чтоб вольно парить на просторе,
Гусей не дразня и гусынь.

Как хочется раскрепощенья
Измученных чувств и души.
Не слышать ничьи поученья,
Как ни были б те хороши.

Как хочется мира и лада,
Созвучности мыслей и слов,
Спокойного, ясного взгляда,
Пронзительно-честных стихов.

Но так не бывает, пожалуй.
Иные удачи не в счет...
Судьбу, словно плот обветшалый,
По самой стремнине несет.

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

По пустынным задворкам,
Заведясь до утра,
Со звериным восторгом
Завывают ветра.

Чьи-то быстрые тени
И глухие шаги,
Окна, словно мишени,
И не видно ни зги.

Не туманная проседь,
А промозглая мгла.
Запоздалая осень,
А за нею зима.

Непривычно и жутко
Занималась заря,
Как последняя шутка
На устах октября.

СЕНОКОС

Стоит сенокосное вёдро,
Кузнечики стонут окрест,
И тучу в широкие бедра
Толкает к закату зюйд-вест.

Шуршат монотонные грабли,
Деревня парит вдалеке.
И только мальчишки озябли,
Перекупавшись в реке.

Цветут луговые полотна,
Шмелями гудит медонос.
Шумит широко и вольготно
Набравший разгон сенокос.

И дышится полною грудью,
И с выходом — боль из груди...
Но схлынет с лугов многолюдье,
Как только нахлынут дожди.

МИМО

Корабль сбросил ход, но заливом
Его, словно дьявол, несет.
Команда в каре молчаливом
Затравленно смотрит вперед.

Пропущены были сигналы,
Просмотрены все маяки.

Немного еще, и о скалы
Корабль разнесет на куски.

Но кто-то в движении резком
Рванул до отказа штурвал.
Со скрежетом, воем и треском
Корабль поворачивать стал.

И рок отступился и трогать
Почти обреченных не стал.
Лишь тень корабля, словно дёготь,
Текла по неровностям скал.

Николай Герасимов

У ПОЛЯРНОГО КРУГА

О чем ты задумался, друг?
Оставь на потом печали.
Гляди, как Полярный Круг
Бесчинствует иван-чаем.

Березок корявая рать
Спешилась у желтой речки.
Зеленым огнем горят
Лиственниц тонкие свечки.

Нам выпал мужской расклад —
Суконною ниткой тропок
Идти в грозовой закат
По веренице сопок.

Сиреневых гор каскад
Вдали — как фата-моргана,
Серебряные перекат,
Агатовые туманы.

Штормовки от соли белы,
Ветрами заласканы лица.
Нам не сидеть на мели
По закуткам столичным.

Придет с побережий зима,
Затеет по тундре пляски —
Вернемся с тобой в дома
К заждавшимся синеглазкам.

Не будем давать, старик,
Тоске наступать на пятки.
Как Ноев ковчег, материк
Баюкает нашу палатку.

КУЧЕРЛА

У Кучерли неукротимый нрав,
Пробито русло в скалах на века.
Все фуги Баха сотни раз сыграв,
Азарт свой не утратила река.

То смачно рвет рубаху на груди.
То пенит острогривый перекат —
И нет у Бога никакой нужды
Шальную азиатку обуздать.

Устал июль распадками стекать
В медовые пьянящие луга
И держит на своем хребте закат
Кедрово-лиственичная тайга.

А наша тропка лезет в небеса —
Все вверх и вверх — за лес, за окоем:
Соленый пот, как спелая роса,
Тягучий нескончаемый подъем.

А в Кучерле как хризопраз вода.
Высвечиваясь в зыбких зеркалах,
Мы вытрясаем из души года
И сохраняем синеву в глазах.

* * *

Оле

Все проходит — высоты, почести:
Не большак — тропиночки нить.
Только пусть на ветрах одиночества
Горизонт не устанет манить.

Все кончается — песни, замыслы —
И уже позади зенит.
Только пусть безвременья заросли
Не сумеют нас изменить.

Все на свете — тщета, сумятица —
Ни о чем не стоит жалеть.

Каждый сам по счетам расплатится
На печальной паперти лет.

От распутий не стоит прятаться:
Быть — не быть, иметь — не иметь.
Только пусть Твое имя святится,
Глаз Твоих зеленеет медь!

* * *

Пара лиственниц, тройка берез
Обнялись на пригорке.
Перед ними — малиновый плес:
Где купается зорька.

Как дозор на крутом берегу,
Как на отдых осевшая стая...
Полыхают на первом снегу
Лист багряный, хвоя золотая.

* * *

А. Боровинских

Давай, дружище, воз тянуть до ста,
Отыгрывать у Бога дней висты
И в Севера колючие врастать,
И за собой, как встарь, сжигать мосты.

Пусть россыпями стелются года,
Пусть строки троп ложатся на листы,
Пусть светит нам Полярная звезда —
Да будут наши замыслы чисты!

КОРОЛЕВА СНЕЖНАЯ

Буду снегом, пусть чуть грубоватым,
Ранним утром ровно лежать.
Днем — белей медицинской ваты,
Буду очи твои ублажать.

Буду розовым на закате
Уходящего зимнего дня,
От фонарных бликов заплаты
Будут ночью латать меня.

Ты, уставшая, спишь в постели,
Сон десятый видишь давно.
Я же с лапы соседней ели
За тобой наблюдаю в окно.

Разметалась во сне, разнежилась,
На подушке — волос копна,
За окном же зима заснежилась —
Хлопья снега, луна, тишина.

Грязь скрывая, листву осеннюю
Посыпает пушистый снег
В эту пору ночную зимнюю
Для тебя, мой родной человек!

Утром сбросит Морфей оковы,
Отойдешь ты от сонных нег,
Захрустишь сапожком с подковой
И сама превратишься в снег!

Ты пушистая, мягкая, белая,
Ты Снегурочка, по рождению!
Я влюблен и глупости делаю,
Ты сегодня мое наваждение!

Для меня ты любимая, нежная,
Я не знаю, как для других.
Ты — моя Королева снежная,
А я тропка в ногах твоих!

* * *

О, Господи, меня не старь,
Как прибалтийский тот янтарь.
Я, как жучок в том янтаре,
В свои полсотни январей.

Пусть буду мудрым, словно змей,
Пусть буду старше всех камней,
Пусть неожиданно умру,
Но старить ты меня не смей!

Еще не знает тело боль,
И сердце полное страстей,
Еще порой бурлит любовь,
И старить ты меня не смей!

Я сам тебе скажу о том,
Когда состарюсь.
За дерзость просьбишки моей
Тебе покаюсь!

* * *

Осень пахнет грибами, брусникою,
Пахнет осень таежной тропой.
А в избе тихо «ходики» тикают,
А в тепле осень пахнет тобой.

Снова утром в промозглую осень
С прелым запахом сосен, осин.
И чего меня по свету носит?
Будто в жизни живу я один.

Мне привольно в лесу и свободно
На озерах, болотах, борах.
Жить могу я там сколько угодно,
Не скучая на первых порах.

А, затем, кислородом насытившись,
Подустав от природных красот,
По тебе и комфорту соскучившись,
Я дойду до знакомых ворот.

Я поставлю корзину с грибами
И с брусникою пестерь в сенях.
Плащ, ветровку, гремя сапогами,
Я развешу сушиться впотьмах.

Я войду и твой сон потревожу
Поцелуем, но то не беда.
Осень пахнуть по-разному может,
Но тобой она пахнет всегда!

Алексей Иевлев

* * *

Город старше меня.
Я хожу по нему много лет.
Он меняется так же,
Как в небе над ним облака.
Я пока современник для улиц,
Которым века.
А потом смоет дождь с мостовых
Мой сегодняшний след.

Ну и пусть... Жизнь дана для того,
Чтоб родиться и жить.
Ошибаться и верить,
Что нам воздадут за грехи.
И покуда даруются свыше
Дожди и стихи,
Получается верить, и жить,
И творить.

* * *

В доме тепло от печки.
В жизни светло от сына.
Солнечно мне от дочки
И от второй половины.

Жизнь половинами мерить —
Дело, наверно, пустое...
Но я старюсь верить
В искреннее и простое.

Маму забрали годы...
Папу забрали годы...
И на часах природы
Время мое проходит.

Словно в кинокартине,
Движутся человечки...
В жизни светло от сына,
В доме тепло от печки.

* * *

К. Р. Мальцеву

Не место красит человека...
Но средь банкиров и шпаны,
Не отличавших шпрот от штрека,
Приятно выделялись Вы.

Сейчас не модно выделяться.
Достойна жалости страна,
Где надо на шпану равняться...
Вы правы, что послали на..!

ЛЕСНЫЕ ПОСЕЛКИ

Поселки лесные —
Живые людские миры —
На карте России
Не сразу отыщешь — малы.

Здесь люди как люди —
Такие же, как и в Москве.
И в праздник, и в будни
Течет жизнь сама по себе.

До Бога далёко.
До леса — рукою подать.
Кому одиноко,
Кому — только здесь благодать.

Под куполом неба,
В излучинах синей реки
И зрелищ, и хлеба
Находят себе мужики.

Здесь жизнь не спесива:
Заботы, работа и дом...
Как будто Россия —
Большая река подо льдом.

Великая сила!
О чем там кричит вороньё?
Здесь дремлет Россия —
Живые истоки ее.

* * *

Какие б дожди не крестили
Походное счастье моё,
А все-таки лучше России
Нельзя обрести ничего!

Есть краше края и богаче,
И есть беззаботней житье...
И всё бы могло быть иначе...
Но только оно — не моё!

* * *

Есть люди — богаты годами,
Любимцы детей и жены,
Их судьбы ложатся в фундамент
Истории нашей страны.

Они шли по жизни не с краю,
А в первых тяжелых рядах.
Им возраст совсем не мешает
Работать на разных постах.

Они — из когорты надежных,
Которых куда ни направь —
Они «через тернии к звёздам»
Освоятся в главных ролях.

А годы — богатство мужчины,
Как званья, чины, седина...
И веская, кстати, причина
Налить что-то крепче вина!

ВОРКУТА

Этот город умрет,
потому что не нужен России.
Задыхаясь в петле умерщвленных
намеренно шахт,
Он не встанет с колен.
И меня ни о чем не просили
Терриконы в снегу
и глазницы обрушенных стен.

Этот город умрет,
может, ранее многих живущих.
Тундра снегом зализет
заброшенный угольный шрам.
И останется миф
Об угробленных здесь...
О влекущих
За собою тенях по безмолвным
этапным следам.

* * *

Александру Павловичу Боровинских

Пусть истина эта не нова —
Мужчин украшают года!
И смотрится, словно обнова,
Седая твоя борода!

Она — флибустьерской породы!
И чудится: словно таран,
Сквозь грозные волны и годы
Ведет свой корабль капитан!

Мы — юнги и просто матросы.
Мы знаем про бури и штиль.
Вопросы встают, как торосы —
То в борт они метят, то в киль.

То вылезет чья-нибудь банда
На понт или на абордаж.
То скажут: «Ведь это шаланда!
Куплю. По дешёвке продашь?»

Но судно надёжно не только
Оснасткой и медью бортов,
Командой в наганах и кольтах
И крепким шитьем парусов.

Как флаги, взбегаем на реи,
Как чайки, парим в небесах,
Как черти, палим в батареи,
Как дурни, стоим на часах.

Но нету причин для вопросов
«Война у нас или беда?»,
Когда среди бурь и торосов
Седая торчит борода!

Она — как мираж бедуину!
Как национальный проект!
Как ветер, которому спину
Подставит любой человек!

Но этого счастья нам мало.
Как было бы славно, когда
И птицу в гербе украшала
Седая твоя борода!

СЕН-ЖЕНЕВЬЕВ ДЕ БУА

Здесь похоронена Россия.
А та — за Бугом и Днепром —
Чужие доблести носила
В названьи краденном своем.

Угробив жизни миллионов,
Взрастив уродов на костях,
Чьей кровью красные знамена
Горят на наших площадях?

Мне говорят, что нет условий
Возврата в мрак... Что мы — как все...
Но снова вижу реку крови
На бело-синей полосе.

* * *

Вы умны, и стройны, и красивы!
И подобны подругам богов!
И, уверены, очень счастливы
В окружении нас, мужиков!

Мужикам нужны деньги и слава.
Они жаждут красавиц, как вы.
Мужики — это только оправа
Бриллиантам чистейшей воды!

* * *

Красивая женщина —
это пожизненный крест!
А, может быть, званье,
которое выше наград.
Ах, если бы скинуть немного
из прожитых лет!
Как жаль, что года, как и листья,
назад не летят...

Ноябрь.
Снег лежит в сыктывкарских дворах.
И можно подумать,
что лето уже не вернуть...
Какие закаты погасли в полярных горах!
Какие надежды еще соблазняют
нас в путь!

Соблазны живучи.
И детские живы мечты!
И жизнь так прекрасна и звонка
в любые года!
Пусть Вас осеняет по-прежнему
свет красоты —
Красивая женщина будет красивой всегда!

Андрей Канев

* * *

Рождественская грусть,
я шлю тебе привет
Сквозь время, операторов по связи,
Над лесом и рекой свой нежный след
Проложит моё слово без боязни
О нашей недосказанной любви,
В наручниках семей её запястья...
В ответ мне нежных слов наговори...
В них важный смысл,
в них ощущенье счастья.

* * *

Чтобы настроиться на поэтический лад,
Нужно, как скрипка,
свой срок отлежать в темноте,
Чтобы вернуть свою стылую память назад,
Чтоб оказаться на нужной судьбе высоте.

Чтобы чехол кто-то сдёрнул
упрямой рукой,
К струнам коснулся
и звонко качнул камертон.
Чтобы нарушился миропорядок простой,
Чтобы догрыз своё яблоко
старый Ньютон.

Если же будет потерян
тревожный смычок,
Струны порвутся
под тяжестью сыгранных нот,
Стану поэзии трепетной я палачом,
Что утирает над плахою вышедший пот.

Сам четвертую сознание, душу и ум,
Сам вознесу умерщвленное слово
к земле,
Что это, что это за безответственный шум,
Всё нарастает в колючей моей голове?

Мамины руки поправят подушку мою,
Мамины песни до детства проводят меня,
Тихо усну и во сне запою, запою
Скрипкой в ночи
в самом сердце степного костра.

* * *

Материнское слово бывает
отрадой рассудку.
Всё дерёшься по жизни,
и кто-то дерётся с тобой.
Так летят по судьбе твои вечно
дежурные сутки,
О себе забываешь, о матери,
сыне с женой.

А хотелось бы молча прижаться
и плакать, и плакать,
Чтобы слёзы рекой,
устремившейся в горный поток,
Так чтоб выгребло душу
совковой тяжёлой лопатой,
И она расцвела бы,
как нежный весенний цветок.

Да вот только грехи, говорят,
в рай таких не пускают,
Даже если от крови чужой
оттереть кулаки.
И такие в сугробе
от водки дурной подыхают,
А не в собственной койке,
читая любимой стихи.

Я порву свою душу,
сожгу свою форму с крестами,
В реку выброшу память,
тельняшку на тряпки отдам,
Будет выстелен в рай
и моими шальными костями
Тяжкий путь наших жён,
наших молча стареющих мам.

Пусть Господь им воздаст всё,
что мы впопыхах не додали,
И однажды в святилище примет
надёжно своё.
Ну а нам на войну,
нам пора уже в горные дали,
В рай грехи не пускают таких всё равно...

* * *

Продрогший служебный уазик,
Морозных дорог чародей,
Давно постаревший проказник,
Возивший на службу людей,
Был куплен когда-то служивым,
Таким же, как он стариком
Не ради корыстной наживы,
А чтобы не ползать пешком.
С тех пор они братья по жизни
То в лес, то к реке, то в пивбар.
Ни тот, ни другой не капризны,
На лицах поджарый загар...
Везут меня оба до дома
И тихий ведут разговор
О том, что слизала корова
Три пенсии – новый мотор
На сервисе принял уазик.
А деду под сердце шунты
Врачи наложили под праздник.
А то бы чуть-чуть и кранты.
Дорога вилась под колёса,
И вьюга метала снежки,
Но ехали мимо мороза
Стальные домой старики.

Валентина Капитанова

* * *

За окошком капель, капель
На крылечко присел Апрель.
Яркой синью сверкнули глаза —
чудеса.

Воздух свеж и прозрачно чист,
Носик высунул клейкий лист,
И очнулись деревья от сна —
весна.

И тревожно и весело вдруг,
Сердце бьется, как будто испуг
Оттого, что не быть мне весной
с тобой.

Солнца лучик на тонкой струне
Легкий блюз сыграет весне.
Зимних вьюг умчится печаль
вдаль.

Грусть растает снежинкой у ног.
Только ты понять меня мог.
Верю, что улыбнется вновь
любовь.

Константин Коковин

МНЕ ЕЩЁ ИНОГДА СНЯТСЯ ГОРЫ…

Мне намечены были
звериные тропы-дороги.
Мне обещаны были холодные злые ветра.
И снега, и дожди, и крутые речные пороги,
И работа, работа, работа — с утра до утра.

Я не спорил с судьбой,
а бежал от неё без оглядки.
Я зарылся в семью,
я оброс животом и детьми.
В «тёплом месте» сижу, и всё,
кажется, в полном порядке.
Только что-то не так.
Что «не так», не пойму, чёрт возьми.

Снится мне то и дело сурово-таёжное лето.
Снится на перекатах прозрачный
бурлящий поток.
Горы снятся ещё иногда...
Так, наверное, где-то
Неприкаянно бродит душа,
словно мысль между строк.

У ЗАПАНИ

Я с женщиной у запани сижу.
По-над рекой закат огнём играет,
Подкрашивая серую межу
В моём осеннем и унылом крае.

Пусть у меня есть дочь на стороне,
И у неё есть дети от другого...
Я с ней неискренен, она со мной —
вдвойне.
Молчание за нас замолвит слово.

Морщинки в уголках усталых глаз,
Закрашенные ранние седины —
Всё в ней родное, всё сближает нас,
Слова и жесты кажутся невинны.

Кому обязан я такой судьбою,
Что на душе давно не горячо,
Её склонённой грешной головою
На столь же грешное моё плечо?

И счастья большего себе не нахожу,
Хоть и не знаю — счастье ли нашёл.
Я с женщиной у запани сижу.
Нам хорошо вдвоём,
нам просто хорошо.

БЕЗМЕРНО ЗАВИДУЮ ПТИЦАМ

Безмерно
завидую
птицам,
Которым —
Шаг с парапета
и —
полёт!
Шагать с парапета
легко научиться,
Судьба же не всякому крылья даёт.

Попробуй —
узнаешь:
крылат
или нет.
Шагнул —
вбуравился в землю лбом.
Ох! Такие опыты не по мне.
Попробую,
может, ещё ... потом.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Туман разлит, как сладкий елей,
В нем утопают лапы елей,
И сонные стада стогов,
Теснясь у зыбких берегов,
Теряя из виду друг друга,
Тревожат мглу вдоль кромки луга.

Все здесь — покой и несмятенье,
Беззвучна тьма в ветвей сплетенье
До первых солнечных лучей,
Что мчатся по траве скорей
Напиться утренней росой.

И отражаясь в капле той
Небесной влаги,
Омоют землю подо мной
При легком шаге.

ЕСЛИ…

Памяти Сергея Попова

Если расстаются двое —
в жизни всякое бывает —
что причиной? Кто виною?
Кто от этого страдает?

Если двое расстаются,
виноваты в этом оба,
а ещё — слепая злоба,
бьющая сердца, как блюдца.

Если двое в ссоре вечной,
в том причиной — кто-то лишний.
Кто-то алчный, кто-то хищный
и завистливый, конечно.

Если у двоих нет счастья,
больше всех страдает... третий:
невиновный, непричастный
и НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ.

11.2010—27.02.2011

* * *

Андрею Попову

Провинция, люби меня сейчас.
Уже сейчас мою ты знаешь цену.
Зачем же тебе нужен непременно
Последний день мой и последний час?

Люби меня, провинция, теперь,
Пока я молод и прекрасен тоже.
Я буду старым. Это мне поможет.
Но столько ждать не в силах я, поверь.

Провинция, а я тебя люблю.
Я каждой кочке рад твоей и строчке:
Березе белой в сереньком платочке
И этому глухому глухарю.

Я сын твой, мать-провинция. И враз
Забуду я обиды и напасти,
Когда бы мог к твоей руке припасть я.
Люби меня, провинция, сейчас.

30 сентября 2010 г.

* * *

Николаю Герасимову

А все-таки геологи крылаты.
Им не мешают рыцарские латы.
Ни кризис не пугает их, ни Троя.
Их не меняет даже смена строя.

А все-таки геологи могучи.
Им подземелья по сердцу и кручи.
Ни слава их не портит, ни опала.
А дружба крепче их любого сплава.

Я песни их люблю: они, как море.
Все о любви, о воле и просторе.

Хоть их гитар простуженные глотки
Охрипли от походов и от водки.

А все-таки геологи бессмертны.
Морозы закалили их и ветры.
И пусть они, как скалы, угловаты,
А все-таки геологи крылаты.

30 марта 2009 г.

* * *

Николаю Цхадая

Коля, они все равно не поймут
самого главного.
Будут заслуги твои считать, копейки,
промахи.
Будут тянуть тебя к теплой своей гавани.
Но не бывает там парусников и черемухи.

Коля, а мама твоя все боялась страшного,
Чтоб не убили мальчиков просто так,
спроста.
И с опасеньем смотрела она на каждого.
Даже потом, «после достижения возраста».

Ты у нее научился добру и совести.
А у отца несгибаемости и мужеству.
Коля, и я не встречала печальней повести,
Чем твоей мамы радостное замужество.

Коля, мужчины с делом навек повязаны.
Вот ты и взялся за дело за настоящее.
Жимолость и жалость —
про это еще не сказано —
Есть что-то общее в них и щемящее.

Как вы поете с братом в минуты редкие!
Кто поет лучше — не скажешь.
Какая разница?!
В эти минуты черемухи белой веткою
Жизнь твоя, Коля, цветет, и блазнит,
и дразнится.

Коля, а жалость — она ни к чему, но она,
как жимолость,
Трогает сердце своею печалью блеклою.
Обе они бабы, вот и пристают:
скажи, мол, мне,
Что это ты не конкретно так,
а вокруг да около.

Коля, ты, Коля — садовая голова.
И без садов тебе выпало много славного.
Что-то закончились в песенке
вдруг слова.
Коля, они все равно
не поймут самого главного.
2 января 2011 г.

* * *

Муза, мне не хватает блюза,
Танго или, конечно, вальса.
Муза, пусть наша жизнь обуза,
Но не всегда же я Железнова Васса.

Муза, ландышами снежинок с окон
Нынче просится в дом поземка.
Муза, где-то сегодня сокол,
Видно, не стал убивать ягненка.

Муза, как хорошо, что рядом
Ты народилась с небом и праотцами.
Муза, ты-то откуда родом:
Если дружишь с хижинами и дворцами?

Сказками Венского леса закружит память,
Сердце вдруг вспомнит танго печаль
и блюза.
Странно, давно ль это было с нами?
С нами ль давно это было, Муза?!
07 февряля 2011 г.

* * *

Моей маме
О. К. Мирошниченко-Кулагиной

Может, я просто очень уже устала,
Но забываю истину понемногу:
Как бы нас ни любила мама, все нам мало.
Как бы мы ни любили маму, все ей много.

Что ты, яблоня, плачешь и опадаешь?
К осени детки твои народятся сами.
Только ты, яблоня, горя того не знаешь,
Как это падать яблоком в сердце маме.

Перебираю вины свои по летам.
Каждому лету одною виною больше.
И для чего я тогда родилась поэтом,
Если стихи не искупят того, что больно.

Даже, когда помогают в пути вокзалы,
Истина не уступит и спросит строго.
Как бы нас ни любила мама, все нам мало.
Как бы мы ни любили маму, все ей много.
21 ноября 2010 г.

НА 300-ЛЕТИЕ СИБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Хранителю и воссоздателю русской
истории и культуры А. Г. Елфимову

По вертикали, Елфимов, по вертикали
Русские люди строят судьбу веками.

Как повелось от Владимира:
выше — лучше,
Так нас и манят вверх небеса и кручи.

Мужеству русских пою я сегодня славу!
Слева — Кучум,
а Ермак он — навеки справа.
Мыс тот Чувашский из нашей
победы соткан.
Что, казаки, а слабо из ладьи — слободку?!

Что, казаки, а слабо слободу —
в столицу?!
А для чего же тогда нам сама жар-птица?!
А для чего, казаки, нам тогда дорога,
Если не в гору, не ввысь, не к царю,
не к Богу?!

Сколько уж силы собралось в той
богатырской
Русской губернии?! Звали ее Сибирской.
Слава Сибирской губернии!
Русским — слава!
Слева Кучум. А Ермак он навеки —
справа.

По вертикали, Елфимов, по вертикали
Ангелы нынче всю ночь
над землей взлетали.
Над Абалаком, Искером — святое войско.
Ангел их Белый позвал с собой,
страж Тобольска.

Даже Конек-горбунок пролетел
над кручей,
Чтоб подивиться такой красоте могучей.
Кто-то сказал, что сегодня, мол,
много снега.
Ремизов только с надеждой глядел
на небо.

Ремизов славный, твои отыскались карты!
Как тебе в городе?! Да, и вообще-то, как ты?
Слева — Кучум, а Ермак —
он навеки справа.
Мужеству русских пою я сегодня славу!

Что ж ты, Тобольск,
о столичной судьбе не помнишь?!
Красная площадь твоя, как молитва
в полночь!
Храмы твои — это веры твоей оплечья!
Стольный Тобольск, ты —
бессмертие человечье.

По вертикали, Елфимов, по вертикали
Поле истории русской перепахали.
Русское сердце за Русь не устанет биться.
Все повторится, Елфимов:
будет Тобольск столицей!
18 декабря 2008 г.

И СНОВА ВПЕРЁД!

Летят наши годы,
Стремясь к Юбилеям,
Мотаемся всюду,
Себя не жалея,
И бьёмся зачем-то,
Стремимся куда-то,
А так ли уж это
И вправду нам надо?
Бежим без оглядки
По ленточке жизни
И слышим то слева,
То справа: «Не кисни!»...
И вдруг осенило:
Куда нас уносит?
Да так, что мелькают
Берёзки и сосны,
И сами скрываемся
В сумерках далей:
Когда-то ведь были
И мы рысаками!
А, может быть, время
Нам остановиться?
Но что заставляет
Вдруг сердце забиться?
Нет, что бы родные,
Друзья ни сказали,
Манят нас по-прежнему
Дальние дали.
И хоть наша жизнь,
Как и всё в ней — не вечна,
Стремление к далям
У нас бесконечно...
Ну а потому, друг,
Давай оглянёмся...
И снова вперёд,
Как всегда, понесёмся!

Евгений Пономаренко

* * *

Три жизни в палатке
Ни валко, ни шатко,
Физический труд, только отдых душой.
Стишочки украдкой,
Заплатки, заплатки
Сплетались причудливо над головой.
И снова дороги,
Тропы, пороги,
Скарб небогатый в заплечном мешке.
Забытые богом
С любовью под боком,
Затеряно счастье в бескрайней тайге.
Птицы запели,
Березы и ели,
И сколько хотелось всего... А резон?
Упорно на север,
Лишь сам себе верен,
Уверенным курсом на свой горизонт...

НА УРАЛ

Вот бы снова свалить на Урал,
И гори все огнем: или — или.
Эти горы я не покорял,
Они сами меня покорили.
Даже ночью в палатке тепло,
Согревают и мысли о доме,
Но дарует луна серебро,
Как звездою, скалою ведомой,
Отражается водная гладь...
Летом звезды мерцают так тускло,
И охота туманы обнять
Необъятной душою — по-русски.
Размешав все обиды веслом,
Уплываю я — птицы, горланьте...
Но останется что-то еще,
Чем кусок хрусталя на серванте...

* * *

Мы давно потерялись с тобой
в неизвестных краях,
Где луна, как свеча,
и снега так сродни небосводу,
И сейчас на вопрос, где наш дом,
нам уже не понять,
Все навек позабыто — тропинки,
мосты или броды...
Мы давно потерялись
в глуши недосказанных слов,
Наши стройные фразы приелись
и стали избиты,
О, как сильно звучит отсечение рук
и голов,
И как сильно всё это
с реальностью нашею слито.
Мы давно потерялись с тобой:
не вернуться назад,
И все реже видение — мать и отец
на пороге...
Но опять горизонт манит
отточенный взгляд,
И уводит судьба по случайно
попавшей дороге...

Андрей Попов

* * *

Пророки читают молитвы,
Твердят покаянный канон,
Им зримы грядущие битвы,
Печали последних времен.
Поэты — не очень серьезны,
Не дал им Господь глубины,
Вглядевшись в высокие звезды,
Заметят лишь — зимы морозны,
И души людей холодны.

* * *

Где сладкий дым Отечества? Лишь гарь
Разбой уже не спишешь на погоду.
И что-то должен русскому народу
Сказать неправославный государь.

И упростились нравы и словарь,
И новую предчувствую угоду
Крикливой черни.
Прочно входят в моду
Бродвейский сленг, японский календарь.

И познаю, внимая пестрым дням,
Бездолицы, безладицы,
укрепы,
Что надо возводить страну, как храм,
Испытывая благодать и трепет.
И гарь вдыхаю. Драгоценный пепел
Разносит ветер по материкам.

* * *

Темный воздух метелей и смут,
Не хватает здоровья и солнца.
Но привыкли все — как-то живут.
Почему только мне не живется?

Чтоб забыть свой нерадостный труд
И тоски благозвучное имя,
Люди водку старательно пьют.
Почему же не пьется мне с ними?

Вот живу на седьмом этаже,
В небогатой отдельной квартире.
Выпью водки — но скучно душе
В этом быстро хмелеющем мире.

* * *

Н. Кузьмину

От русской Непрядвы остался ручей
И ропот стиха или бреда.
По этому поводу водки не пей,
В незваных гостях не обедай,
Заслуженных гениев не матери,
Мы сами свое заслужили,
Ревнивой стилистики пономари
В нетрезвой лирической силе.
Мы всех обличили до самого дна
Беспечной души и стакана.
И нету Непрядвы — неправда одна
В народных мечтах и туманах.
От русской победы остался музей,
Словарь и привычки пехоты.
По этому поводу водки не пей
До патриотической рвоты.
В незваных гостях не растрачивай дни
И светлую душу поэта.
И русскую Родину не хорони,
Пока есть стихи и ракеты.

* * *

Рассуждали об интиме,
В этом деле все сильны.
Вдруг сказал Владимир Тимин*:
«Две достаточно жены
Для поэта, в брачном плане

* В. Тимин — народный поэт Республики Коми

Две — вот так! Как ни крути,
Хватит. Мы ж не мусульмане,
Православные почти».
Те, кому необходимо
Много жен на стороне,
Заворчали: «Как же, Тимин,
Двух достаточно вполне?
От тебя не ожидали
Мы подобной чепухи.
Как бы мы тогда писали
Гениальные стихи?!»
Но еще неумолимей
И решительней на вид
Говорил Владимир Тимин:
«Две — и хватит. И лимит.
Мы же с вами не собаки,
Чтоб иметь по сто подруг.
Первая — в законном браке,
А вторая — все вокруг.
Все, которые бывали
К нашим чувствам не глухи,
Чтоб мы как-то сочиняли
Гениальные стихи.
Надо быть скромней в интиме
Все-таки не двадцать лет!»—
Говорил Владимир Тимин,
Очень опытный поэт.

* * *

Кто-то тайно приказы изрек,
Кто-то свел в напряжении скулы,
Чья-то мысль, словно пуля, мелькнула —
И я выбран, как верный залог.

Эй, поэт, затаись между строк
И смотри в автоматное дуло! —
Гаркнет резко исчадье аула,
Палец свой положив на курок..

Я — заложник столетней беды,
Мне в лицо она весело дышит...
Праздный мир с одобреньем услышит,

Что меня, приложив все труды,
Обменяли на сумку с гашишем
И на остров Курильской гряды.

* * *

Родимый город, как мне надоели
Твои кварталы и твои углы,
Твои неутомимые метели
И черный воздух заполярной мглы.

И ты меня не любишь, но прославишь,
Я знаю, что на северном ветру
Однажды ты мне памятник поставишь,
Когда я от красот твоих умру.

Сочтёшь, что будет юношам полезно
И моего лица узнать черты,
Мой дар отметишь... Как это любезно!
Жаль, не от сердца,
Так... от суеты.

Владимир Силкин

ТОПОР

Стучит топор, упрямо рубит слеги.
В лесу темнеет, дождик моросит.
И, кажется, с натруженной телеги,
Пугая лес, возница голосит.

На листьях медь прошедшего столетья
И пыль веков на листьях этих дней.
Не перебить топор угрюмый плетью,
Пока он в спорах всё-таки сильней.

На нём и кровь, и женские проклятья,
Последний крик и слёзы палача.
Проходит осень, вся в пурпурном платье,
От ужасов столетий горяча.

А что топор? Он тонко знает дело,
Куда ударить, знает наперёд.
Не подставляйся, быстро и умело
Тебя топор, как липку, обдерёт.

Ему не вновь стучать в лесу, потея,
Такая жизнь, видать, у топора.
Трепещет лес и гнёт покорно шею,
Как век назад, и так же, как вчера.

ВОРОБЬЕВКА

Сергею Прохорову

Хорошо, что здесь песни поют,
Прочищают лужёную глотку,
А ещё, что за здравие пьют
Русский квас или русскую водку.

Нереальный, божественный свет
Открывается зоркому глазу.

И стоит очарованный Фет,
Прислонившись к любимому вязу.

А над речкой Тускарь облака,
Соловьями разбужены дали.
И какая быть может тоска,
И какие быть могут печали?!

И выходит, что радость одна
Поселилась у барского дома,
И знакомая песня слышна,
Где лишь тайна живёт да истома.

ПТИЦЫ

На рассвете птицы пели,
Задыхались в тишине.
Что сказать они хотели,
Что рассказывали мне?

У окна они сидели,
А, быть может, на окне,
И такие песни пели,
Будто жаловались мне.

Я молчал и только слушал
Адресованное мне,
И ни разу не нарушил
Этих песен в тишине.

Только вспомню эти трели,
Дрожь проходит по спине.
Знать бы, что мне птицы пели,
Что рассказывали мне?..

КЛЕСТЫ

Заметелило вновь, зазнобило,
И к жилью из метельных лесов
Прилетели клесты, зарябило
На рябине моей от клестов.

Что же делать, погода такая!
Голод вечно толкает к жилью.
И поэтому жалость впускаю
Я в озябшую душу мою.

Мне не раз замерзать доводилось.
И опять-таки, тоже не раз,
Чья-то жалость на помощь стремилась,
Как с небес эта стая сейчас.

Кровоточат снега, кровоточат,
Кровь рябины на свежем снегу.
Я боюсь, что клесты напророчат
Бесконечную эту пургу.

КОСТЕРОК

Станиславу Подольскому

Не сидится мне, не сидится.
Что-то гонит вперёд и вперёд.
А в руках задремала синица.
А по небу журавль плывёт.

Надо б раньше, а то припозднился...
И зачем теперь нужен такой?
О таких уже плачет больница,
А, быть может, и вечный покой...

Вечно пусть журавлиною стаей
То курлыканье тает вдали,
И тихонько пускай догорает
Костерок на краю земли.

5 марта 2009 г.

* * *

Всё, что мог сказать — уже сказали.
Чуть по-своему, конечно, но давно...
Повидал кое-какие дали.
Кое-что узрел через окно.

Новых не открыл Америк
И не изобрёл велосипед.
Но, бывает, сохраняет берег
На песке едва заметный след.

Оттиски дождя эпохи
Миллионнолетней старины
Нынешним геологам неплохо
На отколотых камнях видны.

Камни я держу на книжных полках,
Но потуг своих не прерывал —
Отыскать на каменных осколках
Самые нетленные слова.

7 января 2009

* * *

Как много лет ушло на пустяки.
Хотя и пустяки нужны кому-то.
Всё относительно: от этой вот строки
До таинства последнего маршрута.

Жизнь мимолётна. Только понимать
Обычно начинаешь поздно,
Когда уже не дать, не взять;
И всё на свете слишком розно.

Ну, что ж, довольным быть собой
Не выпал, по несчастью, случай.
Так и живёшь — за сбоем сбой.
А годы властвуют и мучат.

23 февраля 2008

ЧЕРЕДА

Это раньше я — хоть куда.
А теперь простите, ребята, —
Обойдутся без нас города,
Нами вынянченные когда-то.

Подлатают их без потуг
По скупой юбилейной смете.
На маршрутах сплошных разлук
Нас, быть может, и не заметят.

Ну, да разве заметишь всех
В суете чиновничьих правил.
Поисковый наш громкий успех
Юбилей свой едва ли справит.

И не надо его справлять, —
Юбилеи и так в избытке.
Пусть приходит созревшая рать
Молодых, подкованных, прытких.

Это раньше я — хоть куда.
А теперь простите, ребята:
Наступила их череда
Сделать лучше, чем мы когда-то.

06.2008

КАНВА

Канве есенинской сродни,
Но сам ему отнюдь не ровня,
Пошевелю былые дни,
О небыли и были вспомню.

Всё чередом, и всё путём.
Так было или так казалось,
Пока крыла не распростёр
Соглядатай по кличке «старость».

Не слыл по жизни бодрячком,
А нытиком — тем паче.
И здесь не проскользну бочком,
Надеясь на удачу.

Канва прервётся и моя:
Для всех — один удел.
Но несказанно жаль огня,
Что в нас не догорел...

12 августа 2008 г.

* * *

Говорить не надо о стихах.
Надо говорить стихами.
Распатроненные в пух и прах
Наши вирши долго не стихали.

О, как это время далеко!
Питер. Горный. И года пятидесятые.
Молодость. Всё ясно и легко.
И амбиции в карман запрятаны.

Ну, а годы делали своё.
И благоразумье (кто сказал — «позорное»?).
Но стихами молодость встаёт
И под старость — вовсе не зазорная.

Нутряные слушаю слова.
Музыкою ритма напрягаюсь.
И пред молодостью, что была права,
Неприкаянная, каюсь...

19 августа 2008 г.

* * *

Нежно падает снег.
Тихо-тихо. Беззвучно.
Ветер замедлил бег —
Лишь от случая к случаю.

Снежинка коснулась лица
И испарилась тут же.
А эти спешат домерцать —
Под фонарями кружат.

В мире покой и тишь,
Такое и не приснится.
Как на часах стоишь
С влагою на ресницах.

Эти блаженства часы
Жизни иной равнозначны.
И веришь, слегка поостыв,
Что мог бы прожить иначе.

13 февраля 2008 г.

* * *

Сочувствую религии.
Не против и не за.
Что значилось веригами,
Теперь уж тормоза.

Без тормозов не можно:
Иначе всё в разнос.
Наука потревожила
Божественный вопрос.

Пытливость человечья
Без тормозов — беда:
Опасная предтеча
Дороги в никуда.

Бежит, бежит дорога.
Созвездий вьётся рой.
И тормознуть немного
Так хочется порой!

27 августа 2008 г.

* * *

Воспоминания.
Они приходят
Без спросу. Я им сам не рад.
Но омолаживают, —
алкоголя вроде
Успокоительный заряд.

И горестно, и вовсе обалдело,
И стыдно, и почётно вновь
Дышать и жить, и делать дело,
И разгонять по жилам кровь.

Я вспоминаю. Ну, и что такого:
Я заново живу опять.
Смурно, и впопыхах, и бестолково, —
Но возвращая годы вспять.

Декабрь 2007 г.

* * *

Для кого пишу, приятель?
А, пожалуй, для себя.
Нет, ни капельки не спятил:
Для себя и... для ребят.

А ребят — довольно густо.
Они тоже для себя
Стихотворное искусство
Увлечённо громоздят.

Значит, стоящее дело,
Коль из года в год
Трепетно и ошалело
Виршеплётствует народ.

26 августа 2008 г.

* * *

Я — ленив? Компьютер не освоил.
Сыгнорировал технический прогресс.
И кручусь, как в деревенской школе,
С авторучкою наперевес.

Впрочем, ныне и в деревне,
Коль не врут, технический ажур.
Может быть. Но я к породе древней
Староверческой принадлежу.

Сомневаюсь. Всякое бывало:
И до Евы, говорят, была Лилит.
Одного прогресса явно мало,
Коль душа о ближних не болит.

«Ручка», «мышка». Разве в этом дело.
Жизнь буреет, как осенняя трава.
Но, ей–Богу, мне не надоело
Новое о старом узнавать.

Октябрь 2007

* * *

Угорское скуластое лицо,
И удивительно славянский говор.
Кто был ей матерью и кто отцом,
В каких веках случился сговор?

За тайной лет, смешением кровей
Узнать об этом невозможно.
Великоросс от пяток до бровей
Из окружающего создан.

Люби свой крест, владей судьбой,
Генетикой не кичась всуе.
Нам предки дали жизнь с тобой,
Потомки предков не осудят

ПИШУЩАЯ ПОЛОВИНА

80 для пишущих — слишком.
Век половины — короче:
Недописанные книжки,
Неразгаданные строчки.

Жезл в солдатском ранце
Маршалу незаметен.

В пишущем новобранце
Трудно узреть поэта.

Его величество случай,
Торжественнее — судьба,
Определённо получат
Авторские права.

Кстати, помимо прочего
Нужен ещё талант.
Но прочее, если захочет,
Отыщет свой вариант.

Талант не пропьёшь, конечно.
Но ближнему очевидно, —
От прозябания грешного
Оскудела пишущая половина.

Ноябрь 2007

Чупчикей

* * *

Я покинул
гордый Сыктывкар.
По Ухте,
душа моя гуляет.
Что в Москве?
Никто, пока не знает.

Я, наверно, «умная собака»,
если «лапу» Рундквисту даю.
Ээээ, и Войпель не подозревает,
как же сильно Коми
я люблю...

Всем сердечный привет,
С наступающим днем Геолога
С любовью Ваш
Чупчикей

2009

* * *

Навеяно от трех соприкосновений
*с **Александром Ивановичем Елисеевым**:*
— выставка фотографий Африки,
— доклад на Черновских чтениях,
посвященной путешествию А. А. Чернова
по Монголии,
— представление диссертационной работы
А. Сандулы на ученом совете

Седины, как морские льдины,
Светило по весне ласкает.
От Африки до Сыктывкара
Air над Erd'ом пролетает.
Air, Air! щебечет птица.
Но твердый Erd, лишенный слуха,
Плывет себе по воле Бога и
Как задумано Природой!

2010

ЗЕМЛЯ

Михаилу Кандинову

Без всяких
видимых причин,
в пространстве плыло.
Куда ? Зачем ?
Одним Богам
известно было.
И как же
мыслилось Ему?
молилось Богу?
что в минералах
прорастало понемногу.
Возьмем алмаз!
Какая Мысль!
Но, в черных думах,
уже работает графит.
Так!
Надо думать...

ГАМЛЕТ

Петру Юхтанову

В полночь, Гамлет,
верный признак,
здесь проходит
пьяный Призрак.
Что от яда
до Любви пьян.
Шанс,
один на миллион,
дан.
В полночь, Гамлет,
Ад предстанет.
Он предстанет,
как сплошной быт.
И тебе в нем
суждено быть...

Разошелся датский Принц
по Земле-с.
И кто сталкивался с ним,
не жилец-с-с.

2007

ЮГЫДТЫДОР

Друзьям

Югыдтыдор
на левом берегу,
что просто
светлым озером зовут.
Какие там
красавицы живут!
Лет сорок
оттолкнись назад
шестом.

Возвышенность
Очь-Парма далеко.
Оленья шкура
может стать слезой.
Стекающей свободно
и легко.
Что называем мы
рекою Воль.

РЕКА БУРКЕМ

Буркем,
река Буркем.
А попросту —
хрустальный башмачок.
Пройдись по нею
в детстве босиком.
Поймать рукою
рыбу нелегко.

Как тяжело
рукопожатие Сюзи.

Бесшумней в мире
птицы не найдешь.
Отметина осталась
на руке. Теперь,
свободным в Парму
ты войдешь.

Портовые,
большие города.
Сулят кому-то
отдых и комфорт.
А тем, кто остается
в Коми Му,
я буду петь всегда
Югыдтыдор.

2005

ПАГАНЕЛЬ

Павлу Безносову

Когда дрожащею
острожкой,
в миногу целит Паганель,
какая к черту параллель?
Не будь нужды,
давно уж ножки
он протянул, но
вот — Природа!
Она дарует
тех, кто любит
по тундре,
по тайге,
горам...
Его видали
тут и там.
Он, как цветок:
весною — весел,
зимою — спит,
поскольку
Паганель с Природой
являет сложный Монолит.

2007

ЧТО ХОТЕЛ СКАЗАТЬ РУЧЕЙ

Эх, Наука
Вы, Наука!
До чего же
Вы мудра.
Человек —
футляр для духа.
А, быть может,
для ума?
Ум
копирует Природу.
Вот, скопировал
реку.
Но
журчание до уха
донесло
какой-то звук.
Что хотел
сказать ручей
для науки?
Хоть убей,
но при этом
как приятно
слышать этот
говор внятный.

АКАДЕМИЯ НАУК

Здесь теряют
зрение и слух,
чтобы слышать
Нечто от Природы.
Это
Академия наук,
вечно принимающая роды.

Я ПЛЫВУ ПО СОБИ

Мне кинжалом да по сердцу этой жизни оскал.
Я сбежал поздней осенью на Полярный Урал.
Весь нежданный, непрошенный я плыву по Соби.
А года — как горошины: их пойди, разгреби...

Никому не сказав «адью» и себе вопреки...
Покрываются наледью берега у реки.
Времена не походные — к полынье полынья.
Но такие свободные — моя лодка и я.

Горы в белой субстанции, но пока не метет.
Мне бы только до станции, где Петрович живет.
Может, выгребем нонича... Ориентиры просты:
От моста до Петровича по прямой — полверсты.

Своей жизни занозины я однажды послал
И сбежал поздней осенью на Полярный Урал.
Своей подлой походочкой ты меня не зноби...
На резиновой лодочке я плыву по Соби.

Даст Петрович мне водочки: я ж три дня в холодке.
На резиновой лодочке я плыву по реке.
Заполярная Франция, ты меня не угробь!
Где-то ждет меня станция под названием Собь.

ЗАПОЛЯРНАЯ СКАЗКА

Хочешь, я расскажу тебе добрую сказку?
Очень добрую сказку с очень светлым концом?
Как осенним теплом в Заполярье обласкан
Многодетный геолог со счастливым лицом...

В этой сказке у всех дорогие палатки,
И проложены тропы в направленье любом.
Все коллеги — друзья, и у них все в порядке:
И одежда, и мысли, и зарплата, и дом.

В этой сказке мужья у порядочных дочек
Видят множество женщин, и им — все равно.
И по первому зову готов вездеходчик
Привезти сигареты, газеты, вино.

Хочешь, я сочиню тебе сказочный остров?
Ты на глобусе мира его обозначь...
Там бананы растут, и живут алконосты.
Замечательный просто — этот остров Вайгач.

Мы с тобою лежим и глядим в потолочек
Нашей старой палатки с подмоченным дном.
И исчез навсегда наш бухой вездеходчик.
Но давай не об этом — давай о другом.

Хочешь, я расскажу тебе добрую сказку?
Очень добрую сказку с очень светлым концом?
Как осенним теплом в Заполярье обласкан
Многодетный геолог со счастливым лицом...

В ЗАПОЛЯРЬЕ ЗИМА

В Заполярье зима
Меня сводит с ума,
Будто вся моя жизнь —
Лишь сума да тюрьма.
За окошком пурга.
Не видать ни фига.
Да и что там глядеть —
Все снега да снега...

Солнце высунет хвост
Из мерцающих звезд
И по небу скользнет,
Как багряный нарост.
И опять темнота —
Не видать ни черта.
Да и что там глядеть —
Воркутой Воркута...

Мысли выдула прочь
Заполярная ночь.

Я застыл, как фонарь,
Ты меня обесточь.
За окошком опять
Ни фига не видать.
Да и что там глядеть —
Вьюга, мать-перемать...

Время тихо ползет.
На носу — Новый год.
Где-то там, на югах
Веселится народ.
Веселится страна,
Оптимизма полна.
А у нас за окном
Не видать ни рожна.

В Заполярье зима
Меня сводит с ума,
Будто вся моя жизнь —
Лишь сума да тюрьма.
За окошком пурга.
Не видать ни фига.
Да и что там глядеть —
Все снега да снега...

ПЕСНЯ ВЕТРА

Здесь нет ни диксиленда, ни дисконта —
Какой дисконт на вечной мерзлоте?
Лишь зарево у кромки горизонта
Напоминает нам о Воркуте.
Напоминает нам о Воркуте.
Здесь видно все на сотню километров.
Одна беда — не хочется смотреть.
Здесь очень популярна песня ветра.
За весь сезон ее не перепеть.
За весь сезон ее не перепеть.

Ее услышать нужно непременно
Всем критикам, бичам и трубачам.
Ведь нет на свете лучшего джазмена,
Чем ветер на Хароте по ночам.

Чем ветер на Хароте по ночам.

Пам — пам — пара — пам.....

Ветер с каждым днем поет все лучше:
Все больше слов, все красочней вокал.
А ну, не пой про баб, а то получишь!
Не пой про баб сегодня, я сказал!
Вон лучше про палатку среди скал...

У нас такая классная палатка —
На всем Кичпеле лучше не найдешь.
В ней спится замечательно и сладко.
Ну, что ж ты о палатке не поешь?
А ну, не пой про баб, едрена вошь!

И ветер стих, обидевшись ужасно
За наш плевок в лирическую суть.
И всем в палатке сразу стало ясно:
Без ветра на Хароте не уснуть.
Без ветра на Хароте не уснуть.

Пам — пам — пара — пам.....

ХАРИУС ЗА ПЕРЕКАТОМ

Рыбаки заливаются матом
(Как всегда, про себя, а не вслух),
Только хариус за перекатом
Ни вертушек не видит, ни мух.
Что там муха и что там вертушка,
И блесна со знакомым лицом,
Если хвостиком вертит подружка
И уносится вслед за гольцом...

Одногодки, собрат за собратом,
Проплывают, резвясь, по реке.
Только хариус за перекатом
Притаился в своем омутке.
Ну, казалось бы, плевое дело:
Не одна ж харюзиха в воде...
Но тоскою изломано тело,
И покоя не видно нигде —

Ни в погоне за мелкой рыбешкой,
Ни в борьбе со свирепой рекой.
Если в жизни любовь понарошку,
То и жить-то, скажите, на кой?
Он рванется к блесне окаянной:
Пусть поймает его наконец
Романюк их поселка Желанный —
Утешитель разбитых сердец...

...Холодает. И сумерки колки.
Романюк за дощатым столом
Угощает друзей малосолкой
И привычно молчит о своем.
На Желанном играет гармошка.
Спит Кожим. Тишина и покой...
...Только если любовь понарошку,
То и жизнь-то, скажите, на кой?

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ПЕСЕНКА

Ты стихами не шурши,
Не мелькай рядами строчек:
Слишком много многоточий
В глубине моей души.
Слишком долго мой Пегас
Простоял без дела в стойле.
Брось тетрадку. Лучше спой мне
Про Урал и про Кавказ,

Где слишком долго нету нас,
Где ручейки по склонам
Бегут уступами сейчас
К местам таким знакомым,
Где каждый третий перекат
Лохматил нашу двушку,
Где много — много лет назад
Я жил на всю катушку.

Не читай мне наизусть
Стих гражданского накала:
На меня с утра напала
Ностальгическая грусть.

И метнулась жизнь моя
К туристическим истокам —
Только вспомнил ненароком
Заповедные края,

Где иногда бродил и я
Без компаса и карты,
Куда от смога и жилья
Несли меня плацкарты,
Где каждый третий перекат
Лохматил нашу двушку,
Где много — много лет назад
Я жил на всю катушку.

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ «ОТМОРОЖЕННЫЙ» РЭП

Здесь рукой подать до неба,
Если напрямки.
Сухари вкуснее хлеба.
И — буровики.

На сыром полиэтилене
Престарелый хант
Запивает теплой водкой
Скудный провиант.

Вездеходная дорога
Тундру — как ножом.
А сопливым недотрогам —
Ниже этажом.

Перекат за перекатом
На реке Усе.
Вездеходчик Коля матом
Кроет сразу всех.

Стала скатываться рыба
С заполярных гор.
Не накормят за «спасибо» —
Доставай багор.

Здесь мы стали мужиками,
Здесь второй наш дом —
Русь, которую веками
Сковывало льдом.

Как бы там ни осуждали
Образ жизни наш —
Это лучше, чем под юбкой
Любящих мамаш.

ВЕЧЕР В ТУНДРЕ

От Кечпеля левого
До Кечпеля правого,
Если не сворачивать,
Пехом — два часа.
Тундра изрубцована
Старыми канавами,
И ревет по юности
Древняя Уса.

Небо необъятное
Заревом пропитано.
Над Харотой облако
Сонное висит.
Лишь Паер задумчиво
В ватнике хромитовом
Бьет поклоны низкие
Матушке — Руси.

ХАРОТА

Его Величество туман
Нас отвлекает от работы.
И чтобы не сойти с ума,
От скуки травим анекдоты.

Давно забыли про инет,
Хороший сон и батареи.
А бабы? Баб здесь тоже нет.
И только уголь душу греет.

Геофизическую грусть
Сменяет сонная усталость.
Давно мы знаем наизусть
Ту книжку, что у нас осталась.

Пусть пальцем в области виска
Башку себе просверлит кто-то...
По картам нас не отыскать:
«Ответьте, база, я — Харота!»

СКОМОРОШИНА

«По Руси по матушке —
Вечный пост»
А. Башлачев.

Ветер, братец ты мой, пройдоха,
Дай-ка я на тебя обопрусь.
Отнеси меня, скомороха,
Ты с чужбинушки да на Русь

Много лет вдалеке от дома
Я живу, как не дай Бог врагу.
Позабыл уж, как пахнет солома
В свежевысушенном стогу.

Полетели! Ну что ты, братка?
Не таких поднимаешь ввысь...
Оголтело да без оглядки,
Как моя скоморошья жизнь.

Благовестом по самой кромке
Бесконечного бытия
Донеси до родной сторонки
Там, где матушка ждет моя.

Где по батюшке отрыдали
(Колыбелью ему — погост),
Где вовеки веков и далее
Не закончится Вечный Пост.

ПОКАЯНИЕ

Залатаю душу покаянием
И отправлюсь пешим по Руси.
Может, в том и есть мое призвание:
За спиной суму свою носить.
Быть скитальцем,
страждущим и нищим,
Путать след, как Ариадна нить.
А когда предстану пред
Всевышним —
Благостно колени преклонить.

* * *

Разрываю в клочья
Мартовскую ночь я...
И в конце своих стихов
Ставлю многоточия...

ЛИСТЬЯ ТРАВЫ

Жаль, я не встречусь
с многими друзьями,
Ушедшими
в полночные миры.
Но память
обвивает нас крылами
И прорастает
листьями травы.

Не обниму.
На фото вижу лица.
Им не нужны
ни гимны, ни дары.
Мне ж не нужна
печальная граница,
Что прорастает
листьями травы.

Не обниму.
Не встречусь. Не услышу.
Лишь в этом
они были не правы.
Их голоса
проносятся все тише,
Как шорох
прорастающей травы.

ПОГОДА

В альбом Алисе

Стучит в окно ореха ветка,
Что означает лишь одно —
Погода, вечная кокетка,
Советует одеть пальто.

Ее капризы постоянны,
А подведенные глаза
То синью блещут, то чернеют,
Когда надвинется гроза.

Всегда не вовремя, не кстати
Ее меняется настрой.
И вылезая из кровати,
Бубнишь со сна стишок простой.

Не прав Рязанов, утверждая,
Что все погоды — благодать,
Когда до нитки промокаю,
То говорю ... мать!

* * *

Виктору Юдину

Друг отправился черт-те куда —
Поезда, самолеты, машины...
На закате скатилась звезда
За чужие для Крыма вершины.

А у нас ослепляющий май,
Отцветают в аллеях каштаны.
Не меняй ты его, не меняй
На далекие южные страны.

Может, там хорошо, как в раю,
Может, платят охальные бабки,
Я за это тебя не корю,
Лишь ворчу, как ворчали прабабки.

Что посеяно, то и пожнешь.
Что потеряно, то не найдется.
Хорошо, если что-нибудь ждешь,
Хорошо, если друг улыбнется.

Время тянет незримую нить
И грозит мне вот-вот оборваться.
Нам бы вовремя к месту доплыть
И почаще за рюмкой встречаться.

Д. Ремизов. Полярный Урал

...Снится мне то и дело
сурово-таежное лето

Иван Белых

ЫДЖИД СЮЗЪ ПЕТЫР

Все еще стоит на своем месте дом Ыджид Сюзь Петыр (деревенское прозвище Петра было Большая Сова), немного юго-восточнее дома моих родителей. Самого хозяина уже давно нет в живых. А в детстве я очень любил бывать в их доме, где они жили вместе с его женой Марьей. Их сын Алексей к тому времени уже окончил Свердловский горный институт. В каникулы приезжал домой. Помню, как он в белой вышитой рубашке выходил к клубу. Потом его направили на работу в далекий Усть-Каменогорск, и в Ивадоре он больше не появлялся.

Сам Сюзь Петр был невысокого роста. С небольшой бородкой. Голова уже седеть начинала. На худом лице — бесчисленные морщины. Его острый взгляд так и сверкал, как у настоящей совы-Сюзя. Когда, бывало, выпьет, ударяя себя в грудь, потом громко поет:

Сам себе я Торлопов,
Не боюсь, ог пов!

И правда, никого не боялся. Всегда прямо и громко говорил, что думает. Прозвище Ыджид Сюзь Петыр дали ему, наверное, из-за брата, которого называли Дзоля Сюзь Петыр (Дзоля на коми языке означает «маленький»). Славились братья как отличные рыбаки. Зайдешь, бывало, к Ыджид Сюзь Петру, сразу и увидишь сложенные у печки блесны, изготовленные из ложек, тут же куски свинца, крючки разные, маленькие и боль-

---

В одной из своих книжек («Рассказы», 2009 г.) я уже представляла на суд читателей переводы рассказов Ивана Белыха, они есть и в литературных Альманахах «Сыктывкар-2009» и «Сыктывкар-2010» под редакцией Андрея Канева. Скажу прямо, для меня это дело нелегкое, хотя знаю коми язык с детства. Но литературному коми языку не обучалась, поэтому приходилось прибегать к помощи Коми-русского словаря, а иногда обращаться к самому автору за разъяснениями, что означает то или иное слово, особенно в местных названиях предметов и явлений, узко-специальной терминологии (например, по поводу рыболовных снастей).

Рассказы Ивана Белыха трогают своей непосредственностью, внутренней чистотой, искренностью. Многое им написано для детей на простые, даже наивные темы — о домашней собачке, про метлу и лопату, о зимних катаниях с горок, о лесной тропинке. Но каждый рассказ — это кладезь мудрости и доброты, он учит, как нужно любить родную землю, где ты родился и вырос, и как она прекрасна. Что из чего сделано, как и почему. И строчки рассказывают, как взрослеет подросток, — а в описаниях чувствуется автобиографичность — как многому он учится у жизни. И язык автора добрый, мягкий, он мне понятен.

шие. Жилки самодельные, а не такие как сейчас. Сколько раз видел, как плетет он веревочку для удочки из конского хвоста, полирует самодельные блесны, подтачивает и без того острые крючки и между делом, шутя, меня расспрашивает. А мне завидно — когда и у меня будут такие же замечательные рыболовные снасти.

Почти все свое время он проводил на Эжве-реке. Если там рыба плохо клевала, на своей легкой лодочке из осины уходил на ближние озерки. Такому речному да озерному жителю уж всегда что-нибудь да попадется. Видать, хорошо ему были известны все тайны жизни подводных жителей.

Как-то раз сидим за столом в летней половине дома, ужинаем. Вдруг видим, на взгорке от Эжвы показался Сюзь Петыр, еле-еле, согнувшись, идет под тяжестью ноши, тащит на плече какое-то диво. Когда подошел ближе к дому, мы увидели, что это была большущая щука. Такущая-большущая, аж хвост по земле тащится. Как он, уже пожилой человек, смог такую рыбину вытащить. Сам ведь уже как сухая кочерыжка. Лежал бы на печи лучше, да не мучался так. Но тянет старика на Эжву-реку, как будто сроднился с ней навеки. И ничего не поделаешь.

Потом и я тоже стал ходить на реку рыбачить. Сюзь Петыр обычно рыбачил за рекой. От Гаждора Эжва резко поворачивала и устремлялась прямо к другому берегу, образуя глубокие омуты — там чаще всего и стояла крупная рыба. Я много раз пытался подойти на своей лодочке поближе к устроенному им *колясу*. Бывалый человек, он знал, где лучше обустроить *коляс*. Еще и целый мешок приманки в воду спустит, чтобы приманить рыбу. Такая зависть забирает, каких крупных сигов, ляп все таскает и таскает из воды Сюзь Петыр, и я потихонечку подбираюсь на своей лодочке к этому месту. Думаю, может и мне улыбнется удача. Хотя хорошо по-

---

Пусть мои переводы несовершенны, но это моя дань благодарности замечательному человеку и писателю И. И. Белыху. Со своей стороны он перевел много моих очерков и заметок на коми язык для своей газеты «Коми му», чуть ли не сотню. Была даже мысль издать переводы рассказов Ивана Белыха на русский язык отдельной книжкой, но это уже отдельная и более ответственная работа.

Иван Ильич Белых — верный помощник и популяризатор литературного творчества геологов. В газете «Коми му» в его переводах постоянно публикуются очерки Е. П-. Калинина об известных геологах, очерки А. Иевлева об истории развития промышленных производств в Коми республике — о Сереговском солеваренном заводе, Кажимском железоделательном заводе, о Ярегском месторождении титана. Он отслеживает литературное творчество наших геологов, представляя в газете рецензии на все наши издания, как личные, так и коллективные. В ноябре 2010 г. в «Коми му» был опубликован перевод очерка Э. И. Лосевой «Материнская линия» из литературного альманаха «Прекрасная и черная работа» (2006 г.).

На страницах коми газеты регулярно публикуются рассказы, очерки Ивана Белыха. Один из таких небольших рассказов в моем переводе на русский я и предлагаю читателю альманаха. — ***Г. Маркова.***

нимаю, что попадись мне килограммовая рыбина, не вытащить мне ее. Только воду всю разболтаю.

Но Сюзь Петыр понял мою хитрость. Не любил он, когда кто-то рядом сидел со своей удочкой. Оно и понятно, кому такое понравится, особенно настоящему рыбаку. Потом и до меня дошло, почему был недоволен Сюзь Петыр. Когда рыбачат несколько рыбаков рядом, они рыбу только распугивают, и она уходит в сторону. Потому, когда повзрослел, тоже старался уединиться куда-нибудь, от других подальше. Бывало иногда, что прямо над твоим удилищем свою удочку с наживкой закидывают. Видать, завидуют, что у тебя рыба ловится, а у них нет. Прямо из-под носа рыбу хотят увести. Что это за рыбалка тогда получается?

— Иди, иди отсюда, не мути воду, — отгонял тогда строго дядя Петыр. — Вон какой берег длинный. Пошевеливайся, место себе сам найди, потрудись. Может и тебе удастся большого водяного беса поймать. Без труда не выловишь и рыбку из пруда.

Таким и запомнился мне Сюзь Петыр. Сидит, сгорбившись, на берегу или в своей маленькой лодочке и, не отрываясь, смотрит на удилище. Как будто читает какую-то молитву и притягивает к себе рыбу. И никогда уловом не похвалялся. Как будто боялся, что сглазят его удачу. Но она стороной его не обходила. Старенькая фуфайка да потрепанная ушанка постоянно были в прилипшей рыбьей чешуе. Да и в доме у него стоял особый дух. Знающий человек сразу догадывался, что здесь живет рыбак.

Как-то мы вместе с ним попали на КылОг-озеро. Мы с отцом сидели в нашей лодке. А невдалеке от нас Сюзь Петыр ловил рыбу на своей маленькой лодочке. Дул довольно сильный западный ветер, раскачивал нашу лодку. Нам только изредка попадались маленькие окуньки да ершики. Хотя в озере водилась и крупная рыба. А вот Ыджид Сюзь Петыр все поднимает рыбу одну за другой и, глядя на нас, только усмехается. Ему в этот неспокойный день тоже не повезло на крупную рыбу. Но приличных окуней и плотву он натаскал побольше нашего.

— Тьфу, тьфу, — с раздражением отплевывался потом отец. — Вот уж точно ему водяной бес помогает. Никогда больше вместе с ним не буду рыбачить. Одно только расстройство.

Отец, конечно, не был в обиде на удачника, просто так ворчал. Но и не хвалил его понапрасну. Выдумывает, дескать, иногда небылицы всякие. Как-то однажды, так же возвратившись с рыбалки, Сюзь Петыр стал рассказывать, будто коровы разворошили стог сена. А пастухи вместо того, чтобы следить за скотиной, убежали на взгорок за костяникой. Среди пастухов был тогда мой старший брат. Отец сильно разозлился на него, отругал. А наутро они вместе пошли посмотреть стог. Но он стоял, как стакан на столе. Может, конечно, какие-то коровы и пытались ухватить горстку сена, но ничего не затоптали, не порушили. Отец тогда долго отплевывал-

ся, кляня пустого сочинителя. Брешет почем зря Сюзь Петыр. Напрасно только сына отругал, ни за что.

Вообще-то Сюзь Петыр не был плохим человеком. Любил побалагурить с детьми. Его собственные дети уже разъехались. А малыши тянулись к нему. И с соседями своим богатым уловом делился, когда к нему обращались. Прозвище Сюзь (Сова) дали ему сельчане за очень цепкое зрение. Кто-то еще только пытается рассмотреть путника, что приближается от большака, а он уже узнал его. Наверное, так же зорко он разглядывал в глубокой воде рыбу, потому и ловил, сколько хотел.

Перевод с коми Г. Марковой

Елена Довжикова

МЕДВЕЖЬИ БАЙКИ

Маша и медведь

Историю эту я услышала потом. Сначала мне показали фотографию — на нижних ветках ели висят два здоровых бородатых мужика, а под елкой не менее здоровый медведь с банкой сгущенки.

Медведь пришел в лагерь среди бела дня, вернее, уже вечерело. Кто его знает, зачем он пришел, может, из любопытства, но явно не с плохими намерениями. Но ведь людям этого не докажешь. Геолог и рабочий с воплями взлетели на елку у входа в свою палатку, а перепуганная студентка Маша так и осталась столбом стоять возле костерка. Медведь, принюхиваясь, обошел костер по кругу. Маша сделала то же самое, стараясь, чтобы между ней и медведем был огонь.

— Машка, — поучал сверху рабочий, — ты только не беги и не ори. Стой спокойно. И в глаза ему не смотри, может, уйдет.

Но медведь обнаружил банки из-под сгущенки, сваленные под елкой, и занялся ими, потеряв к людям всякий интерес, что нельзя было сказать о людях, ибо двое из них висели на той самой елке.

— Надо что-то делать, — сказал, наконец, геолог, — может, стрелять?

Медведь вылизывал банки и громко чавкал.

— Кто будет стрелять? — поинтересовалась Маша.

— Ружье где? — спросил рабочий.

— В палатке, в углу.

Медвежий зад располагался в метре от входа в палатку.

— А патроны во вьючнике. Черт, он же заперт, а ключ в штормовке. Маш, моя штормовка там?

— Да прям, там, — печально сказал рабочий, — вон, на ней мишка топчется, ты кинул, когда на дерево лез. Что ж делать-то? Маша?

— Я что-то не пойму, — подала голос девушка, — вы мне предлагаете подвинуть медведя и забрать у него ключ?

— Ничего я не предлагаю. А ракетница где?

— Во вьючнике, — простонал геолог.

Все замолчали. Медведь чавкал.

— Не буду я стрелять, — твердо сказала Маша, словно ей уже протягивали оружие, — я и не умею. Слезайте сами и ищите свое ружье.

— Куда прыгать-то, ему на загривок? Может, головней его?

— Вы соображаете? — потрясенно проговорила Маша. — Я с поленом пойду на медведя?

— Ну поищи там у костра что-нибудь.

Маша поискала, нашла фотоаппарат и немедленно им воспользовалась. Медведь чавкал. Остальные потеряли дар речи.

— Доиздеваешься, Машка, — злобно зашипел рабочий, — если мы на него свалимся, он же с перепугу нас сожрет. И тебя заодно тоже.

— Нет уж, сидите, — сказала Маша, — по-моему, он уже заканчивает. Я триста раз говорила, чтоб не швыряли банки где попало.

— Займись лучше костром, — мрачно посоветовали с елки, — а то он сейчас тобою и закусит.

Но медведь еще долго обнюхивал уже вылизанные банки. Потом поднял морду, обозрел Машу, дымивший костер, и, наконец, очень медленно и степенно удалился. Маша без сил опустилась прямо на землю. Мужчины спустились с дерева. Растирая занемевшие руки, рабочий возбужденно говорил:

— Как я не сообразил сразу! Надо было кастрюлями постучать, они стука металлического боятся.

— Знатоки, — сказала Маша, — что же вы на елке-то сидели? Медведи тоже по деревьям лазают.

Все заспорили, полез или не полез бы медведь на елку. Тут из палатки, что поодаль показалось заспанное лицо поварихи Люси. Про нее совсем забыли.

— Что шумите-то, случилось что?

Миг тишины и дружный смех был ей ответом.

— Да вот, — отсмеявшись, сказал геолог, — приходил медведь, хотел нас съесть.

— А что не съел-то?

Люся, конечно, решила, что ее разыгрывают.

— Раздумал. Маша его сфотографировала и сгущенкой угостила.

Но Люся все равно не поверила. Убедить ее удалось только уже в городе, предъявив ту самую фотографию.

Крик таежного Тарзана

Этот жуткий вопль мне довелось услышать с расстояния в сто метров, и поэтому моя нервная система значительно не пострадала. С тем, кто находился к Тарзану гораздо ближе, случилась очень неприятная история.

Наш небольшой геолого-поисковый отряд стоял у озера. Берега озера топкие, илистые, и для хозяйственных нужд были сооружены узкие мостки длинной метра три. Именно туда отправился с тазиком наш студент Дима чистить рыбу. Михалыч обещался ему помочь, но что-то его задержало. Когда Дима, наконец, услышал треск кустов и шаги, он, не оборачиваясь, сказал:

— Тебя дождешься, я уже заканчиваю, — и добавил: — Если хочешь, дочищай две последние.

Доски угрожающе закачались.

— Тихо ты, таз мне опрокинешь, медведь, — недовольно сказал Дима, обернулся и действительно увидел в двух метрах от себя огромную медвежью морду.

Тут он и издал свой знаменитый вопль, возможно, уже в полете вниз вместе с тазом. Что это был за вопль — не передать, это надо было слышать. И, услышав, мы побросали все и дружно рванули стометровку — такое расстояние было от лагеря до мостков. Выскочив из-за прибрежных кустов, мы в недоумении уставились на Диму. Он сидел в воде под мостками (там было мелко) и нервно собирал в тазик выпотрошенную рыбу.

— Ты чего орал? — отдуваясь, спросил Михалыч.

— Медведь, — коротко ответил Дима.

— Какой еще медведь, — не поверил Михалыч и хотел шагнуть на мостки. Но не стал — на мостках красовалась большая благоухающая куча. Такая невозможно огромная, что нам сразу стало ясно — без медведя здесь не обошлось. Вот что случилось с медведем, который необдуманно решил напугать нашего студента Диму.

Похоронный марш

Мы стояли на Тельпосе, вели геолого-съемочные работы. Как-то вечером к нашему костру пришел местный лесник. Поговорил про погоду, спросил, когда вертолет у нас заказан, а напоследок сказал:

— Вы поосторожнее. Тут медведица с медвежонком ходит, в малиннике на Малой Парме кормятся, издавна здесь ее территория. Медведица-то умная, людей опасается, а малой-то любопытный, может сунуться. Но, если что, кружкой о ложку стучите, они стука боятся. И продукты получше прячьте, когда уходите.

— Все, — зловеще сказал Валерка, начальник отряда, когда лесник ушел, — одна больше не пойдешь. Жди, когда я закончу, своего рабочего тебе отдам. Или, может, Сергей через пару дней оклемается.

Мой маршрутный рабочий Сережа сильно растянул ногу, и уже два дня в маршрут я ходила одна. Одиночные маршруты формально строго запрещены, конечно, но все мы этот запрет очень часто нарушаем. До горы с названием Большая Парма километров пять, тропа протоптана — сначала по болоту, оно сухое совсем, потом через ручей и в гору. Компас можно и не доставать. Северный и восточный борт Большой Пармы в скальных обнажениях, весь девон как на ладони, как книга открытая — красота! И погода просто отличная. И тут мне предлагается сидеть в лагере и чего-то дожидаться! Дождя, что ли?

Я решительно отказываюсь.

— Все Никитину завтра на связи скажу, — пригрозил Валерка.

— Ах, так, — обиделась я вконец, — тогда и я найду кому и что про тебя рассказать!

Не знаю, что он уж там подумал, ничего конкретного я в виду не имела, но почему-то быстро сдался:

— Иди-иди, — говорит, — если не боишься. Кружку с ложкой не забудь!

Я и не боялась. Пока не знала про медведицу. Наутро идти мне было действительно как-то неуютно. Пока шла по болоту, то и дело озиралась, а как вошла в лес, так и вовсе страшно стало. Достала я из рюкзака кружку и ложку (взяла, все-таки!) и давай стучать. Иду по безмолвному лесу и стучу, дура дурой. Но так вроде стало мне повеселее, я про медведей и думать забыла. Вдруг поднимаю глаза — стоит кто-то прямо на моей тропе. Не успела испугаться, поняла — туристы. Здесь они редко бывают, все их маршруты чаще всего по рекам. Я бы их раньше услышала, если бы не стук мой. Трое молодых мужиков и девушка, только перепуганные какие-то.

Поздоровались. Один из туристов говорит напряженно:

— Это ты «Похоронный марш» выстукиваешь? — и на мои кружку с ложкой показывает.

— Какой марш? Это я медведей отгоняю, здесь медведица ходит, с медвежонком.

— А почему «Похоронным маршем»?

— Да каким маршем? — я ничего не понимаю.

Туристы давай смеяться. И рюкзаки свои покидали. Один, рыжий, аж на коленки упал.

— Мы тебя уже с полчаса слышим, — наконец, объясняют наперебой туристы. — Звук далеко идет, хорошо слышно. И представь — в глухой тайге — колокольный звон! И «Похоронный марш» играет! Ты ведь его выстукивала! Не знаю, как медведи, но мы тут уже в смерть перепугались.

Странно, мне казалось, что я просто стучала в такт шагам... Действительно, почему «Похоронный марш»? Смеюсь я вместе с туристами за компанию, а самой аж стыдно стало — хожу тут, людей пугаю. Отправила я их дальше по тропе, они до Тельпоса шли, чтобы там на лодках дальше сплавляться до Щугора и дальше, до Печоры. По тропе они прямо на наш лагерь выйдут.

— Только вы Сережу там не пугайте, — говорю, — он тоже медведями пуганый, еще за ружье схватится.

Ближе к вечеру, закончив работу, сижу я на скале, почти на верхушке Большой Пармы. Комаров сдуло. И в который раз от открывающегося вида дух захватывает — слева Большой Урал во всей своей красе со снежными вершинами. Прямо, через болотце — лесистая Малая Парма, справа раскинулись рыжие болота до самого Тимаиза на горизонте. И вижу — по болоту какая-то темная точка движется по направлению к Тимаизу — далеко! И рядом точка поменьше. Медведица! Так, похоже, я и их своим «Похоронным маршем» перепугала, вон куда ушли, даже и не видно. И территорию свою бросили...

СКАЗКА О ПИРОЖКЕ

В стародавние времена жил да был на белом свете коми национальный богатырь по имени Пера. А в некотором удалении от него жил другой удалец — Илья Муромец. Друг о друге они не знали, а то бы, наверно, подружились. И вот как-то раз ехал Илья Муромец по лесу на своём богатырском коне в поисках приключений на свою молодецкую за... затылочную кость. Едет он, едет по лесной глуши, и вдруг видит: пепелище, вокруг разбросаны вывороченные с корнем деревья, брёвна от Избушки-на-курьих-ножках, и всё такое прочее. Кащей Бессмертный валяется с переломанными рёбрами, руками и ногами (он хоть и Бессмертный, но от переломов не застрахован — мучайся, гад, до самой смерти, гы-гы-гы!). Змей Горыныч, весь обгоревший, словно поросёнок, на вертел, на длинную жердину насажен. Баба-Яга в ступе — вниз башкой, одни ножки костяные торчат... И больше никого вокруг.

Илья Муромец изумился сильно, потом достал Бабу-Ягу из ступы, та уж при смерти была, и спросил, показывая мускулистым пальцем на Змея Горыныча:

— Это что?

— Пера жёг... — только и смогла выдохнуть Баба-Яга и без сил повалилась на землю.

— Пережок?!. — задумчиво повторил Илья Муромец...

...С тех пор, бывало, Илья Муромец пошалит по-своему, по-молодецки, подпалит кого-нибудь по пьяни или просто так и, глядя на обгоревших врагов, удовлетворённо хмыкает: — Хорош Пережок с потрохами!

Оттуда и пошло это слово: «пирожок».

Вот. Конец сказки.

Читайте её по два раза перед сном, и будет вам счастье.

2007г. http://proza.ru/avtor/kokadabl

OFFER —ИЗМЫ, ИЛИ МЫСЛИ-ПО-ПОВОДУ-И-БЕЗ

О йогурте

Согласно телерекламе, «...в каждой бутылочке «Актимель» содержится 10 миллиардов полезных микробов...» Какой кошмар! А кроме микробов в бутылочке есть ещё что-нибудь?..

О йогурте и унитазе

... В то же время, согласно другой телерекламе, «...под ободком унитаза скапливается до 8 миллиардов вредных микробов...» А что будет, если содержимое бутылочки «Актимель» вылить под ободок унитаза??? Не, ну, просто интересно узнать — кто кого?..

О браке

Царевны лягушками не рождаются, а становятся жабами в процессе регистрации брака.

О поправке шекспировского мировоззрения.

Да, действительно, МИР — ТЕАТР, но ЛЮДИ В НЁМ — не актёры, а — РЕКВИЗИТ.

О Боге *(формально-логические умозаключения, не стоит принимать всерьёз)*.

Бог есть Любовь.

Любовь есть Чувство, сопряжённое с желанием.

Чувство, сопряжённое с желанием, есть межполовые отношения.

Межполовые отношения есть секс (промежуточный результат — Бог есть секс).

Секс есть удовлетворение инстинкта.

Удовлетворение инстинкта есть похоть.

Похоть есть зло (промежуточный результат — Бог есть Зло, секс есть зло).

Зло есть то, что вызывает неприятие зла.

Неприятие зла есть Благо (промежуточный результат — Зло есть источник Блага, Бог есть источник Блага).

Благо есть цель жизни...

Вывод: Бог (он же секс, он же Зло) является источником Блага и целью жизни...

Можно продолжить далее.

О пользе для здоровья

Задумчивое ковыряние в носу полезно для здоровья, поскольку это действие помогает быстро снимать стресс, таким образом, снижая риск обострения сердечно-сосудистых заболеваний и, следовательно, смертность от них...

О том, что мешает людям

«Бог создал Человека ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ своему...»
Затем, хорошенько подумав, Бог создал женщину, чтобы она мешала Человеку стать таким, как ОН, ибо боялся конкуренции.

О космосе

Оказывается, космонавт М. Корниенко целых шесть лет был сержантом милиции. Так вот что такое «космический мусор»!

О женщинах

«Лёгкость характера» — несомненное достоинство женщины. К сожалению, многие женщины, особенно молодые, путают то «лёгкость» с «ветреностью», то «характер» с «поведением»...

О Ней

Я усыпал Её постель розами, а Она была недовольна — КОЛЕТСЯ!!!...

О ней

Она прекрасно знает себе цену... Но у меня нет при себе такой суммы.

О женщинах

Из личного опыта. Не превозносите женщин до небес — как правило, они боятся высоты. Лучше вытирайте о них ноги — женщины обожают чистоплотных мужчин.

О загадках

По аналогии с известной загадкой «Не лает, не кусает, а в дом не пускает» (замок) я придумал свою: «Облает, укусит, в собственный дом не пустит» (жена).

О мании величия

Вот говорят, что Я страдаю манией величия...
А Я ею не страдаю, Я ею наслаждаюсь...

О любви

Двое влюблённых сидели на скамейке парка, глаза в глаза.

— Я люблю Тебя больше всех на свете! — воскликнул он, бросаясь в бездонные омуты её глаз.

— Я — тоже. — двусмысленно ответила она, разглядывая своё отражение в его зрачках...

О дорогах, которые мы выбираем

В России кратчайший путь между двумя точками всегда пересекает, как минимум, два газона и проезжую часть в неположенном месте.

О кошках

Самые очаровательные существа на свете — кошки. Кто с этим не согласен, тот — собака...

Ну-у, или крыса.

О молодости

По-настоящему молод лишь тот, кто с иронией относится к собственной старости.

http://proza.ru/avtor/kokadabl

Мария Кузьмина

…А ПО ПОЛЮ ШИРОКОМУ ШЛА МОЯ МАМА

Рассказ

Дни в конце октября и начале ноября 1955 года стояли на удивление солнечные и безветренные, но неглубокие канавки и ручьи в болотистой низине между Жуковым и Михайловском с ночи покрывались искристым льдом, таявшим к полудню. Утром, направляясь в школу, мы любовались удивительными узорами, образованными промерзшей до дна водой. А в полдень солнце пригревало так, что казалось, поздняя осень крепко держит за руку давно ушедшее «бабье лето» и предлагает полюбоваться на плоды нелегкого, но никогда не обременительного для деревенского люда крестьянского труда. С весны, по приметам деда Кузьмы, год обещал быть урожайным настолько, насколько позволяли быть ему не очень-то плодородные земли нашего колхоза «Доброволец». Уже к концу лета овес и клевера на Коровине, на Шитьковской горе и на Круглом поле были частично сложены в зародах, а те, что ближе к общественным дворам — свезены в сараи. В Пологах, вдоль речки Весечи, красовался не один десяток островерхих стогов хоть и осоки, но зеленой, под дождем не валявшейся. Часть из них, насколько хватило сараев, тоже перевезена на общий двор. Остальные по мере надобности будут подвозить по зимнику.

К некоторым стогам по глубокому снегу прокладывали дорогу лоси — «голод не тетка» — беззлобно ругались колхозники на лесных «дармоедов», перекладывая на розвальни обдерганное ими сено. Встретить лося — хозяина нашего леса — всегда было событием. Разговоров хватало на месяц, а уж если кто рога лосинные найдет — реликвия в доме на десятилетия вперед. Лесных коров в наших краях уважают и на одонище всегда оставляют для них два-три пласта зеленой, пахнущей летом осоки. Пусть едят на здоровье.

Колхозному стаду безбедная зимовка тоже была обеспечена. Нынче даже силос заложили. К заготовке кормов нередко привлекались и мы — деревенская детвора. Нас брали в Пологи ворошить скошенную траву, в сараях подсаживали на уже уложенное сено, и мы, прыгая, утрамбовывали его, чтобы больше влезло. Всякий раз, поднимая охапку, снизу кричали: «Осторожно — вилы!». Работу эту мы не любили — вверху было жарко и душно от сухой и шуршащей травы.

На Макейкове, на Чириковом и на Подколодском поле рожь была давно сжата и уже обмолочена. Солома роздана на трудодни и тоже уложена в сараях. У нас ею было забито все пространство между потолком и крышей хлева: и корове тепло, и места в сарае, до предела забитого сеном, не

занимает. Солома — это будущий навоз, не будет навоза, не будет и урожая. Соломой дорожили. В июне на двух полях между Жуковым и Михайловским «гуляла» на ветру голубая волна — цвел лён-долгунец. Теребили его долго, весь сентябрь, и мы после школы нередко забегали на поле, чтобы помочь сносить «до кучи» маленькие снопы, из которых к концу дня ставились «бабки». Сейчас лен свезен в ригу — сушится. С каждым годом его посевы расширяются: льнокомбинаты области работают на полную мощность. Мы — льняной край! Уродилась и картошка. Поля вдоль дороги на станцию, за нашей усадьбой и у Раони давно выкопаны, картошка перебрана и заложена в ямы, вырытые на краю нашего соснового леска. В этих ямах, не прикрытых на лето в качестве предупреждения: не ползать и не осыпать песок — выкапывали гнезда и селились стрижи. В пору выкармливания птенцов они, для того чтобы попасть с ходу в гнездо, закладывали такие виражи, что мы диву давались. Все наши попытки достать птенцов пресекались взрослыми — большой грех. Там, где была убрана картошка, поля перепаханы стареньким трактором, и на них уже поднималась зеленая щетина озимых. Все шло своим чередом.

Убран и обмолочен был горох с полей на Парине. Поели мы гороха в то лето! Грози — не грози бригадир палкой, но идти на озеро, да не полежать в горохе?! Осенью после школы и уроки не сделав, бежали к риге смотреть, как работают молотилки, и бабы проворно орудуют вилами, отгребая от них золотистую ржаную солому. Самая радостная пора в деревне.

Но эта осень была особой. Колхоз отчитался по всем показателям перед районом и готовился к Октябрьским праздникам. К тому же в центре Жукова открывали новое правление колхоза, которое мы звали клубом, в нем решили отметить и годовщину Октября, и конец сельскохозяйственного года. На правлении колхоза для этих целей решили также выбраковать телочку и выдать бабам рожь на солод. Праздничный стол готовили с размахом. Полмешка ржи стояло и в нашем коридоре. Первач у мамки получался знатный. На палочке горел. Ржи хватило не только на самогон, но и на душистые, пропитанные салом лепешки. Одну четверть самогона мама настояла на сушеной чернике, сильно удивив и лепешками, и настойкой приехавшего за «продуктом» председателя колхоза, нашего односельчанина дядю Петю Данилова. Обмокнув в бутыль кусок газетки, она поднесла к нему зажженную спичку: на бумаге, не тронутой огнем, играло синее пламя.

— Хороша, — глотнув первача, сказал председатель. — И лепешки, как из пшеничной муки, спасибо, Петровна! Не думал, что и на них зерна хватит.

— Добавила немного, два раза через жернова прогнала, потому такие пышные. Ребята мои их любят.

Жернова находились в углу сарая. На деревянном столе из хорошо струганных досок были установлены друг на дружке два грубо обтесанных круглых камня. К верхнему — привязан черенок, вставленный другим кон-

цом в отверстие деревянной балки в простенке. Молоть рожь — работа тяжелая, не один пот сойдет. Нас к жерновам не подпускали, мама позволяла иногда засыпать пясточку за пясточкой ржаные зерна в выемку верхнего камня. Потом мука тщательно сметалась в решето и просеивалась. Мама сама выпекала хлеб, высаживая его на длинной деревянной лопате в хорошо протопленную печь. Перед тем, как сформировать тесто, на лопату она клала кленовые листья. Четыре круглых каравая хватало нам на неделю. Горбушка еще теплого ржаного хлеба с узором кленового листа на нижней корочке и кружка парного молока — наша любимая и всегда доступная еда.

Возиться с хлебом и на корню, и в натопленной печке мама была приучена с ранних лет. Вместе с сельчанками еще девочкой пробовала жать на том поле, что на взгорье за коровенской речкой, напротив барского сада. Любил барин в белом кителе и картузе наблюдать за работой жниц в белых платках, укрывавших голову от палящего солнца. Узкомордые, длинношерстные, песочного цвета, не деревенской породы собаки, высунув розовые языки, лежали у его ног. В яблочный Спас, в самый разгар жатвы, барин сам выносил на межу плетеные корзинки с летними сортами яблок. Так благодарил за нелегкий труд. Сады в деревнях были редкостью. Уже тогда проворно мелькал серп в девчоночьих руках, а уж на колхозном поле ей равных не было. Далеко вперед уходила она на отведенном бригадиром участке. Бабы ругались: куда Катерина так прется?! А она, выросшая без отца, всегда помнила, как в детстве, по весне, закончилась в доме мука... Дядя Николай, бабушкин брат, выручил: поехал в Торопец на базар, и себе, и им привез муки. До нового урожая хватило. Хлеб — всему голова! И нам от нее покоя не было: к вечеру — чтоб на поле быть — снопы в «бабки» сносить. И прибегали, и сносили. А потом вместе шли домой. У мамы — серп на плече, руки — черные от загара. А рожь в «бабках» стоит, и ничего ей теперь не страшно, хоть и дождь пройдет. Хлеб — всему голова! Через несколько лет песню такую петь будут...

С утра 7 ноября по радио звучали революционные песни и марши. Настроение у всех было приподнятое. Часам к одиннадцати все потянулись к клубу, на правом углу которого уже красовалась, выполненная типографским способом вывеска «Правление колхоза «Доброволец». Мужики в хромовых сапогах и тужурках, у многих — с меховыми воротниками, сидели на новом крыльце и курили кто самосад, а кто и папиросы. Принаряженные колхозницы хлопотали над угощением. Расставляли блюда и тарелки с винегретом, холодцом, тушеной с телятиной картошкой, жареной телятиной, яичницей, заливным из рыбы (специально к неводу в Бойково ходили), солеными огурцами и помидорами, квашенной и тушеной капустой, мочеными яблоками — всё из собственных садов и огородов. Горой нарезан черный хлеб, отдельно — мамины ржаные лепешки. Столы ломились. На каждом — графин с самогоном. Дядя Павел и тетя Надя Дорощенковы, чей дом напротив клуба, принесли два ведра домашнего пива.

Забор их огорода из года в год увит душистым зеленым хмелем. За столом у самой печки-голландки, протопленной с утра, усадили и нас. В красном углу, под большим портретом Сталина в форме генералиссимуса в полный рост и с трубкой в руке, уселись председатель, бригадир и дядя Андрей Бобров, председатель сельского Совета, во время войны — один из руководителей местного партизанского отряда. 9 мая этого года он открывал торжественный митинг, посвященный десятилетию Победы. Мы были там всей семьей, и папка покупал нам в сельпо невиданные доселе грецкие орехи. В этот день во многих городах и поселках страны устанавливались двухметровые бронзовые солдаты в плащ-палатке за спиной и автоматом на груди. Они строго и грустно смотрели на Запад. Оттуда всегда приходил на нашу землю беспощадный враг. В братскую могилу у памятника были свезены останки погибших и умерших от ран бойцов Красной Армии из всех известных захоронений. Наш папка принимал в перезахоронении участие и почему-то шепотом рассказывал маме, как вскрывали могилу во дворе Жижицкой школы, где во время войны был госпиталь. Мы слышали, как он сказал: «Даже гроб не сгнил». А мама ответила: «Там сухо — песок»...

И сейчас председателю сельсовета первому предоставили слово:

— Дорогие земляки! Мы знаем друг друга многие годы. Вместе создавали колхоз, переживали войну, поднимали наше хозяйство. Все было! А нынче год особенный, и день — тоже. Поздравляю вас с хорошими успехами в работе. Этот праздник вы заслужили своим нелегким трудом. Здоровья вам и вашим детям! Он одернул черную суконную косоворотку и поднял стакан.

— За вас!

По стакану пива, прохладного с белой пеной, налили и нам. Мы тоже, смеясь, чокнулись. Мой одногодок Сергей Лосев, в доме которого редко был достаток, сидел напротив нас с Тоней, налегая на винегрет и лепешку.

— Сергей, что ты к этому винегрету пристал, ешь лучше мясо, — сказала моя сестра. Недавно, когда молотили рожь, мы из-за нее подрались с Сергеем. Играть там, где работали взрослые — наше любимое занятие. Особенно у риги. Однажды, когда мы играли в войну и бегали вокруг золотистых стогов, Сергей нечаянно толкнул Тоню, и она свалилась в неглубокую яму. Тоня лежала на дне «окопа», как убитая, и, не мигая, смотрела на плывущие высоко в небе белые облака. И не плакала, как обычно любила делать. Но мне стало жалко сестру, и подрались мы не на шутку: я Сергею последнюю, красную, рубаху на груди порвала. За это меня в деревне прозвали солдатом. Но мы как ссорились, так и мирились быстро. Однако за разорванную рубаху мне от мамы влетело. Перебрав нехитрый гардероб, вместившийся в старинном сундуке, снесла она Сергею папкину рубаху.

— Не бойся, я и до мяса дойду! — довольно усмехнулся Серега, запивая лепешку домашним пивом и делая нам круглые глаза. — Сами-то чего плохо едите?

Все нам нравилось на столе, но мы поздно проснулись и хорошо позавтракали. И лепешки эти уже пробовали. К тому же, в клубе становилось все шумнее и интереснее. Мы в первый раз сидели за столом со всеми своими односельчанами, как одна большая семья. О чем только не говорили, что только не вспоминали! И образование колхоза, и начало войны, и приход немцев, и приход наших. И о тех, кто с фронта домой не вернулся. Слово снова взял председатель сельского Совета:

— Товарищи! Мы не должны забывать тех, кто погиб за нашу советскую Родину. И дети ваши должны их помнить. (Он указал на нас). Не будь войны, за этим бы столом сидели сегодня ваши односельчане: братья, мужья, сыновья — Александров Николай Кузьмич, Александров Петр Иванович, Гусев Владимир Иванович, Данилов Иван Николаевич, Денисов Александр Исаевич, Михайлов Василий Михайлович, Синяков Иван Матвеевич, Столяров Иван Андреевич. Более трехсот пятидесяти человек из деревень и сел нашего района погибли и пропали без вести. Наши земляки героически сражались на всех фронтах Отечественной войны. Это бывшие разведчики, пехотинцы, пулеметчики, артиллеристы, моряки, танкисты. Семерым жителям Куньинского района присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Среди них и уроженец нашего сельского Совета — командир батальона Стрелков Николай Михайлович, принимавший участие в Берлинской операции. Только в нашей Жижице проживают одиннадцать фронтовиков, награжденных орденом Славы разных степеней. И на стенах разрушенного рейхстага есть имена наших земляков. Многие из вас, сидящих за этим столом, также прошли по дорогам войны, сражались в партизанском отряде.

Упоминание о пропавшем без вести сыне Николае, моем родном дяди, растрогало деда Кузьму, сидящего рядом с председателем сельсовета. Достав кисет, он стал сворачивать самокрутку, папка зажег спичку. Они часто вспоминали своего сына и брата и надеялись, а вдруг вернется.

Потерявший на войне родного брата председатель колхоза дядя Петя Данилов поднялся с места и предложил выпить за погибших. Все притихли и выпили не чокаясь. Дядя Сергей Гусев, у которого тоже погиб родной брат, стал вспоминать, как на передовой боялись пикирующих бомбардировщиков Юнкерс-87, прозванных «лаптежниками» из-за неубирающихся шасси.

— Их свист, когда заходили в пике, был страшнее бомб, но мы их все равно победили! — Дядя Сергей — высокий, худой, длиннорукий, смешливый, раскрасневшийся от выпитого — стукнул кулаком по краю стола.

— Сергей, ты лучше расскажи, как тебе в Пологах змея под рубаху залетела, крикнул кто-то.

Дядя Сергей замахал руками:

— Ой, не вспоминайте даже!

Мы знали эту историю наизусть... Летом в колхозе главное — сенокос. К полудню женщины уходили в деревню за два километра доить ко-

ров, а мужики, нарубив волокуши, на которых подвозили сено к стогам, ложились отдыхать. Обычно обустраивались под Дубком, на широкой зеленой полянке в тени орешника. Тут же и коней привязывали, подкинув им свежего сена. В тот раз остались у одонищ: стога у нас зовут одонками. Разлеглись на уже подвезенном сене. Змей в Пологах немало, и боялись их все, поэтому, несмотря на жару, работали в резиновых сапогах, а, устраиваясь на отдых, на всякий случай колотили вилами по прокосам. Дождавшись возвратившихся женщин и пообедав принесенными из дому яйцами, творогом со сметаной, салом, свежими огурцами и запив все это молоком, принялись метать сено. Маму, как обычно, поставили на стог — они получались у нее аккуратными и красиво закругленными. Дядя Сергей поднимал охапку сена постепенно, поставив насаженные на длинный черенок вилы, «на попа». И в этот момент что-то холодное скользнуло у него по груди. Хорошо — рубаха была на выпуск.

— Змея! — крикнула мама, увидев сверху извивающуюся серую ленту, уползающую в кусты.

Дядя Сергей, бросив вилы, отбежал в сторону.

— Вот зараза, как испугала. Он снял рубаху и стал зачем-то ее вытряхивать. Даже обычным деревенским зубоскалам не было смешно. С тех пор мой папка всегда устраивал себе для отдыха поднятый над землей настил из жердей. На нем и обедал. Мы боялись змей даже тогда, когда утрамбовывали сено в сараях, а вдруг какая-нибудь еще не уползла?

...А в клубе становилось все веселее. Дядя Коля Кириленко, поставив на колени принесенную из дому гармонь, стал наигрывать на ней знакомые и незнакомые нам мелодии. Столы отодвинули ближе к стенкам, готовились плясать и все вместе и по отдельности. Заиграл плясовую. И тут мы с сестрой в первый и в последний раз увидели, как пляшет наша мама. Так в деревне не плясал никто, и от этого мне стало не по себе. Я знала, что в детстве мама была первой «артисткой» на деревне. Когда еще девочками с тетей Шурой, своей родной сестрой, плясали они на гулянках, а их об этом специально просили, деревенские в шутку говорили нашей бабе Гаше, чтоб она следила за дочками, а то их в театр заберут...Я застеснялась, и, как будто почувствовав это, мама снова села за стол. Но на середину клуба вышла наша тетя Тоня, тоже известная плясунья:

— Николай, «Цыганочку», с выходом!

С портрета в «красном углу» за всем происходящим в клубе внимательно наблюдал Иосиф Виссарионович Сталин. Казалось, что из трубки в его руке вот-вот заструится голубой дымок. Но взгляд был не строгий, скорее — одобряющий, мол, сделал дело — гуляй смело!

Самое же интересное нас ждало впереди. В новом клубе вечером покажут кино — «Свадьбу с приданым». Песню «На крылечке» из этого фильма уже давно «крутят» по радио. Деревенская молодежь летом ее на гулянках пела. Даже пластинка такая есть:

На крылечке твоем
Каждый вечер вдвоем
Мы по долгу сидим,
И расстаться не можем на миг.
«До свиданья» скажу,
Возвращусь и хожу,
До рассвета хожу
Возле милых окошек твоих...

Когда Толик-киномеханик в своем неизменном коричневом костюме и в такой же кепке — подъехал к клубу, женщины там уже навели порядок и предложили киномеханику подкрепиться с дороги. Налили ему большую кружку пива. Угощеньем Толик остался доволен, но когда стали на улице устанавливать видавший виды движок с помятыми «боками» и погнутой выхлопной трубой на задней стенке, начал, как всегда, канючить. Выговаривал почему-то нам, ребятам, мол, клуб построили, а на будку для движка ума не хватило:

— Знаете, сколько лет этому движку? Он у меня и так на ладан дышит и каждый вечер, то под дождем, то под снегом. А вам трудно было четыре столба вкапать, да?

В последние годы где только не показывали кино! Летом даже в сарае, где зимой сено хранится. К Толикову бурчанью мы давно привыкли, не очень его любили и всеми средствами пытались проникнуть на сеанс без билета. И нередко нам это удавалось. Но тут Сергей не выдержал и огрызнулся:

— Что ты нам про это говоришь, мы что ли клуб строили?

— Вот не привезу вам зимой кино, узнаете тогда, — развешивая белое полотно на передней стенке, пригрозил Толик. — Будете в Жижицу бегать, так и знайте!

— Подумаешь, чем испугал. Бегали уже. И портрет Сталина ты своей тряпкой закрыл.

— Ты еще меня поучи!

К вечеру к новому клубу стала подтягиваться раонская и михайловская молодежь. Кое-кто — на велосипедах. Лавок явно не хватало. Жуковские, по привычке, пришли со своими табуретками. Мы — кто где, даже на полу. К началу сеанса клуб был забит до отказа. Во дворе не с первого раза заведенный затарахтел движок. В аппарате затрещала кинолента. На экране поплыла знакомая заставка журнала «Новости дня», зазвучала его энергичная музыка.

— Толик, ну ты сапожник! Этот журнал мы еще весной видели!

— Свежего не досталось. Копий мало привезли!

— Ну, конечно, только для тебя и не хватило! — это возмущался мой крестный, дядя Леня Антипов, известный балагур. Его дом с садом и пче-

лиными ульями стоит через дорогу, справа от клуба. Дождливым ноябрьским днем 1951 года он вместе с папкиной двоюродной сестрой, тетей Ниной Степановой, ездил в Великие Луки крестить меня в уцелевшей после войны городской церкви. Дождь лил как из ведра, двери церкви были открыты, но все равно было душно, и я, думаю, нечаянно опрокинула стоявший прямо на полу красивый бронзовый подсвечник с зажженными свечами. Я никогда раньше не видела столько народу: все крестятся, все в темных одеждах. И мама долго крестилась, поставив большую желтую свечку на квадратный столик под иконой. Икон было много. Я стала переходить от одной к другой, а потом и на батюшку уставилась, и он, обращаясь к пастве, сказал:

— Братья и сестры! Позвольте эту девочку окрестить вне очереди, и пусть они с Богом домой едут.

По дороге на вокзал папка сказал, что «эту девочку» только на привязи дома держать... С тех пор дядю Леню я всегда называла крестным, а он меня крестницей.

Киножурнал, хоть и старый — майский — у всех вызвал интерес. Вот посол Израиля — нового государства, только после войны образованного, приезжает в Москву, вот рассказ о черной металлургии в Грузии, а вот и успехи узбекских колхозников в получении высокого урожая хлопка.

— Во, какие края! У нас и лен не всякий раз родится, а там — хлопок каждый год. Вот это колхоз! — не унимался мой крестный.

Зрители шумно обсуждали сюжеты журнала: новую модель «Москвича», панораму пустыни Гоби с ее песчаными курганами и двугорбыми верблюдами, строительство новой железнодорожной магистрали. И вдруг все затихли, как будто в зале звук выключили: начался сюжет, посвященный десятилетию взятия Берлина. По ходу сюжета тихо произносили:

— Жуков! Конев! Рокоссовский!

А тут и Лидия Русланова запела «Валенки» на развалинах рейхстага! Конец войны близок! Все зашумели, кое-кто даже в ладоши захлопал. Эта радость была близка всем.

— Вот это по-нашему! — воскликнул дядя Сергей и стукнул кулаком по коленке.

Журнал понравился. Толик ставил на аппарат большую бобину художественного фильма, проделывая замысловатые манипуляции с пленкой. С первых же кадров стало понятно, что фильм тоже про колхоз.

— Опять про колхоз! — воскликнул крестный. — Сговорились, что ли сегодня: весь день про колхоз, журнал про колхоз, и кино про колхоз!

— Лень, угомонишься ты, наконец? Если выпил лишнего — иди домой спать, не мешай. А то я тебя выведу, — это подал голос бригадир, дядя Петя Антипов — брат крестного, мужик строгий. Он хоть и не фронтовик, но пришлось ему после войны в Китае послужить. Мы бригадира боялись. Крестный хмыкнул, но затих. Фильм оказался очень смешным, и зал друж-

но реагировал на происходящее в далеком северном колхозе, где, как и у нас, даже в мае, а то и в июне бывают заморозки. И родители не раз дымом спасали наш сад! К завершению цветения, в двадцатых числах мая, под утро, мог ударить мороз, все цветы почернеют и уже с завязью упадут на землю, и яблок не будет целый год. Поздно вечером мы по ходу ветра раскладывали дымные костры между огородными грядками, подкидывая в них все, что не только горит, но и дымит. Мама могла «кочегарить» так всю ночь. А с восходом солнца наш сад как ни в чем ни бывало представал перед нами в бело-розовом тумане. Так спасала колхозное поле и молодежная бригада в кино! (Пройдет ровно двадцать лет, и буду я на редакционной машине мотаться по бескрайним просторам далёкой северной республики, описывая в комсомольской газете трудовые подвиги сельской молодежи — земляков автора сценария этого фильма — Николая Дьяконова. Жизнь...)

Домой мы шли с мамой. Папка, пьяненький после колхозного праздника, давно спал. Ночь была темной, безветренной, звездной. Деревенские девки, лет на пять-шесть старше нас — одни учились в Наумовском сельскохозяйственном техникуме, другие — в старших классах Жижицкой школы, возвращались из клуба дорогой в обход деревни — мимо колхозных сараев и риги. В звездной тишине далеко окрест неслась задушевная песня, из просмотренного кинофильма:

Если надо пройти
Все дороги-пути,
Все, что к счастью ведут,
Я пройду — мне их век не забыть...
Я люблю тебя так,
Что не сможешь никак
Ты меня никогда, никогда,
Никогда разлюбить!

— Ишь, как выводят Веркины девки, — сказала мама. — Кто-то с ними ещё?

— Это Люська тети Лидина, и Нинка Лосева, — ответила я. — Они вчера эту песню на крыльце у дяди Лешки- кузнеца пели.

Тут из-под ворот выскочил наш Абрек и запрыгал, виляя пушистым хвостом. Молодец, дом охранял. Абрек — черный с белой грудкой и белыми лапками песик — был нашим любимцем.

Ни пить, ни есть, ни мыться нам не хотелось, скорее бы под теплое одеяло. Устали от праздника так, как никогда не уставали. Хорошо хоть каникулы, и завтра не надо идти в школу.

Часов в одиннадцать утра, как обычно в выходные, мы собрались на площади и стали выдумывать всякие игры. Из Михайловского пришел

Витька Жуков — мой троюродный брат по матери. Его дом стоит на самом краю села, рядом с нашей деревней. Но мы его нашим не считали: он — михайловский, а михайловским мы втихаря завидовали — у них речка была. Но Жуково наше — все равно самая лучшая деревня: и правление колхоза у нас, и конюшня с сараями, и кузница, и пруд рядом с колхозным амбаром — все у нас! Иногда, чтобы досадить михайловским, мы хором распевали известную, на свой манер переделанную частушку:

Ты, сорока-белобока, научи меня летать,
Чтобы Жуково высоко,
далеко было видать...

Но многие наши самые «громкие», порой даже авантюрные акции, мы проводили вместе. И сегодня, усевшись на бревно, оставленное кем-то посередине площади, стали думать, чем нам заняться? Вспомнили прошедший день, кино, киньщика, так мы звали Толика. И тут Сергей говорит:

— Толик — мужик вредный. Запросто зимой не будет кино привозить, если не построят будку для движка. Его и так еле-еле вчера завели. Вся решетка вентилятора помята.

— А мы-то чем поможем? — фыркнул Жук. — Пусть бригадир решает. Народ будет недоволен, если кина не будет.

Тут я вспомнила про четыре столба, о которых вчера говорил киномеханик:

— А давайте сами эти столбы заготовим. Тогда мужики их быстро досками обошьют.

— Где мы их заготовим?! — изумленно воскликнул Жук. — Мы что ли в леспромхозе «Прогресс» работаем? Думаешь, что говоришь, голова — два уха?

— В Кривом мосту мы их заготовим, вот где! — ответила я.

— Там же колхозный лес, как мы их заготовим?

— А мы не колхозные, что ли? Из Москвы приехали? — поддержал меня вдруг Сергей. — Возьмем пилу, два топора и завтра, когда все на работу уйдут, пойдем в Кривой мост. Запросто сделаем!

На том и порешили. Назавтра, когда родители отправились в ригу затаривать в мешки просохшую рожь и свозить ее в колхозный амбар, где она будет лежать до сева яровых, собрались почти все и сразу же направились в лес, благо он рядом и хорошо знаком по походам за грибами. Еще в августе и в сентябре собирали здесь лисички, подберезовики, сыроежки, маслята, горькушки и волнушки. Мы любили наш лес– зеленомошник с зарослями вереска и папоротника, светлый и приветливый во все времена года.

Пилу как самые старшие несли мы с Сергеем. Пила наша. Папка на днях ее точил. Жук и Кирюха — прихватили топоры. Вот и Первый ручей, покрытый тонкой корочкой льда. Решили далеко не ходить и свернули

направо, ближе к дороге, ведущий через лес — в Михайловское. Стали выбирать деревья: чтоб не толстые были и не высокие. Облюбовали четыре сосны, стоявшие недалеко друг от друга, и принялись за работу. Пилить деревья тяжело даже взрослым. Но мне уже приходилось папке помогать в этой работе, и первое дерево решили свалить мы с Сергеем. Все остальные молча смотрели на нас, отойдя в сторонку. Пыхтели мы долго, пила, хоть и хорошо отточенная, шла и вкривь, и вкось. Но шла, и сосна упала, так, как мы хотели. Дальше — легче. По очереди все приложили силы к этому, как нам казалось, благородному и нужному делу. Но возились долго — часа три. Потом обрубали сучья и сносили их в одну кучу, чтоб лес наш колхозный не захламлять: грибы тут растут. Аккуратно получилось обрезать только вершины. Комли были искромсаны, как попало, но мы остались довольны своей работой. Столбы, навалившись всей гурьбой, сносили в одно место, положили рядком, но так, чтобы с дороги не было видно. Боялись, что михайловские мужики, которые тут часто ездят, на дрова их увезут. Тогда, считай, пропала наша работа.

Солнце клонилось к закату, когда мы вернулись в деревню. Родители уже были дома, не зная, что думать про наше отсутствие и необычную тишину в деревне — ребячьих голосов не слышно. Пила в наших руках их повергла в изумление. Рассказу о заготовке столбов они не поверили! Папка, вскинув пилу, как винтовку — на уровень глаз зубьями вверх, ахнул:

— Вы камни, что ли ею пилили?!

Но мы уже бежали к клубу, чтобы перехватить там бригадира и поведать ему о нашем трудовом подвиге. Он как раз распрягал на лужайке у пруда своего коня и сматывал ременные вожжи. Хотел уж было кинуть их в телегу, а тут мы нарисовались — все в смоле и в сосновых иглах. Зеленые с начесом шаровары, заправленные в сапоги, были у меня разорваны на коленке — за сук зацепилась.

— Чертей что ли по лесу гоняли, — не очень-то дружелюбно спросил бригадир.

— Не, столбы для будки заготавливали, — ответил Сергей. — В Кривом мосту.

— Какие столбы? Кто вас просил? — он удивленно поднял брови. — Там лес колхозный. Его беречь надо для других целей!

— А мы что, не колхозные? — насупился Сергей, повторяя свой убийственный аргумент. —Толик позавчера сказал, что если будки к зиме не будет, то и кина не будет.

Бригадир, держа вожжи, смотанные восьмеркой, за малую, верхнюю петлю, потряс ими, рассматривая каждого из нас в отдельности, будто выбирал, с кого начать порку. Мы на всякий случай сделали шаг назад, но Сергей не испугался и подытожил:

— В общем, мы тебе сказали. Столбы лежат направо, не переходя Первый ручей, там зарубка на сосне сделана. Надо скорей привезти, чтоб ми-

хайловские мужики их на дрова не увезли, а то зимой кина не будет. Ты, дядя Петька, мог бы и сейчас за ними съездить.

— Всё сказал? — бригадир потряс вожжами.

— Всё! — и, оставив бригадира в полном недоумении, мы разбежались по домам. Но червь сомнения покоя не давал: неужели не привезут наши столбы? Мы так старались!

Через несколько дней, вернувшись из школы, мы услышали стук топоров у клуба. Не пообедав, бросились туда. Наш папка, дядя Сергей Гусев, дядя Андрей Богданов обшивали, предварительно окорив, наши столбы тесом. Смолистая, еще не «задубевшая» кора молодых сосен валялась тут же.

— О, киношники прибежали, — усмехнулся дядя Сергей. — Теперь Толик вас бесплатно целый год должон в кино пускать. Не вздумайте ему платить.

Через день будка была готова. Доски хорошо подогнаны, в доске-пороге прорезана аккуратная узкая щель для кабеля. Над дверью — небольшое окошечко, в которое даже вставлено стекло. Со стороны будка походила на уличный туалет или на большой скворечник, но мы были в восторге. Вот Толик обрадуется!

Толик и правда обрадовался и, наслышанный о нашем активном участии в строительстве, заявил, что сегодня мы пойдем в кино бесплатно. Вместе с родителями смотрели мы в тот вечер «Солдата Ивана Бровкина». Переживая весь сеанс за непутёвого деревенского парня Ивана Бровкина, которого играл Леонид Харитонов, и который в начале фильма никак не вписывался в колхозную жизнь, а потом, в армии — исправился, мы не поняли конца: почему он не домой едет, где ждет его мама и невеста, а отправляется на целину?

— Пап, а почему из нашей местности никто на целину не едет? — спросила я.

— Какая еще целина!?

— Такая, куда Бровкин поехал. Про неё каждый день по радио говорят.

— Хватит с нас целины. Мы свою в тридцатые годы подняли. В 1929 году колхоз создали, а земли нет. Один лес кругом да наши скудные огороды. Всё корчевали, пни конями вытаскивали, костры жгли, чтоб было, где рожь посеять и картошку посадить. Теперь, дай Бог, эту землю обработать. Трактора нужны, машины. Нам без целины работы хватает. Ясно?

— Ясно! Все-все поля, которые кругом, корчевали?

— Почти, а Чириково — полностью. — И затянулся крепким самосадом.

Приближалась зима, но погода оставалась относительно теплой. Тихие, безветренные, уже совсем короткие дни, плавно перетекали в звездные ночи с заморозками без снега. В конце ноября, возвращаясь из шко-

лы, мы издали увидели светлый квадрат бумаги на клубе. Ура! Кино «Двенадцатая ночь».

А Толик все-таки оказался редиской.

После Октябрьских праздников с каникул вернулись студенты Наумовского сельхозтехникума, многие из которых жили на квартирах в Жукове и в Михайловском, на просмотр нового фильма подтянулись воспитатели детского дома, пришла раонская и подколодская молодежь. Яблоку было негде упасть, не то что нам. Толик, гад, даже и за деньги нас в клуб не пустил. В нашей будке затарахтел его движок, а мы остались на улице. Пока шел журнал, мы думали, что делать? И придумали.

Давайте бригадирову телегу подкатим! — предложил Сергей. Приняли без обсуждения и за оглобли по широкой дуге подогнали телегу прямо под окно. Толкая друг друга, кое-как разместились. Но прямо перед нами на боковой скамейке в клубе сидел какой-то мужик в шапке. Пол-экрана закрывал. Это был дядя Леня-Пясточка — папкин двоюродный брат. Он недавно из Нелидова в колхоз вернулся и жил с родителями в большом доме посреди деревни. Пясточкой его прозвали еще в детстве, говорят — смалу скуповат был. Год назад, в такой же октябрьский праздник, что-то ни свет, ни заря меня из дому выгнало, и я мастерила «лепешки» на зарытой накануне у нашего забора картофельной яме. Солнце низко стояло над лесом, светило, но не грело. В это время от утреннего поезда шел дядя Леня, к родителям в гости на праздник приехал:

– Здорово, племянница! — крикнул мне весело. — Иди сюда! — и, вынув из заплечного мешка сдобную городскую булочку, протянул мне, чего я от него никак не ожидала, но «спасибо» сказала.

Теперь он обыкновенный колхозник и зимой собирается жениться на почтальонке — тети Нине из Подколодья. Жених! Сергей постучал в окно, а когда Пясточка с удивлением оглянулся — постучал по своей голове, мол, шапку сними. Ленька снял, пригладив волосы. Теперь было видно, но плохо слышно. Сергей еще раз постучал в окно.

— Что ещё? — спросил Пясточка, рассматривая наши, прилипшие к окну физиономии.

— Форточку открой!

— Вам что там жарко?

— Это вам жарко, а нам плохо слышно! — рявкнул Сергей.

В битком набитом зале и в самом деле было душно. Немного подумав, Ленька нехотя встал и открыл форточку. Теперь было и видно, и слышно, но тесно. Подумав, мы решили поставить телегу так, чтобы и второе окно захватить. Там расположился Сергей и Витька Жуков. Фильм был цветной. Много знакомых по другим фильмам артистов. Главную героиню изображала Клара Лучко, полюбившаяся еще в роли Даши Шелест в «Кубанских казаках». Но сегодня, в особых условиях просмотра, мы не всегда улавливали суть фильма. Интриги, переодевания. То она Виола, то Себас-

тьян. Какие-то герцоги, сэры, дворецкие. Шекспира мы еще не проходили и еле-еле конца дождались. Хорошо хоть не очень холодно на улице. С телеги кубарем слетели, даже не подумав ее на место поставить. А ночь темна, хоть глаз выколи. Мы уже свернули за угол, когда раздался чей-то крик:

— Тут же телега, осторожно! Кто ее здесь поставил?

— Так вам и надо! — сказал Сергей и, наклоняясь к Тоньке, спросил. — Кино-то понравилось?

— Ага, природа красивая. Море, горы — не как у нас.

— Да-а, там тепло. — мечтательно протянул Сергей, замерзший в своей старой фуфайке.

На площади наши пути расходились. На горке, что рядом с домом тети Насти Филихи, у которой всегда останавливался ночевать Толик-киньщик, рядом с клубом, запиликала гармонь. Это Генка Глухой — ее сын, в прямом и переносном смысле не имевший слуха, пытался изобразить какую-то мелодию. Раздался девичий смех, высоким голосом запели:

Если б гармошка умела
Все говорить, не тая...
Русая девушка, в кофточке белой,
Где ты, ромашка моя?

В том краю деревни залаяли собаки. Молодежь расходилась по домам.

Стояли темные ноябрьские ночи. Над нашим Жуковым опрокинулось бездонное звездное небо. Созвездий, кроме одного, мы еще не знали. На него и любовались всегда — Большая Медведица! Вот она! Семь ярких звезд, образуя ковш, горели прямо над нашим кленом, уже обронившим листву, всю осень шуршащую под ногами. На звезды хотелось смотреть, не отрываясь. Казалось, их свет через широко открытые глаза проливается прямо в душу... Абрек, выбежав из открытой калитки, радостно запрыгал, виляя пушистым хвостом. В доме горела лампа, громко говорило радио. Мама ждала нас. Накормленные и умытые, мы, наконец, улеглись спать. Я обняла сестру и пощекотала ей живот, пробегая по нему пальцами, как по кнопкам гармони. Шепотом, притворно-противным голосом пропела:

Русая девочка, в кофточке белой,
Где ты, ромашка моя?

Она не зло лягнула меня пяткой и сонно проворчала:
— Сама ты ромашка! Спать хочу!
Сквозь сон слышала, как мама, поправляя наше одеяло, сказала:
— Угомонились, наконец, киношники-полуношники.

Мое самое яркое воспоминание о раннем детстве в первой половине 1820-х годов изобразил в своей знаменитой картине «На пашне. Весна» русский живописец Алексей Гаврилович Венецианов. Когда я впервые увидела это полотно в Третьяковской галерее, долго не могла оторвать от него восхищенного взгляда: женщина в красном сарафане ведет под уздцы коней, запряженных в бороны... Вероятно, это было весной 1950-го. Я сижу на какой-то дерюжке у самого края поля, у дороги, что ведет в Пологи, и играю в какие-то самодельные игрушки. А по полю, ведя под уздцы доброго и послушного Рыжка, запряженного в борону, идет моя мама. Почему она исполняла эту чисто мужскую работу — не знаю. Вот она наклоняется и что-то подбирает с уже взборонованной пашни и кладет в карман кофты. Вот мы уже дома. Промыв находку в чистой воде, протягивает ее мне: глиняная, искусно сделанная в виде птички-синички, свистулька. Сколько столетий пролежала она в земле?

В одной из рецензий на картину А. Венецианова «На пашне. Весна» читаю: «...Кто позирует художнику босиком на непрогретой пашне? Идеальный овал и правильные черты, статная плавность и величавый полет указывают, конечно, на богиню. Неважно, как могут ее звать. На нечерноземном русском поле свершается великое таинство мирового круговорота, и художник запечатлевает его. Под его кистью становится видимым скрытое движение жизни. Перед нами не быт, а миф. *Но все летит над полем то ли крестьянка, то ли богиня, и разумным прекрасным космосом встает вокруг светлый мир...*».

Сентябрь в Сыктывкаре стоит не по-северному теплым. Все еще шелестят желто-зеленою листвою тополя под моим балконом. Внизу на красный свет светофора остановилась лавина машин. И вдруг из открытого окна одной из них зазвучал до боли знакомый с молодости мотив. Ольга Воронец, когда-то по популярности стоявшая чуть ли не рядом с Людмилой Зыкиной, пела:

Деревня моя, деревянная, дальняя,
Смотрю на тебя я, прикрывшись рукой,
Ты в лёгком платочке июльского облака,
В веснушках черемух стоишь над рекой...

Песня звучала как будто из другой эпохи, как будто с другой планеты. Бесконечно далеко и дорогое моё Жуково. Но всякий раз, выходя на балкон, я смотрю на юго-запад: там моя малая родина. Стоит прикрыть глаза, и как наяву вижу идущую широким полем с серпом в руке нашу маму, хотя поля давно заросли бурьяном. Там уже лет пятнадцать ничего не пашут и не сажают. Нет ни вдохновителей, ни организаторов, да и самих колхозников, вместе с колхозами проклятых и осмеянных, непонятно за какие

провинности столичными горлопанами, никогда в руках не державших ни серпа, ни вил, тоже нет. Прости, «родная моя, деревенька — колхозница». Мама прожила 92 года, двадцать шесть лет из них без нашего отца. Последние восемь лет — под присмотром моей младшей сестры Тони в родном доме, в Жукове. Незадолго перед смертью мама сказала мне:

— Если бы ты знала, какая скучная у меня жизнь — сижу целыми днями и смотрю в это окно.

— Мама, у тебя была такая трудная жизнь: работа в колхозе, работа дома, война, нас вырастила и выучила. — А она ответила:

— Если бы можно было начать сначала — я бы всю работу переделала заново...

Но что могло случиться за два последних десятилетия с еще живущими людьми, чтобы не только позволить себе, нет — осмелиться! — не вспахать поле по весне? Еще мой дед Кузьма говорил: «Умирать собирайся, а поле паши!». Все земли колхоза давно распроданы неким пришлым людям, отгородившим колышками в свою собственность наши бывшие поля, интенсивно зарастающие теперь сосняком и осиной. Даже к Жижицкому озеру со стороны Подколодья не подойти: чуть ли кладбище не отнял у сельчан двухметровый железный забор какого-то новоявленного помещика. А вдоль забора бегает черная сторожевая овчарка... За забор ушла и Черная гора — городище, где ещё в 1952 году решением АН СССР проводились раскопки, до сих пор хранящие много тайн из истории поселений, возникших здесь в первом тысячелетии нашей эры. Как отмечается в краеведческой литературе, жители этого городища занимались скотоводством и земледелием, во время раскопок здесь было найдено много керамики... Невозможно представить наше детство среди чужих, невспаханных полей и железных заборов... Мы были свободными и счастливыми крестьянскими детьми.

Тебя называю по имени-отчеству,
Святая, как хлеб, деревенька моя...

Март 2011

Вячеслав Озеров

СМЕШНЫЕ СКАЛЫ

1

Тихое июльское раннее утро. На берегу быстрой таежной речки медовая в утренних лучах солнца новая избушка с большим дощатым тамбуром. Негромко хлопает дверь и из тамбура выбегает в одних трусах и шлепанцах высокий, спортивный мужчина лет тридцати пяти, с молодой, а потому несколько неопрятной на вид русой бородкой. Скрывшись на минутку за домиком, он появляется вновь, рысцой подбегает к березе с толстой горизонтальной веткой, подпрыгивает и делает несколько быстрых, упругих подтягиваний. Спрыгнув на землю, он большими прыжками подбегает к воде, быстро снимает трусы, сбрасывает резиновые шлепанцы, и с диким воплем прыгает в быстрое течение.

Ровно через сорок пять минут мужчина уже обут, одет и почти что сыт. По экипировке (полевая сумка, рюкзак, молоток, лупа на шнурке) можно легко догадаться, что это геолог. Геолога зовут Григорием, фамилия Сокольников. Он один из лучших съемщиков Уральской экспедиции и выполняет здесь задание особой важности.

На каждой геологической карте имеются один или два ключевых участка, на которые опираются все построения, вся логика геологического картирования. Один из таких участков — скальный обрыв на противоположном берегу реки с официальным названием «урочище Смешные Скалы». Возраст обнажающихся здесь песчаников и сланцев одни геологи считают протерозойским, другие — палеозойским. Две логики. Две структуры. Две карты. А нужна одна, железно обоснованная. Ну а лучшим обоснованием являются, конечно же, находки окаменелой фауны.

Перед выездом в поле начальник партии вызвал Гришу к себе в кабинет, достал из сейфа заветную фляжку, разлил в кружки волшебную жидкость — смесь спирта, коньяка, кедрового масла и сока жимолости в секретных пропорциях. Зная по опыту, что теперь начнутся нудные, на часполтора инструкции, а кружки будут стоять, а желудочные соки будут выделяться, Гриша сразу же взял свою посудину, чокнулся с кружкой начальника, пожелал тому доброго здоровья и отпил первый глоток нектара, а потом уже спросил невинным голосом:

— Чего вызывал, Сергеич?

— Гриш, ну ты уже совсем оборзел! — искренне возмутился начальник. — Поперед начальства, без санкции, так сказать...

— Пока дождешься твоей санкции — язву заработаешь! — огрызнулся геолог, и отпил еще глоток. — Сколько лет тебя прошу: продай секрет. Я уж как только не смешивал — полная дрянь получается. Явно ты еще что-то добавляешь.

— Продай? А вот это ты видел?! — покрутил начальник фигу перед самым Гришиным носом. — Мне «Тойоту» молоденькую за него предлагали! В гроб с собой унесу. А то узнают, и сопьется весь поселок к чертовой матери!

— Ну, чего вызвал-то? Кукиш свой прокуренный показать?

Начальник помолчал, шумно вздохнул, потянулся обеими руками за кружкой, одним глотком выпил все ее содержимое и ворчливо пробурчал как бы про себя:

— Щенки, и пить-то не умеют — катают по капельке во рту, весь кайф пропадает...

С минуту он молчит и, блаженно улыбаясь, с закрытыми глазами поглаживает грудь в районе пищевода. Потом резко выпрямляет спину, делает серьезное лицо и деловым тоном заявляет:

— Григорий Иванович, надо что-то делать с этими Смешными скалами. Последний сезон. Если не разберемся — грош нам цена! Это не карта будет, а крашеное говно! И каждый говнюк нас будет тыкать носом в это говно!

— Кстати, Сергеич, — влез в этот экскрементальный монолог Гриша, — я раскопал, что скалы раньше назывались Смеющиеся. Это уже потом, в сорок девятом Паршин их зачем-то переименовал.

— Эти ребята-фронтовики были с юмором! А кто и чего там смеется? Ты же был.

— Там очень крутые, а где и отвесные сорокаметровые скалы идут вот такой дугой, — показал Гриша руками. — И на другом берегу, как бы в фокусе, — мощнейшее эхо. Я только раз в Саянах в ледниковом цирке такое слышал. Я думаю, тут без женщин не обошлось: пока мужики искали золотишко, они над чем-то смеялись у себя в шалаше, а слышно было — за десять верст.

— Ну и что там можно сделать?

— На самой вершине и внизу метра три, даже и думать нечего. Там такие зубры палеонтологи работали! Они бы ни за что не пропустили фауну. Надо на веревке ползать по стенке и по сантиметрику, по миллиметру все осматривать. Это на месяц-полтора работы.

— Значит, на веревке? Слушай, а ты же у нас в соплячестве скалолазанием занимался, по пещерам девочек тискал?

— Было дело. Да ты не парься, Сергеич! Я уже собрал, что надо: веревки, обвязку, карабины, беседку.

— Гриша, одного я тебя на скалу не пущу! — жестко отрезал начальник и тут же разлил по кружкам вторую порцию нектара.

Выпили, помолчали. Сергеич еще раз повторил, но уже мягко, по-отечески:

— Одного я тебя не пущу! Возьми хоть из опытных кого, хоть щенка. Их же учить надо!

— Вот и учи. У тебя хорошо получается.

— Или студенточку возьми на выбор. Она хоть сообщит мне по телефону, если что. К тому же, кормить тебя будет. Между делом, охмуришь ее. Сколько же можно холостячить?! Забыть тебе уже давно пора тот случай.

— Пустой разговор, Сергеич.

Случай, о котором напомнил начальник, перевернул всю Гришину жизнь. В маршруте в горах погиб студент-практикант. Несмотря на Гришино предупреждение, он воспользовался тем, что начальник отряда увлекся описанием обнажения, и вылез на снежник в верхней части ледникового кара. Козырек обломился... Шансов выжить у него не было. Следствие, допросы, слезы и истерика родителей, суд... Гриша всю вину взял на себя. Вернее, он искренне чувствовал свою вину, хотя формально все инструктажи делались вовремя, все подписи в журнале были на месте. Ему присудили два года условно.

Теперь в поле Гриша всегда работает только один. А чтобы никто не придрался к нарушению правил техники безопасности, в пикетажках в начале каждого маршрута он пишет: «Рабочий — И. И. Иванов». Хотя Сергеич и прикрывает его, как может, всем всё известно. И все делают вид, что ничего не знают.

В геологическом поселке Гриша теперь бывает редко и недолго. Сразу после приемки полевых материалов он уезжает на зимнюю проходку шурфов. Иногда берет отпуск и уходит на месяц-два на лыжах куда-то в горы. Неожиданно для себя увлекся фотографией, начал снимать видеофильмы о природе.

Не сказать, чтобы Гриша выглядит надломленным, угрюмым или замкнутым. Просто он теперь старательно избегает шумных сборищ. Даже на День геолога остается в тайге дневальным по горному участку. Единственное исключение — Новый год. В новогоднюю ночь он старается вести себя, как в лучшие времена, но шутки получаются не очень-то и смешными, а тосты — часто непонятными. В последний раз он предложил выпить «за вечных странников во вселенной!».

Начальнику пришлось уступить. Сразу после весеннего паводка Гришу забросили на место вертолетом, и он уже третью неделю планомерно и методично обследует Смешные скалы.

2

Переправившись на левый берег на резиновой лодке, Гриша начал подниматься по склону, обходя крутые скалы слева. На вершине утеса он

закурил, любуясь видом недалекой горной гряды с обширными белыми пятнами снежников. Потом, не торопясь, он перекрепил конец основной веревки на другое дерево, сел в беседку, застраховался, и, слегка зажав в кулаке самозатягивающийся узел, начал медленный спуск по отвесной стенке, тщательно осматривая поверхность скального уступа.

Было уже предобеденное время, когда Гриша заметил в прослое черных сланцев группу розоватых пятнышек, закорючек, похожих на обломки раковин и тут же, отпустив узел, прекратил спуск. Прижавшись к скале, он рассмотрел пятнышки в лупу, но так и не смог определить, это бывшая органика или просто разбитые трещинами карбонатные прожилки.

— Так, надо будет это всё выколотить, — вслух произнес геолог. — На безрыбье и рак — рыба. Пусть специалисты поизучают. А что у нас делается по простиранию?

А по простиранию, всего в двух метрах, в тех же сланцах он увидел светлое пятно овальной формы, размером с половину спичечного коробка и не удержался от победного вопля:

— Йеху-у-у!!!

И безо всякой лупы было видно, что это хорошо сохранившиеся остатки трилобита — похожего на черепашку ракообразного, вымершего еще в конце палеозоя.

— А значит, это уже точно не протерозой! — сделал вывод Гриша, подняв вверх кулак с оттопыренным средним пальцем. — Ну, Дёмин, попрыгаешь ты у меня! А не надо, парень, слюной брызгать и визжать, что съемщики некомпетентны, что у них отсутствует элементарная логика... Логика у нас еще та!

Гриша быстро привязал навигатором точку наблюдения, произвел ее детальное описание, сделал пару зарисовок и с десяток фотографий. Потом очень осторожно, с помощью маленького зубила, он выбил из скалы кусок сланца с древней фауной. Тщательно завернув образец в несколько пробных мешочков, он осторожно уложил его в карман рюкзака.

— Всё, парень, благодарю за службу! — сам себя поощрил геолог. — Завтра проследим эти сланчики дальше, может быть, еще какую ракушку раскопаем. А сегодня — отбой!

Когда, спустившись с утеса, Гриша отвязывал лодку, от переката за поворотом реки послышались веселые крики и заливистый женский смех. Раньше он любил повстречать в тайге туристов, пообщаться с этими веселыми, беззаботными людьми. Он и сам с ними превращался в пацана, в безалаберного, юморного студента Гришку Сокола. Но в последние годы туристы стали как-то раздражать своей нарочитой шумливостью, дурацкими расспросами, просьбами помочь с продуктами, которые они вечно забывали на стоянках или топили на порогах...

Из-за поворота с улюлюканьем и визгом выскочила кавалькада из пяти двухместных байдарок, которые тут же причалили возле избушки. На бе-

рег вылезли, разминая затекшие ноги, молодые люди в разноцветных ветровках. Самый шустрый из них — белобрысый парень — первым заглянул в избушку и первым увидел на противоположном, затененном берегу Гришу, уже усевшегося в свою лодку, и крикнул, сложив рупором ладони:

— Эй, геологи, можно мы у вас здесь пообедаем?

— Нельзя! Категорически! — громко отозвался Гриша. — Впрочем, если останетесь ночевать, то можно!

Туристы рассмеялись и начали доставать из байдарок рюкзаки с едой и посудой. Кто-то занялся костром, кто-то отправился в лес за хворостом. Почему-то вся эта шумная шебутня и броуновское движение на берегу не вызвали на этот раз у Гриши никакого раздражения. Затащив лодку на косу, он поздоровался за руку с юношами, девушкам кивнул головой. Увлекшись расспросами, из какого города ребята, как добирались до верховьев реки, и откуда начали сплав, он не услышал, как за спиной тихо причалила шестая байдарка, и оглянулся, только услышав громкий вопрос, произнесенный ехидным тоном:

— А у геологов не принято отвечать на приветствия?

Из лодки выбралась броская высокая холеная брюнетка с мощным бюстом и очень соблазнительными бедрами. На ногах у нее были какие-то супер-пупер навороченные кроссовки, икры закрывали ярко-пестрые полосатые гетры. Синие брюки были сшиты из очень тонкой, слегка искрящейся на солнце, облегающей ткани, через которую можно легко определить фасон купальника. Разноцветную верхнюю одежду Гриша так и не смог определить, что это такое — куртка, ветровка? Но без сомнений, заплачены за нее были очень серьезные деньги. Миловидное лицо с ровным загаром турецкого розлива. Нос с кавказской горбинкой. Пухлые чувственные губы производят такое впечатление, что совсем недавно были слегка подкрашены. То же самое можно сказать и о длиннющих черных ресницах. Но самое удивительное в этой красотке была ее прическа — будто только что от парикмахера. Совершенно непонятно, как можно сохранить в походе эти вьющиеся, переплетающиеся пряди и идеально ровную челку?!

На разглядывание красотки Гриша затратил не больше пяти секунд. И ответ нашелся сразу:

— А я думаю: куда это они везут куклу Барби в натуральную величину? А она, оказывается, разговаривает!

Туристы от неожиданности громко прыснули и виновато отвернулись.

— Прошу на трон, Королева, — шутовски согнулся в поясе Гриша, указывая рукой на чурбан возле костра.

— Нет, постойте, Ваше Величество, — он быстро снял штормовку и аккуратно постелил ее, — а то занозу посадите в такую замечательную... часть Вашего королевского тела!

Красотка поддержала шутку и позволила подвести себя за ручку к «трону», при этом она так задирала подбородок и делала столь высокомерное

выражение лица, что туристы покатились от смеха. Гриша же неожиданно для себя обнаружил еще один явный признак салона красоты, расположенного где-то рядом, за первым поворотом — шикарный дорогой маникюр.

Обед затянулся часа на три. Гриша был в ударе: рассказывал всякие смешные истории из студенческих вылазок за минералами, походов в горы и сплавов на плотах. Громкий хохот эхом возвращался от скалы за рекой и накладывался на новый смех. Урочище полностью оправдывало свое старинное название.

На молчаливо-надменную «Королеву» геолог больше ни разу и не взглянул. Гламурные красотки с обложек дорогих глянцевых журналов его не впечатляли и не возбуждали. Куклы и куклы, со своей непонятной веселой жизнью.

Наконец, старший группы Андрей, постучав ногтем по часам, извинился:

— К сожалению, мы вынуждены откланяться. И так график нарушаем. Спасибо, Григорий Иванович, за гостеприимство, за интересные рассказы! Спасибо за хариусов, Вы их очень вкусно засолили!

«Королева» тут же встала, подошла к берегу, столкнула в воду свою легкую байдарку, быстро уселась в нее, оттолкнулась веслом, сделала два мощных гребка и застыла удаляющимся памятником. Так и скрылась за поворотом, не оглянувшись, не махнув рукой.

— Ну, ты кака-а-ая! — не удержался Гриша и рассмеялся вместе с туристами.

— Не обращайте внимания, — успокоил его Андрей, — она у нас немного «с приветом».

— Ну, передайте ей, что она меня просто сразила наповал своей экипировкой, прической, маникюром и гордо поднятым подбородком...

— Оценили все-таки! — рассмеялась одна из девушек. — А мне показалось, что Вы остались к ней, совершенно, равнодушны.

— Нет, чертовски красивая женщина! Только что с ней делать? Не кукла, в угол не поставишь. Это же представить невозможно, чтобы с такими ноготками она посуду помыла!

— Ну вот, все вы, мужики, такие!– всерьез возмутилась другая девушка.– Вместо того чтобы на руках носить, цветы дарить, стихи посвящать, вы сразу нас — на кухню. Знай свое место!

— Нет, стихи — это мы могём! — рассмеялся Гриша, — но иногда и поесть чего-нибудь вкусненького хочется...

— Кончай базар, девоньки! — начал подгонять подруг Андрей. — Рюкзаки загружены, пора отчаливать!

Ребята выстроились в очередь, чтобы пожать геологу на прощанье руку. А потом подошли и девушки. Гриша галантно, с шутками-прибаутками и комплиментами, каждой из них поцеловал ручку.

Уже через минуту последняя байдарка скрылась за поворотом.

3

Помахав рукой туристам, Гриша уселся на «трон» и закурил. Надо бы переписать маршрут с черновика, но в кои-то веки, работать совсем не хотелось. Хотелось на радостях от такой долгожданной находки и от столь неожиданно приятной встречи с байдарочниками, заглотить полкружки спирта, лечь на спальник и разглядывать сучки на плахах потолка, отгоняя от себя все мысли. Но он хорошо знал, какой из него неважный отгонятель мыслей, поэтому твердо объявил самому себе:

— Баня и постирушки! За ужином — немного спиртика.

Докуривая сигарету, Гриша увидел под ногами черный шнурок и потянул за него. Из-под свешивавшегося с чурбана рукава штормовки выскользнул небольшой черный с золотыми вензелями мобильник. Внимательно изучив находку, он понял, что это не только телефон с мощной камерой, но и не хилый по точности навигатор GPS — игрушка довольно дорогая. Помнится, эта штуковина висела на шее у красотки. Как она его не утопила в речке? Замочек-то на шнурке совсем хиленький!

— Ну вот, еще возиться придется из-за этой куклы — отправлять по почте,– проворчал Гриша.

Место для стирки геолог выбрал ниже по течению, у наклонившейся к самой воде подмытой в паводок березы. Здесь была небольшая песчано-гравийная коса, и можно было ходить босиком.

Перестирав все грязное белье, портянки, стельки, насквозь пропитавшийся потом энцефалитный костюм, Гриша помылся сам. Попытка побороться вплавь с течением реки оказалась безуспешной, но доставила много удовольствия и еще больше подняла настроение. Дожидаясь, пока обсохнет все тело, он позабавился игрой с эхом. На вопрос: «Кто украл хомуты?», скалы уверенно ответили: «Ты!». А на «Кто получит приговор?» — «Вор!» Он с детства знал шесть таких кричалок. Правда, половина из них были с матерными откликами, но кого ему тут стесняться?! А седьмую («Кто сожрал антрекот?» — «Кот!») он придумал сам, и когда-то очень этим гордился.

Наоравшись вволю, Гриша надел трусы, тренировочные брюки и начал собирать уже слегка подсохшие стираные вещи. И вдруг он услышал совсем рядом слабый, но отчетливый шлепок. Звук был явно не таежного происхождения. Повернув голову в сторону лежачей березы, он сразу заметил сквозь листву полосатые гетры, и сердито скомандовал:

— А ну вылезай, прынцесса!

Ветки зашевелились, и на косу выбралась красотка во всей своей гламурности. На лице у нее по-прежнему была чуть презрительная улыбка. Поправляя прическу, она ехидно спросила:

— Я же твоей Королевой была, господин геолог. За что в принцессы разжаловал?

— За неспортивное поведение! — зло ответил Гриша. — Нет, вы посмотрите на нее! Ее поймали за наглым подглядыванием, а она даже не покраснела.

— Не ври, геолог, вполне даже покраснела, это у меня под загаром не видно. Да и не собиралась я вовсе подглядывать. Так получилось. А в чем, собственно, трагедия? Ну, увидела я тебя, в чем мать родила, ну и что? Никаких уродств у тебя нет, все на месте, все пропорционально.

— А ну-ка, давай, раздевайся до гола! — разозлился еще больше Гриша, — у тебя ведь тоже все в комплекте, и размеры весьма впечатляющие...

— Обойдешься! Я все-таки женщина...

— Кукла ты нафуфыренная, а не женщина!

— Ну, ты тоже хорош! — тут же отбила нападение красотка, — думаешь, приятно было слушать матерное эхо? А, краснеешь?! Давай мириться, геолог. Ну, извини, пожалуйста. Я и правда попала тут, с этой чертовой березой: вовремя не вылезла, а потом уже поздно было. А знаешь, как меня комары, сволочи, достали! Так что я — значительно более пострадавшая сторона!

Заметив, что геолог выпустил почти весь свой пар, девушка сообщила:

— Меня все друзья зовут Люси. А тебя?

— Григорий.

— Значит, Гриша. Вот и познакомились.

Красотка выставила вперед свою правую ладонь с растопыренными пальцами и предложила:

— Мир?!

Гриша помедлил, разглядывая блестящие золотистые ноготки, но потом все-таки сдался — шлепнул своей грубой ладонью по ее холеной узкой ладошке.

— Ну-ка, постой так, — попросила Люси и зашла ему за спину. — Откуда у тебя этот рваный шрам на лопатке?

— Да так, дерево не туда упало, и сучком зацепило.

— А чего швы не наложили?

— Кто бы их в тайге наложил?

— Ясно, геолог-отшельник был, как всегда, один. Плохо кончишь, парниша!

Гриша почувствовал прикосновение к травмированной лопатке теплой женской ладони, и от неожиданности непроизвольно выгнул спину. И тут же заполучил порцию жалости, приправленной издевкой:

— Бедный Гришенька, как тебя изогнуло-то! Неужели, я — первая женщина, которая дотронулась до старой боевой раны?

Чуть замешкавшись, Гриша не успел ответить на первую подачу, а уже летела вторая:

— А правду говорят, что шрамы на теле — это главные эрогенные зоны у мужчин?

Вывернувшись из-под руки красотки, Гриша, которому почему-то никак не удавалось найти адекватный ответ, отчетливо понял, что вчистую проиграл и этот гейм. Оставалось только разозлиться, что он и сделал с превеликим удовольствием:

— Слушай, ты, ходячая эрогенная зона, забирай мобильник, и катись на своей байдарке куда подальше!

— Спасибо за комплимент! Надо обязательно запомнить,— рассмеялась красотка, весьма довольная тем, что довела все же геолога до состояния кипения. — А что там за мобила?

— Ну, черный с джипиэсом и вензелями. А ты что, не за ним вернулась?

— Я думала, он в рюкзаке. Ну ладно, хорошо, что нашелся — подарок все же. А вернулась я к тебе, Гриша, насовсем! Нет, не в смысле, что навсегда, а пока не надоест. Мне ребята передали, что ты признал меня чертовски красивой. Раз так, думаю, может быть, и не прогонит. Не прогонишь? Не прогоняй, Гришенька, я тебе пригожусь! Когда в следующий раз по твоей глупости дерево не туда упадет, я тебе хоть швы наложу! А в промежутках между подвигами, поставишь меня в красный угол, как куклу, и будешь любоваться. Глядишь, и производительность труда у тебя повысится. Говорят, общение с прекрасным сильно влияет на производительность.

Выслушав эту тираду, Гриша ухмыльнулся:

— Производительность, говоришь? Это сколько же дней я буду один маршрут из черновика в пикетажку переписывать, если в углу напротив будет голая красотка стоять?!

— Обойдешься! — успокоила его движением руки Люси.— Я девушка страшно стыдливая... Ну чего ты лыбишься?! Кроссовки могу снять, гетры, ну и горжетку, вот и все. Да ты не переживай, классики писали, что женщины в обтягивающих одеждах на мужиков значительно сильнее воздействуют, чем обнаженные... Ну, так берешь говорящую куклу Барби в натуральную величину — для красоты? Не отправишь же ты ее одну, бедняжку, через пороги в утлой лодчонке на верную смерть?!

Гриша почесал затылок, тяжело вздохнул и развел руками:

— Ну, куда же от тебя денешься! Все рассчитала, хитрая куколка! А на вид, в этой красивой головке, кроме опилок, ничего отродясь не водилось. Далеко твоя байдарка?

— Ура! Ура! Ура! Я его сделала! — закричала во весь голос Люси (скала весело ответила: «Ла-ла!») и начала, приплясывая, шлепать себя ладошками по бедрам. Потом она подскочила к Грише и громко чмокнула его в небритую щеку, чем заметно смутила геолога.

— Погоди плясать, — вдруг опомнился Гриша, — контракт будет подписан только на определенных условиях. Клянись, что будешь три раза в день готовить мне суп.

— А есть из чего готовить?

— Целый ящик, шесть видов.

— Это в пакетах что ли?

— А в чем еще?

— Это же гадость! Ну ладно, клянусь варить эту несъедобную дрянь, тем более, что ее и варить-то не надо, а просто залить кипятком!

— Нет, вообще-то можешь и в ресторане заказать.

— Проехали. Что еще?

— Я после спиртяшки, ночью могу здорово похрапеть. Клянись, что не будешь кидать мне на морду вонючие портянки.

— Клянусь не кидать! Тем более, что имеются более радикальные способы борьбы с храпом. Например, вылить весь спирт.

— Я те вылью! Смотри, кукла...

— Милая Люси, — поправила его девушка.

— Смотри... красотка! С тебя ведь станется! Осенью или под мокрый снег попадешь, или в воду свалишься, — лучшего лекарства нет!

— Проехали. Дальше.

— Ну, ты какая разговорчивая оказалась! Так вот, я привык, чтобы в доме тихо было.

— Обойдешься! Я и так измолчалась вся, пока ты девочек веселил!

Гриша задумался. За эти годы он настолько привык все делать сам, что никак не мог придумать больше ни одной, даже шуточной клятвы. Наконец он досадливо махнул рукой, произнес:

— Ладно, остальное — по ходу пьесы, — и, показав пальцем на горку одежды, добавил в приказном тоне:

— Отнеси к избе и развесь на гвоздях на солнечной стороне. Я — за байдаркой.

4

Пригнав байдарку, Гриша достал из нее Люсин рюкзак и отнес его в избушку. Люси возилась у горящего костра — грела воду в двух чайниках. Усевшись на крыльцо, геолог закурил, откинулся спиной к дверному косяку, и стал наблюдать за этой действительно очень красивой женщиной, оценивая, в каких позах она наиболее эффектно выглядит. И тут же за это поплатился. От костра поступило предложение:

— Гриша, вместо того, чтобы пялиться на мою задницу, сходил бы рыбку, что ли, половил. Короче, слиняй куда-нибудь часика на полтора. Я тут немного перышки почищу. Только, чур, не подглядывать!

Предложение относилось к разряду тех, от которых невозможно отказаться. Гриша пожал плечами, одел высохшую уже рубашку, штормовку, взял спиннинг и отправился вверх по течению реки по набитой уже им тропинке.

В ямке под перекатом хариус брал с первого заброса. Минут за пятнадцать-двадцать геолог вытащил больше тридцати рыбин, и через силу заставил себя остановиться. Еще минут двадцать ушло на чистку рыбы. Остальное время он просидел, бездумно глядя на текущую воду и резвящихся у берега мальков.

Гриша вернулся к избушке ровно через полтора часа. Красотки нигде не было видно. На чурбаке у костра сидела туристка в выцветшей, видавшей виды штормовке, в синих тренировочных брюках с желтыми лампасами и простеньких кедах. Со спины были видны только тщательно расчесанные прямые черные волосы.

Чтобы не напугать брюнетку, Гриша поприветствовал ее издали:

— Добрый вечер. Каким ветром к нам?

Девушка заметно вздрогнула. Она сразу поднялась с чурки и повернулась к геологу. Приятное, слегка покрасневшее на солнце бледное лицо, прямой нос, чуть выцветшие брови, серые глаза... Одна из туристок? Да вроде бы, среди них такой не было. Ведь только что всем ручки целовал!.. Может, эта просто не подходила, все время держалась в стороне?

— Забыли что-нибудь?– на всякий случай спросил Гриша.

— Человека забыли, — очень тихим грудным голосом, почти шепотом ответила девушка, глядя ему прямо в глаза.

— А она вам что, ничего не сказала?– возмутился Гриша. — Вот кукла драная! Она же здесь решила остаться! Весь ваш график теперь полетит...

— Да, с графиком — полный трындец,– все также полушепотом подтвердила девушка, печально покачивая головой.

И вдруг она громким «красоткиным» голосом укорила:

— Ну, ты, Гриша, совсем офигел! Человека, с которым час назад говорил, не можешь узнать! Чтобы запомнить женщину, надо ей в глаза смотреть — в зеркало души, а не на задницу! Рот-то закрой — ворона залетит!

Гриша действительно стоял с приоткрытым ртом, и никак не мог совместить в голове эту скромную, простую девушку с гламурной красоткой.

Разрушенное представление о мире постепенно начало складываться в логичную картину: минус маникюр, минус прическа, минус крашенные брови, накладные ресницы, тонированная кожа... Остальное — прикид. Главное — тонкие блестящие штанишки в обтяжку. Но одного здоровенного пазла в этой картине явно не хватало.

— А эти? — растерянно показал он руками большой бюст.

— Привиделось тебе, Гриша, от долгого затворничества. Просто дорисовал в сознании...

Девушка повторила жест геолога, потом развела полы штормовки и, выпятив свою немаленькую грудь, ехидно спросила:

— А пятого номера тебе, конечно, мало?! Коровье вымя тебе подавай!

— Нет, но тут что-то не то...

— Да все — то, Гришенька, есть такие бутафорские лифчики. И еще, есть накладки на нос, тампоны за щеки и прочие замечательные театральные штучки.

Заметив в руках у геолога два больших кукана с рыбой, Люси кивнула головой в сторону речки:

— Пошли, что ли, рыбу чистить.

— Она почищена.

— Ну, тогда пошли солить.

Когда вся рыба была промыта, посолена и уложена в брезентовый мешок, девушка попросила:

— Гриш, только помой, пожалуйста, руки хорошенько. С мылом. Я рыбу люблю, но терпеть не могу, когда пахнут ладони.

Гриша, пожав плечами, и посмотрев на свои ладони, спросил:

— А ты чего, их нюхать собралась?

— Ты делай, чего тебе говорят, и не задавай дурацких вопросов!

— Ладно,– легко согласился Гриша.

Не стал он задавать вопросов и когда, войдя в избушку, увидел, что на обширных нарах два спальника сдвинуты вплотную друг к другу и застелены одной белоснежной простыней.

5

Гриша в расстегнутой рубашке сидит на любимом месте, опираясь спиной на дверной косяк пристройки, и курит. Мыслей нет. Только небольшое никотиновое головокружение, усталая удовлетворенность и привычное, притерпевшееся уже, неострое чувство голода.

Вышла, щурясь на яркое солнце, Люси в веселом цветастом халатике. Она слегка покачивается и нетвердо ставит ноги. Волосы перепутаны, под глазами серые круги, на губах усталая блаженная улыбка.

— Барби, на кого ты стала похожа! — съехидничал Гриша. — В тебе забыли пружину завести. Свалишься ведь сейчас! Иди сюда!

Гриша помог Люси устроиться у себя на коленях и, поцеловав ее в висок, удобно устроил голову у себя на груди.

— На себя посмотри,– с задержкой отреагировала Люси.

— Ну, рассказывай, где ты вычитала про пользу голода для любовников?– продолжил старый разговор Гриша.

— Кто о чем, а ты опять — о жратве!– перебила его Люси.– Вон сколько банок за печкой валяется!

— Ну и сколько их там валяется?! Это разве жратва?!

— Да ладно тебе,– перебила его Люси, — а я вот о чем подумала. Я теперь знаю, что такое счастье! Я сама его себе сделала...

— Слепила из того, что было, — уточнил Гриша и тут же получил кулачком в лоб.

— Дай досказать. Я ждала, ждала чуда, а потом решила: неужели я, такая умная и хитрая, такая талантливая...

— Ё моё, а я и не знал...

— Да заткнешься ты хоть на пару минут?! ...Такая заводная, готовая на все, неужели я не смогу соблазнить этого туповатого, зацикленного на работе и обиженного на весь мир мужичка?

Чтобы встрепенувшийся «мужичок» не перебил ее еще раз, Люси прикрыла ему рот ладошкой.

— Я больше полугода репетировала этот спектакль, подбирала реквизит, училась плавать и управляться с байдаркой... Я прочитала кучу книг и статей в Интернете, как соблазнять мужчин, как находить у них слабые места и «играть» на этих струнах. Мой тайный агент в экспедиции передавал мне все сведения о твоем местонахождении и ближайших планах... И надо же, сама чуть все не испортила!

Я ведь как только увидела твое лицо и прикоснулась к руке... Я так перепугалась, что у меня ничего не получится... В общем, впала в какую-то летаргию. А все-таки ошибался режиссер из нашего ТЮЗа. Он меня все время наставлял: не импровизируй, ты ведь не профессиональная актриса, все испортишь. Ну а на самом деле, все прошло именно на импровизации. Очень помог твой стриптиз. Я, как только увидела тебя, бегающего голышом по косе, сразу поняла: это все мое, и я этого никому не отдам! И сразу успокоилась, и все пошло, как по маслу.

А все-таки, я добилась своего! И даже если в дальнейшей жизни не окажется ни одного просвета, я уже получила свой честно заработанный кусочек счастья!

Люси убрала ладонь с Гришиного рта и разрешила:

— А теперь спрашивай.

Гриша слегка потряс головой, которая, в ответ на истязание голодом и бессонницей, отказывалась переваривать все услышанное, и спросил первое, что пришло в голову:

— Мадам, у меня такое впечатление, что мы с вами где-то уже встречались?

Люси, удобно устроив голову на Гришином плече, ответила, как душевнобольному:

— Молодец, Гришенька. Сам догадался, или кто-то подсказал?

— Сам,– серьезно ответил Гриша. — Слушай, а кто тебя назвал Люси? Я песню такую знаю...

— Ой, ты, моя прелесть! — нежно погладила она Гришу по голове. — Да ты, родной, и назвал! Я с детства была Людмилкой, Людочкой, Милой, а ты взял и назвал Люсей. А потом, на Катькином дне рождения спел песню: «Моя дорогая Люси». И это сразу приклеилось — не отдерешь!

— Подожди, это что, на Тельпосе?

— Да, это в тот самый год...

— Все помню до мельчайших подробностей. И этот день рождения в палатке у озера. А лицо твое — хоть убей, не помню.

— Тебе не до меня тогда было. Ты выдул чуть не всю бутылку коньяка, устроил голову на коленках Томки Крутаковой, и она нежно расчесывала твои волосы... И травил нам свои байки, как этим туристам. Все наши пять девочек из техникума были по уши влюблены в тебя и жутко завидовали Томке... Кстати, она сразу же после практики выскочила замуж...

— Томочку помню...

— А я ведь и на суд приезжала, и выступала, как свидетель.

— И на суде не помню. В каком-то ступоре был...

— Да ты и не старайся вспомнить. Я ведь тогда была угловатым, смешным плоскогрудым подростком-переростком с косичками. Мне еще и шестнадцати не было. Меня родители в пять лет в школу отдали, и сразу во второй класс — «гениальный ребенок»!

— Нет, косички были, мосластые худые ножки тоже были, а вот ни лица, ни попы, ни гениальности...

Люси, больно ткнув геолога кулачком под ребро, продолжила:

— Кто же тогда мог предположить, что у этого гадкого утенка всего за год пятый номер вырастет и фигура так заманчиво округлится... А ты ведь, Гриша, уже держался за это все! И бразильское танго со мной танцевал, и тискал по темным углам...

— «Золотая маска»?! — сразу догадался Гриша.

Люси отодвинулась от Гриши, чтобы заглянуть ему в лицо и удовлетворенно констатировала:

— Краснеть еще не разучился! Запишем это в плюс. А до этого я была розовая маска, кошечка, лисичка... Я, как только после техникума в универ поступила, каждый раз приезжаю в поселок на Новый год.

После долгой паузы, Гриша спросил:

— А сюда-то ты как попала?

— После защиты диплома, приехала в поселок, нашла твоего начальника — Виктора Сергеевича — и положила ему на стол свои документы. Он их отодвигает от себя и говорит, что девок ему не надо. А мне надо, говорю, я хочу женить на себе одного вашего геолога. Он, как узнал, что речь о тебе идет, такую бурную деятельность развернул! Через два часа я уже на вашей вертолётке сидела на стопке кирпичей, и мне делал прическу и макияж, срочно вызванный лучший в городе парикмахер. Потом прилетел вертолет. Потом меня высадили вон там, километрах в двух выше по течению. Начальник провел инструктаж...

— Что, Сергеич сам прилетел с тобой? — прервал рассказ Гриша.

— Конечно, сам. Он мне все выгрузил, собрал байдарку. Потом перекрестил, благословляя, и поцеловал в лоб. Только улетел вертолет, появились туристы. Я с ними договорилась, чтобы выдали за свою, немного чокнутую... А дальше ты знаешь.

— Вот это да! — восхитился Гриша.– Это же целая стратегическая войсковая операция с участием авиации, флота и секретного оружия — бутафорских титек восьмого калибра!

— А ты думал!

После длинной паузы, Люси спросила:

— Хочешь, я в два счета докажу, что тебе досталась очень умная жена?

— А мы уже?..

— Не остри на эту тему! — резко оборвала его Люси.

— Ладно, валяй... жана. Докажи, что ты гениальная.

— Признайся, Гришенька, что пару минут назад ты подумал: а зачем вообще был весь этот цирк? Просто надо было мне не исчезать тогда, после танго и темных углов, а затащить тебя в постель. Да там и тащить-то не надо было.

Гриша взял двумя ладонями Люсину голову, отстранил ее от себя и внимательно вгляделся в глаза.

— На ведьму не похожа, — сделал он вывод из своего исследования и вернул голову на прежнее место.

— Нет, Гриша, тут все без чертовщины, — успокоила Люси. — Ты узнал о верхней части айсберга, а имеется и подводная... Я даже не знаю, можно ли тебе это рассказывать?

— Нужно! — уверенно заявил Гриша. — Нафига мне сдалась такая гениальная жена, да еще и с секретами?!

— Ну, смотри, сам напросился. С меня теперь взятки гладки! Консилиум психотерапевтов... Собственно, это два друга-пенсионера в очень почтенном возрасте. Они внимательно выслушали меня, задали множество непонятных вопросов, посмотрели твои фотографии и фильмы... Кстати, я десятки раз это все видела, но не заметила, что нет ни одного кадра, в который бы попало хоть одно живое существо: синичка, бабочка, олень, я уж не говорю про людей. Ну вот, они долго разговаривали, иногда спорили на своей непонятной латыни, и пришли к выводу, что это депрессия, осложненная несколькими фобиями.

Я раньше думала, что депрессия — это плохое настроение после заваленного экзамена или после ссоры с подругой. А оказалось, это серьезная, часто смертельная болезнь. Вердикт был вынесен за два дня. А потом они целый месяц учили меня, как следить за симптомами, за динамикой: глаза, губы, мимика, пальцы, движения головы, походка, восприятие информации, концентрация внимания, реакция на неожиданные ситуации... Там не только про депрессии было. Я столько нового о людях узнала! Наверное, мои, забытые всеми старички, могли и на целый год растянуть эти консультации, но надо было уже ехать в поселок на праздник.

Психиатры решили, что лучший способ лечения — провокация с использованием «основного инстинкта». Поэтому были заготовлены

предельно откровенное декольте и мощный вырез на платье. Поэтому я так неприлично льнула к тебе в танцах и незаметно тянула в укромные уголки.

Получилось! Я впервые за эти годы увидела у тебя человеческие, а не протухшие глаза. Правда, твои взгляды редко поднимались выше декольте... Я утром перед зеркалом синяки на груди носила, как ордена! А затаскивать тебя в кровать мне было запрещено строго-настрого. У тебя наверняка ничего бы не получилось, и это был бы самый страшный результат из всех возможных.

— А я весь поселок потом перевернул, — тихим голосом откликнулся Гриша. — Как в воду канула.

— Знаю. А как обрадовались этому мои старички! Ну а когда разведка донесла...

— А я вычислил твоего резидента, — прервал ее Гриша. — Это Татьяна, жена Вовки Крюкова! Из всех наших только она одна училась вместе с тобой в техникуме.

— Умнеешь на глазах! — нежно погладила его по голове Люси. — Так вот, когда Танька после Дня геолога рассказала по телефону, что ты на несколько часов приезжал на снегоходе с полевой базы, и всё искал кого-то глазами, мои старички устроили настоящий праздник с дорогим вином, французским сыром и прочими деликатесами. После этого надо было только не испортить все.

Для «разогрева» было решено подсунуть тебе сперва сексапильную дуру с мощным бюстом, но ты не клюнул. А вообще-то, после того как ты три часа смешил туристочек, можно было уже смывать «штукатурку», но мне так хотелось увидеть твою растерянную физиономию!

Вот так, Гришка Сокол, подловила, совратила я тебя по преступному предварительному сговору очень многих хороших людей. Но ты сильно не переживай: вдруг стерпится-слюбится. А если не слюбится, я тебя держать не буду — вольному воля! Но начнешь кобелячить, я тебя сразу из дома выставлю, имей это в виду!

Выслушав все эти глупые ужастики, Гриша нежно поцеловал Люси за ухом и спросил:

— Неужели Сергеич мне ничего не передал?

— Ой, я совсем забыла. Он сунул мне в рюкзак фляжку с кедровым маслом. Сказал, что это фауну отмывать. А зачем ее отмывать маслом? Нам в универе ничего об этом не говорили.

— Я научу, — улыбнулся Гриша. — Ну-ка, вставай, совратительница с пятым номером. Я разведу костер, а ты сваришь полную кастрюлю макарон, и две банки тушенки туда.

— Не-е-ет, только суп из пакетов, как в контракте записано! — рассмеялась Люси. — Тем более что, по многолетней традиции, ты еще и продувать каждую макаронину заставишь...

Когда костер разгорелся, Гриша вышел на самый берег реки, чтобы не мешали деревья, и начал орать во всю глотку все, что приходило в голову:

— Кто задОхнется от смеха?
— Эхо! — громко ответило эхо.

— Кто ценитель красоты?
— Ты!

— Будем вместе мы всегда?
— Да!

2011

Анатолий Плякин

В КОНЦЕ СЕЗОНА
Документальная повесть

Часть вторая*

XI. Спустилась ночь... Вечером, ещё засветло все собрались в лагере. Дела продвигались, как и планировали, довольно успешно.

Алексею удалось закончить ещё один шурф и начать последний из намеченных, четвёртый. Несмотря на усталость, настроение у него было хорошее и бодрое. Он был уверен, что завтра он полностью выполнит задание и сможет хоть немного порыбачить в богатой хариусами реке Ворыкве. Снасть на такой случай у него была припасена ещё с лета. Опыт в добывании червей на тиманских реках, особенно осенью, тоже был.

Павел задокументировал полностью два шурфа и отобрал из второго шурфа три бороздовые пробы. В этом шурфе были довольно интересные горные породы, очень сильно напоминающие по внешнему облику бокситовые: они имели тёмно-бурый цвет, каменистый облик и отличались невысокой плотностью. Но вскрытая часть пласта была интенсивно разрушена. В том, что они являются продуктами выветривания, сомнений не было. Но насколько они богаты глинозёмом? Об этом можно будет говорить только после возвращения в экспедицию, изучения петрографических шлифов и, главное — получения результатов химических анализов. Ему хотелось побыстрее заглянуть в четвёртый шурф, который Алексей закончил уже к вечеру. Но, как говорится, утро вечера мудренее...

Виктор отвёл душу на вечернем клёве и наловил полтора десятка хариусов, обеспечив вкусный и экологичный ужин для всего отряда. Вне работы его главным увлечением была охота, и он надеялся завтра пробежаться по своим «коронным» местам и принести к вечернему столу свежей дичи: косача или глухаря.

А Вадим после неудачной попытки отремонтировать радиостанцию решил получить хоть какую-то пользу от неисправного аппарата и настроился на репортаж хоккейного матча первенства страны. Хотя сам он никогда не играл ни в футбол, ни в хоккей, но прекрасно знал фамилии всех игроков советских команд, был осведомлён обо всех их достоинствах и недостатках.

После ужина Павел спросил у Вадима: «Что со станцией? Удалось наладить?»

---

* Часть первая опубликована в альманахе «Прекрасная и черная работа», Сыктывкар, 2006.

— Нет, не получилось. Не слышат они нас. Я послушал репортаж «Спартака» с «Крыльями» — победили «Крылья» со счётом 3:1. Вообще-то экспедиция должна по нашему поводу уже забеспокоиться. Будем ждать. Да и работу ещё не закончили. Ты-то вернёшься в Ухту, а нам ещё увязочные маршруты надо делать, да и на керн хотелось бы слетать. А для этого надо заказать продукты из экспедиции. У нас-то на подсосе. А завтра надо пробежать по водоразделу и выскочить на соседний, тридцать пятый лист — там мне не всё понятно.

— А я завтра надеюсь закончить с документацией шурфов. Кажется, в четвёртом будет что-то интересное. Если удастся связаться с Ухтой, надо заказывать вертолёт на послезавтра.

— Да если завтра не свяжемся, они сами должны прилететь.

— А мне хотелось бы на зорьке сбегать на косачиный ток, — сказал Виктор, который сосредоточенно снаряжал патроны для охоты на дичь.

— Ты беги, куда хочешь, только чтобы к девяти был готов к маршруту. Сначала надо дело сделать, а когда будем ждать вертолёт, тогда и побегаешь за дичью, — ответил Вадим, залезая в спальный мешок.

Через полчаса в палатке все спали.

XII. Поиск продолжается...Проснулись как всегда рано. Пока Алексей с Павлом кашеварили у костра, Виктор вернулся с двумя косачами. Вадим продолжал копаться с радиостанцией.

— Ну, вот, — сказал Вадим, откладывая радиостанцию в сторону. — Ничего не смог сделать. Да к тому же и на приём она перестала работать. Теперь мы стали и глухи, и немы. Остаётся только ждать прилёта вертолёта. Надо свернуть антенну.

Виктор уже смолил косачей у костра. Он оглянулся на Вадима и произнёс мечтательно: «Как хорошо посидеть в тайге без связи, без этих «руководящих» разговоров, чувствуя себя полным хозяином положения. Конечно, хорошо бы иметь побольше сухарей и заварки, а остальной пищи в тайге немереное количество, особенно сейчас, осенью: косачи, глухари, ягод полно. Я вчера на болоте столько клюквы видел, хоть мешки нагребай. Все кочки красные. Ягоды крупные, спелые, сладкие. Да и брусники ещё много на кустах местами встречается. А в Ворыкве такие откормленные хариусы, всего километрах в пяти ниже по реке. В Ухте сейчас тоскливо».

— Жаль только, что не взяли мы с собой муки — напекли бы «ландориков», и никакого хлеба и сухарей не надо, — продолжил тему Вадим. Ландориками он называл полевые оладьи, приготовленные без сковороды, прямо на жестяной печи.

Перед предстоящим напряжённым рабочим днём геологи плотно позавтракали. Чтобы не тратить драгоценное светлое время, разделку и приготовление дичи оставили на вечер. Испив чая, отправились по намеченным вчера маршрутам.

Вадим с Виктором направились на восток, на границу тридцать четвёртого и тридцать пятого листов увязывать геологическую карту на стыке этих листов. Путь предстоял трудный и далёкий. Им надо было уточнить границу распространения нижнекаменноугольных отложений, в нижней части которых могли быть обнаружены бокситы. Все предпосылки к этому были налицо, но площадь распространения этих пород не была оконтурена.

Павлу и Алексею предстоял более короткий путь, но задача была очень важная. В случае удачной проходки хотя бы одного шурфа можно было намечать проходку буровых скважин, что давало более уверенный ответ на вопрос о бокситоносности кор выветривания на базальтах Тимана. Уже через пятнадцать минут они оказались около вчерашних шурфов.

Павел спустился в забой шурфа и быстро его осмотрел. Геологическая картинка показалась ему весьма любопытной. Во всяком случае, раньше такого разреза видеть ему не приходилось. Поднявшись на поверхность, он подошёл к Алексею, и они вместе направились к последнему, только ещё намеченному шурфу.

— Алексей, ты копай этот шурф, а я займусь твоим вчерашним. Там мне, видимо, придётся долго поработать. Ты молодец, хорошо подготовил мне место работы.

Алексей, как обычно, для начала разложил небольшой костерок недалеко от шурфа, принёс из ручья воды и подвесил чайник над небольшим пламенем. Потом достал из рюкзака рукавицы и принялся за работу. Глубина перед началом работы была не более 50 сантиметров. Под почвенным слоем оказался тонкий слой суглинков — около 30 сантиметров, а ниже начинались довольно крепкие породы красно-бурого цвета с многочисленными обломками черных базальтов. После хорошего ночного отдыха и сытного завтрака работа спорилась.

Павел снова спустился в шурф и начал внимательно осматривать стенки и забой выработки. Потом он рулеткой замерил глубину шурфа, она составила три метра двадцать сантиметров. Почвенно-растительный слой сменялся вниз по разрезу коричневым суглинком толщиной около 40 сантиметров, а ниже появились глинистые породы красно-бурого цвета с многочисленными обломками довольно плотных каменистых пород. Количество обломков постепенно увеличивалось с глубиной. На глубине 2 метра суглинистая часть почти полностью исчезла из разреза. Здесь начинались крепкие каменистые породы скорее красного, чем бурого цвета, разбитые тонкими трещинами, и суглинистая часть породы располагалась по полостям этих трещин. Создавалось впечатление, что шурфом вскрыта верхняя часть разреза коры выветривания каких-то пород, скорее всего — базальтов.

— Интересно, — сказал сам себе Павел, доставая полевой дневник. — Рядом на поверхность выходят свежие, без следов выветривания базальты, обломки их встречаются в верхней части слоя суглинков во всех шур-

фах. А здесь породы полностью изменённые, выветрелые. Надо внимательнее посмотреть этот разрез и опробовать. Глубже вручную, с кайлом и лопатой, углубиться не удастся. Придётся довольствоваться этим, хотя хотелось бы заглянуть несколько глубже.

Он вылез из шурфа, достал из рюкзака мешки для проб, молоток, зубило и снова спустился по хилой лестнице вглубь. Наметив сечение бороздовых проб, Алексей приступил к их отбору. Первоначально была отобрана метровая проба, в которую вошёл весь материал: и каменистый, и суглинистый. Потом он решил взять отдельные пробы: одну — по каменистым породам с того же интервала; другую — по суглинистым породам того же цвета, заполняющим полости трещин в каменистых породах. Интересно было узнать, как распределяются глинозём и кремнезём в разных фракциях выветрелых пород. Ведь суглинистая порода могла проникнуть по трещинам из четвертичных отложений. В таком случае она будет более бедной глинозёмом. Вблизи забоя трещиноватость пород не только уменьшается, но и практически полностью исчезает. Это очень важно.

К шурфу подошёл Алексей с чайником. Заглянув в шурф, он позвал Павла: «Павел Андреевич, пора подкрепиться, уже второй час. Я чайку вскипятил, жду-жду, а Вас всё нет и нет. Давайте передохнём и чайку попьём».

— Согласен, я не заметил, как время пролетело. Такой ты шурф сделал интересный, что я обо всём на свете забыл. Мне осталось зарисовать и описание сделать. Давай перекусим.

Они уселись на поваленные ели и принялись за таёжную трапезу. И консервы, и чай казались удивительно вкусными.

Тем временем Вадим и Виктор шли по тайге, сверяясь изредка по аэрофотоснимкам. Дорога пролегала в основном по сосновому бору, слегка разбавленному мелкими елями. Заболоченных участков было мало. Через час-полтора появились сначала небольшие, потом всё более и более крупные карстовые воронки. Начала быстро изменяться растительность: сначала появились одиночные лиственницы, а потом они вошли в сплошную лиственничную тайгу. Огромные развесистые деревья напоминали сказочных животных древнего мира. По пути спугнули несколько глухарей. Одного увидели издали сидящим на крупном высоком суку лиственницы. Виктор не смог утерпеть и начал потихоньку, скрываясь за деревьями, подходить поближе к этой лиственнице. Глухарь настороженно сидел на дереве и внимательно вглядывался в ту сторону, откуда подкрадывался к нему Виктор. Подойдя на 70—75 метров, Виктор, прислонив ствол ружья к развесистой лиственнице. Затаив дыхание, он прицелился и выстрелил. Выстрел оказался точным. Глухарь, ломая ветки, свалился вниз. Довольный Виктор подбежал к месту его падения — глухарь уже не дышал. Уложив добытую дичь в рюкзак, он вернулся к Вадиму, и после короткого перекура они продолжили путь.

Подходя к границе своего листа, Вадим ещё раз сориентировался по аэроснимку, и они вышли к линии канав. Осмотрев отвалы старых горных выработок, и отметив их на аэроснимке, они подошли к небольшому ручейку и направились вниз по его течению. Не пройдя и двухсот метров, они увидели небольшое обнажение дочетвертичных отложений, которое появилось, видимо, совсем недавно, благодаря образовавшемуся здесь оползню.

Вадим отметил обнаруженное обнажение на аэроснимке и начал внимательно его осматривать. Известняки в обнажении имели желтовато-светлосерый цвет и тонкоплитчатое сложение. Они были мелкопористыми. По некоторым порам хорошо выделялись небольшие зонки раскристаллизации кальцита. Отвернув относительно большую плиту известняков, Вадим увидел на неровной поверхности этой плиты едва заметные включения органических остатков — раковин морских организмов.

-Виктор, смотри — наконец-то мне удалось найти в этих известняках признаки былой жизни. Мы считали, что здесь нижнекаменноугольные отложения, а это же явно девонская фауна, позднефранские брахиоподы. Давай-ка возьмём хорошие образцы для более точного определения в лаборатории. Хорошо, что мы сюда пришли, теперь одним вопросом станет меньше, а карта будет более точной.

Вадим принялся описывать обнажение в полевом дневнике, а Виктор взял хороший образец с многочисленными раковинами брахиопод, заполнил этикетку, сверившись с топографической картой, и упаковал образец в холщовый мешочек.

Закончив работу на этой точке, геологи двинулись дальше.

Павел в это время снова спустился в шурф и продолжил документацию шурфа. Работа продвигалась быстро. Сделав зарисовку развёртки и забоя горной выработки, он приступил к детальному описанию горных пород и отбору образцов.

Алексей упорно углублял последний из намеченных к проходке шурфов. Породы с глубиной становились всё более плотными, и приходилось наращивать усилия, чтобы преодолеть их сопротивление. Если в верхней части больше приходилось работать лопатой, то теперь в ход пошла кирка. И перерывы с выходом на поверхность тоже участились. Когда глубина достигла двух с половиной метров, Алексей нарастил лестницу, перекурил десять минут и снова принялся за работу. Хотелось быстрее закончить этот шурф, чтобы завтра по-настоящему отдохнуть, не думая о работе. Если вертолёта не будет несколько дней, то можно будет и поохотиться немного, сбегать на знакомые косачиные тока. Судя по вскрываемым породам, работу можно скоро завершать. Спустившись в забой, он минут тридцать долбил киркой плотную породу, выбросил разрыхлённую массу на поверхность, и в это время к шурфу подошёл Павел.

Просмотрев отвалы шурфа, и внимательно изучив породу из последнего выброса, он сказал: «Алексей, всё — заканчивай. Коренные породы вскрыты. Ты своё дело сделал. Да и я, кажется, тоже. Тот шурф, который я только что документировал, ответил на вопрос, из-за которого мы сюда прилетели в неурочные дни. Если химическим анализом подтвердится наше предположение, здесь развернутся серьёзные работы. А если нет, то больше делать здесь нечего. Отрицательный ответ — это тоже ответ, хотя и нежелательный в большинстве случаев. Ты отдыхай, покури, вскипяти свеженького чаю, а я просмотрю выработку».

Глубина этого шурфа была 2,7 метра, а последние 20 сантиметров были пройдены по трещиноватым базальтам. Породы были не очень плотные, заметно выветрелые, несколько осветлённые, зеленовато-серого цвета. А над коренными породами в суглинке часто встречались обломки розовых полевошпатовых пород. Подобные розовые породы ему приходилось раньше видеть на редкометальных месторождениях, расположенных к западу и северо-западу от этой площади. Изучение разреза, отбор образцов и зарисовка не заняли много времени, и примерно через час они устроились у костра и приступили к чаепитию.

Поговорили о погоде, рыбалке, охоте. Короткий осенний день был на исходе. Поскольку до лагеря было рукой подать, не торопились. Не спеша, собрали рабочий инструмент, образцы, посуду, разложили всю поклажу по рюкзакам и двинулись в путь-дорогу.

Работая, не заметили, как заметно похолодало. Поднявшись от костра, почувствовали небольшой озноб. Поэтому пошли к лагерю ускоренным темпом. Через пятнадцать минут они были около своей палатки. Дрова были подготовлены заранее, разжечь костёр для опытных полевиков не составило труда, и уже через десять минут весёлое пламя своим теплом согревало их. Вокруг как-то быстро потемнело, а костёр давал отблески далеко вокруг.

Вадим с Виктором по ходу маршрута обнаружили ещё два небольших обнажения, которые раньше они не видели. В той и другой точках тоже были обнажены верхнедевонские породы, что позволило заметно уточнить полевую геологическую карту и решить один из неразрешённых ранее и ими, и геологами партии, проводившими съёмку на смежной территории, вопросов. Оставалось ещё уточнить геологические данные по площади, расположенной несколько севернее. Но для этого надо было сменить место базирования с помощью вертолёта. На этом участке задача была решена. Можно было возвращаться в лагерь и ждать вертолёта с продуктами для смены базы отряда. А так как радиосвязи с экспедицией не было, придётся, видимо, возвращаться в Ухту, затариваться продуктами, а уже потом, глядя на погоду, возвращаться на новую базу и в кернохранилище бокситовой партии.

Они немного порыбачили, поймали десяток хариусов и направились к своей полевой стоянке, где их ждали Павел и Алексей.

В лагерь они вернулись, когда сумерки уже плотно окутали землю. Далеко от лагеря они заметили зарево от костра и пошли, ориентируясь на это зарево.

Алексей и Павел, сидя у костра время от времени на всякий случай издавали громкие голосовые звуки, чтобы облегчить своим коллегам ориентировку в сумерках на лагерь.

К приходу маршрутчиков была сварена каша с тушёнкой, вскипячён чай.

Придя в лагерь, они сразу напились чая, а потом предложили к ужину добавить ещё и жареной рыбы. Но потрошить и чистить её в темноте не хотелось, поэтому отложили это занятие на завтра и решили ложиться спать, чтобы встать пораньше, снова попытаться что-нибудь сделать с радиостанцией, чтобы связаться с экспедицией, а также кому-то порыбачить, кому-то поохотиться. Главное, что основная из намеченных производственных задач была решена.

XIII. И снова утро, и снова день ... Вадим и Павел решили сделать ещё одну попытку связаться с экспедицией. Работа первого этапа была завершена, и необходимо было срочно заказать продукты для продолжения увязочных маршрутов и просмотра керна буровых скважин. Этим же вертолётом могли улететь выполнившие свою работу Павел и Алексей.

Утро выдалось морозным. Вода в ведре и кружках замёрзла. Прихватило морозцем и моховой покров на болоте. Впервые растопили в палатке буржуйку, поставили на неё чайник и приступили к работе. Сначала разобрали радиостанцию, составив её схему. Проверили все контакты — всё было, на их взгляд, в порядке. Вновь собрали станцию, сверяясь со схемой, — ни приёмник, ни передатчик не работали, никаких радиосигналов не появилось.

Павел приступил к приготовлению завтрака. Он почистил рыбу, присолил её и уложил на сковороду. Через пару минут по палатке распространился приятный запах, на который сразу среагировал Виктор и вылез из спальника: «А, может быть, глухаря сварить для сытности?».

-Нет, — сказал Вадим, укладывая радиостанцию в ящик. — Глухаря приготовим на обед, а сейчас рыбкой перекусим. Жаль, сухарей остаётся маловато. Но будем надеяться, что наша экспедиционная безопасность наконец-то хватится пропавших со связи и направит к нам вертолёт. Тем более что сейчас наверняка кто-нибудь на рыбалку из начальства улетел или полетит, а прямо над нами «рыбная» трасса проходит: будь то Пижма или Цильма, да хотя бы и верховья Мезени — всё через нас. Будем ждать, другого не остаётся.

Виктор решил после завтрака сходить на охоту, благо места хорошо знакомые. Вадим с Павлом захотели порыбачить на Ворыкве. Алексею поручили дежурство по лагерю: собрать все вещи компактно на случай возможного прилёта вертолёта и приготовить обед.

После завтрака все отправились по намеченным участкам.

Проходя по болоту, Павел обратил внимание на клюкву на кочках. Он набрал горсть ягод и отправил их в рот. Ягоды, прихваченные морозцем, оказались довольно сладкими. К нему присоединился Вадим. Они пожевали ягод, и пошли дальше. Под ногами похрустывал схвативший моховой покров ледок.

Вскоре они вышли к берегу Ворыквы и начали просматривать русло. В этом месте оно было мелководным, заросшим травой. Спустились вниз по течению, и подошли к небольшой яме, в которую с переката звонко сливалась речная вода. Это было хорошее место для отстоя рыбы, скатывающейся осенью в более глубокие ямы. Решили проверить яму на присутствие рыбы. Вадим бросил в перекат кусочек сухаря. Когда этот кусочек преодолел перекат и оказался в яме, его сразу же схватил хариус.

— Давай-ка здесь попробуем, — сказал Вадим, и они потихоньку, не подходя к яме, вышли к крутому обрыву и начали разрывать молотком почвенный слой в поисках червей.

Вскоре несколько червей было добыто и уложено вместе с почвой в консервную банку. Не торопясь, они снарядили снасть, насадили наживку из червей и с двух сторон забросили свои снасти в верхнюю часть ямы. Долго ждать не пришлось — уже через минуту-другую в брезентовом мешке оказалось пара довольно крупных хариусов. Всего в яме оказалось несколько рыбин и на их отлавливание потребовалось около полутора часов.

Аккуратно переложив пойманную рыбу травой и сложив её в рюкзак, Вадим и Павел пошли вниз по реке в поисках очередного места «стоянки» рыбы. Едва успев присмотреть новую яму, они вдруг услышали еле различимый рокот двигателя вертолёта. Не сговариваясь, они быстрым шагом, временами переходящим в полубег, по азимуту двинулись к своей стоянке. Пройдя около километра, они остановились и прислушались. Казалось, что звук вертолёта исчез, но вот он появился вновь с юго-восточного направления. На этот раз звук стал значительно слышнее. Геологи ускорили темп ходьбы — до лагеря оставалось не более полутора километров.

— Если вертолёт за нами прилетел, то Алексей сможет обозначить стоянку ракетницей и задержит его до нашего возвращения, — сказал Вадим. — Только вот успеет ли вернуться Виктор, он мог уйти далеко.

— Не волнуйся, вы же с ним остаётесь, а я передам заявку на продукты. Да ты, кажется, оставлял заявку у снабженцев? Может быть, с вами оставить и Алексея?

— Нет, мы сами справимся, он нам ни к чему, пусть возвращается с тобой.

Когда они были буквально в 100 метрах от стоянки, над ними на небольшой высоте пролетел МИ-4 и скрылся из вида. Судя по звуку двигателя, он быстро удалялся. Густой дым над стоянкой, организованный Алексеем, остался то ли незамеченным, то ли не заслужившим внимания вер-

толётчиков. Около палатки стоял Алексей и продолжал размахивать длинным шестом с белой тряпкой. Видимо, от отчаяния.

— А ракету почему не выпустил? — спросил Вадим.

— Да я как-то не сообразил. Услышав вертолёт, сразу начал раздувать костёр, наломал лапника для обильного дыма.

— Ну ладно. Может быть, он к буровикам в верховья Светлой полетел, а на обратном пути залетит к нам. Подождём.

Виктор после завтрака направился в верховья Мезени. Там в долинах многочисленных ручьёв косачи слетаются по утрам на тока, а позже поблизости от токов собирают камешки по полузаросшим тракторным дорогам и отвалам старых горных выработок. В тех же местах водятся и глухари. Он рассудил, что даже если вертолёт сегодня прилетит, то они с Вадимом останутся. Павел передаст в экспедицию уточнённую заявку. А дня через 2—3 вертолёт привезёт сухари, сахар и чай. Крупы на неделю им двоим хватит, мясо они сами смогут добыть без особых трудностей, так как боеприпасов вполне достаточно запасли. Да и есть ещё время рыбку половить. Так что голодать не придётся. Рассудив, таким образом, он не собирался торопиться и возвращаться, даже заслышав двигатели машины.

Он медленно шёл по тайге, напевая привязавшуюся песенку из мультика. Сразу за небольшим подъёмом он вышел на едва просматривавшуюся тракторную дорогу, пробитую более десяти лет назад от посёлка геологов «Бобровая» на Мезенский и Верхне-Мезенский участки поисково-разведочных работ. На дороге могли пополнять свои запасы «жерновов» для переваривания пищи и глухари, и косачи. Поэтому дальше он пошёл по этой дороге. На некоторых участках дорога была совсем не заросшей травой и кустарником, идти по ней было легко, и просматривалась она далеко вперёд.

Вот что-то зашевелилось впереди, послышался шум и прямо по дороге взлетел крупный глухарь. Отлетев метров на двадцать, глухарь уселся на верхушку высокой ели и насторожился. Его было очень хорошо видно — он сидел, свесив голову в сторону испугавшего его звука, и не шевелился. Глухариная ель стояла на открытом со всех сторон месте, подойти незамеченным к ней было очень трудно, вернее, практически невозможно, а для выстрела расстояние было слишком большим.

Виктор медленно, наклонив голову, стал отходить назад. Казалось, что глухарь внимательно следит за каждым его движением. Когда Виктор передвигался от глухаря, тот только контролировал это движение, не проявляя тревоги и оставаясь на вершине ели. Зайдя в залесённый участок, Виктор начал медленно и осторожно продвигаться к глухарю. Когда он присмотрел удобную ель для маскировки за ней и прицеливания, под ногу неожиданно попалась сухая ветка. Раздался резкий треск, глухарь сорвался с места и улетел.

Виктор снова вышел на дорогу и пошёл дальше.

В это время ему послышался звук летящего вертолёта. Он остановился, прислушался. Звук становился всё явственнее, он приближался и нарастал. Хотел развернуться и быстро двинуться к лагерю. Потом неспешно закурил и задумался. Во-первых, вертолёт не обязательно прилетел к ним. Во-вторых, если он прилетел и к ним, то для возвращения ему понадобится не менее часа — значит, он всё равно не успеет. Ну, а в — третьих, они с Вадимом должны оставаться. А дичь нужна в любом случае. Значит, разумнее всего — это продолжать свой поход по намеченному маршруту. И он пошёл дальше.

В лагере неподалёку от палатки жарко горел костёр. Рядом с костром лежала заготовленная охапка лапника для «дымовой завесы». Около костра сидел и держал наготове ракетницу Вадим. Алексей с Павлом были заняты приготовлением на обед глухаря. Около посадочной площадки на краю болота были сложены спальники, рюкзаки и ящик с пробами и образцами из шурфов и обнажений, изученных за эти дни.

— Что-то Вадима не слышно, видимо, далеко забрёл наш охотник, — сказал Алексей, подкладывая сухие сучья в костёр.

— Да он если и услышит вертолёт, не поспешит возвращаться. Ведь мы договорились с ним остаться еще на недельку. Только бы нам сухарей, сахару и чаю привезли. Я, между прочим, просил снабженцев прислать всё это попутным вертолётом или тем, который должен прилететь в любом случае через 4—5 дней после нашего вылета из Ухты. Технику безопасности у нас вроде бы чтут...

— Да, во всяком случае, должны чтить. Хотя могут рассудить и так, что в тайге осенью геологи не пропадут. Хотя сейчас особо большой работы для вертолётов нет, так что наши шансы улететь отсюда в ближайшее время высоки, — вступил в разговор Павел. — Важно побыстрее сдать пробы на анализ. Чем быстрее получим результаты, тем больше времени будет на подготовку проекта возможных будущих работ и оборудования для их проведения.

В это время снова послышался звук работающего двигателя, который быстро приближался к лагерю. Алексей стоял с охапкой лапника около костра, Вадим держал в руке заряженную ракетницу, Павел сидел молча у костра.

Вот вдалеке появился зелёный вертолёт. Он летел на небольшой высоте, и траектория его пути следования проходила немного в стороне от лагеря, южнее. Звук двигателя становился всё громче, а машина постепенно набирала высоту. Летел вертолёт не с буровой, а, видимо, со стороны одного из известных мест сёмужьей рыбалки, расположенной в верхнем течении Мезени. Иногда высокие гости экспедиции посещали эти места для пополнения положительными эмоциями, свежим хвойным воздухом и сёмгой...

Надежда геологов после анализа трассы вертолёта стала гаснуть. Если предположения справедливы, то ни о какой посадке борта не может быть

и речи. И обидно: ведь летят мимо, даже никакого «крюка» делать не надо — присели, выяснили обстановку, попутно двоих с малым грузом забрали — и все дела! Но не тут-то было.

На всякий случай Алексей снарядил хорошую порцию лапника в костёр, подняв столб густого дыма до самых небес! А Вадим трижды разрядил ракетницу, вписав в безоблачное небо разноцветный букет разрывов.

Всё было напрасно. Вертолёт, не сбавляя скорости и не изменяя курса, проследовал в сторону града Ухты с важными персонами на борту.

Ну, что ж, не всегда производственные задачи стоят на первом плане. Иногда важнее угодить руководящим Лицам...

Геологам оставалось приступить к вкусному обеду и ожиданию более благоприятного момента для эвакуации после выполнения важного задания. Видимо, о важности и срочности задания в конце сезона наши руководители подзабыли. Шустрый говорил, что в случае чего можно обращаться прямо к нему. А как отсюда обратиться? Ну да ладно. Будем снова ждать.

Виктору удалось подбить одного молодого глухаря. Он, не торопясь, ощипал его, завернул в газету и уложил в рюкзак. Вскипятив чай во фляжке, он устроился на поваленном стволе лиственницы. В это время он и услышал снова звук вертолёта, который пролетал прямо над ним. Вертолёт летел так низко, что он, казалось, сможет разглядеть лицо командира. Виктор хорошо был знаком со всеми вертолётчиками, часто с ними общался и во время многочисленных перелётов, и в городе. Но это только казалось, ничего увидеть он не смог, да и сам вертолёт только мелькнул между деревьями и скрылся из вида. Прислушавшись, он понял, что на стоянке геологов вертолёт не приземлялся.

Испив чаю, он продолжил свой путь. Спешить было некуда и незачем.

В лагерь Виктор вернулся уже в сумерках. Он подстрелил ещё двух косачей и рябчика. Все они были уже разделаны и готовы к приготовлению. Геологи поужинали дичью и рыбой, обсудили сложившуюся обстановку. Получалось, что невыход их на радиосвязь в течение четырёх дней никого в экспедиции не взволновал. Складывалось впечатление, что о них просто забыли. И хотя кроме ожидания у них ничего не оставалось, надо было искать какой-то выход.

— Я думаю, — сказал Павел, — что нам надо разделиться на две группы и одной паре остаться здесь — ждать вертолёт, а другой — выходить в верховья Светлой. Если вертолёт прилетит, оставшиеся полетят, к примеру, по нашему маршруту и заберут нас. А мы будем всё время находиться в непосредственной близости от возможного места посадки вертолёта.

— Нет, ответил Вадим, — надо всем оставаться и ждать вертолёта. Еще два-три дня и он непременно прилетит.

— А если не прилетит? Ведь мы останемся полностью без сухарей, сахара и чая. И отойти далеко на охоту или рыбалку не сможем из-за ожида-

ния вертолёта в любое время. Да потом и река скоро замёрзнет, — вступил в разговор Виктор.

Мнение Алексея никто не спрашивал.

После непродолжительного обсуждения создавшейся ситуации решили ждать вертолёт ещё 2—3 дня, после чего принимать окончательное решение и самим активно включиться в решение своей судьбы.

Без особой тревоги полевики окунулись в крепкий сон на свежем таёжном воздухе.

XIV. Белые мухи. Ночью сильно похолодало и выпал первый снег. Обычно в это время он уже был привычен для этих мест, но этот сезон выдался особый, более тёплый, чем всегда. Глубина снежного покрова достигла 10—15 сантиметров. По тайге ходить было более-менее нормально, под ногами была твёрдая почва. А вот через болото передвигаться стало заметно труднее. Ноги в резиновых сапогах, продавив снежный покров с замёрзшим моховым слоем, оказывались в топком месиве, в свободном «полёте», тогда как непосредственно над ступнёй или несколько выше нога была «схвачена» плотным замёрзшим мохово-ледовым «ожерельем».

Создалась небольшая проблема с питьевой водой. Из приготовленного на болоте «колодца» взять её оказалось невозможно. Поэтому решили всю посуду затарить речной водой и экономно её расходовать. Всем составом отправились на реку, принесли ведро, две кастрюли и чайник воды, а после завтрака разошлись парами на добычу рыбы и дичи. При этом не забывали о возможном прилёте вертолёта и отлучались парами поочерёдно: одна пара — подальше, вторая — поближе к стоянке. Для экономного режима расхода воды приходилось поход на реку делать дважды за день.

Не переставая, шёл снег, заметно наращивая толщину своего покрова на открытых местах: болотах, берегах реки, полянах в тайге. По-прежнему бесснежными оставались участки тверди под крупными елями. Иногда под огромными лапами елей можно было расположиться всем отрядом сразу. Несмотря на непрерывный снегопад, видимость оставалась хорошей, и погода была лётной.

Ночами крепчали морозы, но ватные спальные мешки надёжно укрывали тела, а утром и вечером в палатке топилась железная печь-экономка.

В таких условиях прошло трое суток. Никаких попыток связаться с отрядом экспедиция не предпринимала. Во всяком случае, ни один борт в поисках отряда поисковиками замечен не был. Объяснить это с каких-либо позиций было невозможно. Святое правило техники безопасности обязывало в случае отсутствия радиосвязи с отрядом высылать на выяснение обстоятельств вертолёт. А в этом случае недоумение вызывало то, что отряд снаряжался для выполнения срочной важной задачи, и отсутствие связи с ним тем более должно было вызвать тревогу заместителя главного инженера экспедиции по технике безопасности Глухова и самого главного ин-

женера. Да ведь, кажется, и главный геолог должен был с нетерпением ждать результатов этих работ. Так казалось геологам. Но не так было на самом деле. Вертолёта не было, не было больше недели...

Поздним вечером, после непродолжительного анализа сложившегося положения решили всё-таки разделиться на пары и одной паре идти на буровую, находившуюся примерно в 40 километрах от стоянки. Вадим категорически отказался идти и оставался дежурить на стоянке с Алексеем. В путь-дорогу решили отправиться Павел с Виктором. Это решение было логичным: один из уходивших был охотником, второй — привыкшим к длительным и дальним переходам.

XV. Пора в путь-дорогу...Поднялись с рассветом. Позавтракали, разделили оставшиеся сухари: по три на человека; уходящим было выделено две чайные ложки заварки и четыре кусочка сахара. Столько же осталось у «сидельцев».

Ещё раз на карте уточнили маршрут и возможные места посадки вертолёта, к которым «скитальцам» следовало быть поближе в светлое время дня.

Попрощались, и «мобильная» пара отправилась в путь-дорогу.

Первые километры давались с трудом. Почти всюду снежный покров достигал уже 20—25 сантиметров, и ходьба в резиновых сапогах оказалась весьма затруднительной. Поэтому скорость передвижения оставляла желать большего.

Сначала шли по азимуту, выверив курс на левобережный приток реки Мезени. Через этот ручей пролегала старая тракторная дорога, выходящая прямо в старый заброшенный посёлок геологоразведчиков, который называли Бобровой. К обеденному времени сделали первый привал под развесистой елью. На незанесённых снегом участках под крупными елями собрали немного ягод брусники и брусничных листочков для заварки — оставшуюся настоящую заварку решили пока сэкономить на утренний чай. Разложили небольшой костерок, чтобы не поджечь саму ель. Перекусили варёным глухарём и съели по одному сухарю. Для чая растопили во фляжке свежевыпавший снег и заварили брусничным листом и ягодами. Мясо и горячий чай придали новые силы. Ноги от ходьбы по заснеженной местности, особенно на заболоченных участках, перед привалом начинали немного подрагивать и болеть. После перекура и отдыха стало заметно легче. А путь предстоял ещё далёкий.

После привала снова пошли по азимуту. В этих условиях до заветного мезенского притока оставалось два- два с половиной часа хода.

Когда начинало смеркаться, вышли к ручью почти у самого его устья. Тракторная дорога проходила примерно в 500—600 метрах выше устья. По долине ручья идти было ещё труднее: мало того, что поверхность террасы была неровной, так она ещё и заснежена была сильнее,

чем на всём пройденном уже пути. Поскальзываясь и проваливаясь в спрятанные снегом ямки, наконец, увидели просвет дороги. Само полотно дороги оказалось заросшим поникшей травой и мелким кустарником, но идти по нему было гораздо легче. Однако быстрое наступление темноты не позволяло продолжать путь. Дорога сильно петляла, заросли кустарника на значительном протяжении дороги сбивали с пути, и идти можно было только очень медленно, поэтому решили заночевать в тайге, под елями.

Найдя пару крупных развесистых деревьев, нарезали ножами лапника. Самые нижние ветки крупной ели срезали и развели небольшой костёр. Сухостоя для костра поблизости было много. Снова вскипятили чай, пожевали варёной глухарятины. Павел вспомнил и рассказал Виктору о своей работе на этом участке около десяти лет назад, когда здесь проводились поисково-разведочные работы на редкие металлы. Да и остановились они на ночёвку прямо рядом с местом его прежней палатки. Здесь тогда проводились серьёзные горные работы с применением взрывчатки, в долине ручья располагался склад взрывчатых веществ. В отряде были не только геологи, но и геофизики. Еду для всего отряда готовила специально нанятая повариха. Жизнь била ключом...

Обсудили непонятную ситуацию со связью и отсутствие вестей из экспедиции. За весь этот день никакого вертолёта не было слышно.

— Может быть, что-то случилось в экспедиции? — спросил Виктор.

— Что бы ни случилось, а при отсутствии связи более суток отдел техники безопасности должен был доложить если не начальнику экспедиции, то уж главному инженеру-то обязательно, — ответил Павел. — Впрочем, осталось недолго ждать. Завтра, на худой конец послезавтра выйдем на связь на буровой и узнаем, в чём дело.

Нагоревшие угли распределили по площади под елью, чтобы немного прогреть землю. Пока перекуривали, угли почти полностью потухли. Выждав ещё некоторое время, они настелили лапник на потухшие, но ещё тёплые угли и улеглись спать. Снег почти прекратился, а мороз усиливался.

Вадим встал пораньше и отправился на Ворыкву за рыбой. Рыбалка была его самым любимым занятием, не считая геологической работы. Он мог часами стоять с удочкой, часто переходя с места на место в поисках «клёвого» участка реки. Наиболее интересным в смысле клёва он считал участок перехода перекатов в большие ямы. В начале осени и летом удачнее ловля оказывалась на перекатах, а в конце осени рыба скатывалась в глубокие ямы, которые за зиму не промерзали насквозь, и в них было побольше кислорода.

Перед уходом он наказал Алексею держать готовым к сигнализации костёр и приготовить обед к его возвращению, часикам эдак к двум дня, если не будет вертолёта. Ну, уж если прилетит, то задержать вертолёт до его возвращения. Он сказал, что далеко от лагеря уходить не будет.

Сначала на болоте, в нижней части высоких кочек пособирал клюкву. Набрал две-три горсти и навитаминился перед дальней дорогой. Потом взял азимут на реку и пошёл, медленно оглядывая окружающую местность. Летом на этом участке он был мимоходом, его участками были более отдалённые места. Поэтому теперь следовало внимательнее осмотреться — может быть, что-то интересное попадётся, что можно будет использовать при написании отчёта и подготовке листа геологической карты к изданию. По крайней мере, геоморфология местности была интересной, а выпавший снег пока не очень мешал вести геоморфологические наблюдения.

Вадим старался держаться поближе к лагерю, но после двух часов дня всё-таки спустился ниже по реке, прикинув, что для прилёта вертолёта время было уже позднее, и он, скорее всего, сегодня уже не будет. Долина реки на большом протяжении была свободной от леса, и только на небольших участках путь преграждали заросли можжевельника. Ягод было совсем немного. Он вспомнил прочитанный недавно рецепт приготовления джина и хотел, было, набрать ягод, но тут же передумал: точного состава этого напитка он не знал, да, честно говоря, и не очень хотел знать. Из спиртных напитков он предпочитал проверенную годами российскую водку.

В этих местах русло реки стало заметно шире, появились крупные плёсы и перекаты стали менее протяжёнными. А ямы были более глубокими и занимали большую площадь. В некоторых местах можно было и блесну побросать. Но блесны он с собой не взял. Поздней осенью лучше всего хариус клюёт на червя — универсальную наживку. Червями Вадим запасся ещё вчера, когда ходил по верховьям реки.

Конечно, ранней осенью лов бывает намного успешнее. Но заготавливать рыбу и засаливать её он не собирался, поэтому пойманными 15 хариусами был вполне доволен. Дело в том, что печёную или жареную рыбу можно и без хлеба-сухарей есть, и этой рыбы на двоих хватит на 3—4 дня. Но уж за это время вертолёт должен быть непременно — в этом Вадим не сомневался.

На возвращение в лагерь требовалось не более двух часов даже с учётом снежной погоды. Ещё до наступления сумерек он пошёл к лагерю по азимуту, сориентировавшись по аэрофотоснимкам, которые он всегда носил в своей полевой сумке.

В лагере его ждал сытный горячий обед, он же ужин, и чай с клюквой и кусочком сахара из оставшегося НЗ. К самой клюкве Алексей добавил брусничных листьев, собранных на том участке, где он делал свои шурфы. В его обязанности входила ликвидация шурфов, чем он в предыдущие дни и занимался. Тогда же он заметил на не заснеженных участках под елями кустики брусники, а сегодня сходил туда и набрал их для заварки чая. Чай получился душистым и вкусным, а оставшуюся настоящую заварку они решили оставить на завтрашний день. Почему-то верилось, что именно завтра вертолёт обязательно будет.

XVI. Называется — дождались... Утро выдалось солнечным и морозным. Павел и Виктор проснулись затемно и дружно принялись за разведение костра. Что называется, дров для него было полно, почти на каждой ели нижние ветки с северной стороны представляли собой сушняк. Вскоре затрещала кора берёзы, и от неё огонь весело перекинулся на сухие ветки. Сама заготовка дров согрела геологов, а вспыхнувший костёр добавил так необходимого тепла.

Ещё через полчаса, когда заметно посветлело, они приступили к завтраку, после которого влезли в свои рюкзаки и быстро тронулись в путь-дорогу. По сравнению со вчерашним походом идти стало заметно легче, а потому и скорость передвижения выросла. Как ни плоха старая тракторная дорога, но идти по ней было веселее. За ночь снега не прибавилось, но мороз покрепчал. Вчерашний снег несколько уплотнился и был прихвачен морозцем, отчего под ногами чаще была твердь. Ноги теперь не проваливались, как было в первый день.

За разговорами незаметно вышли в верховья реки Бобровой. В речной долине было много ровных площадок, вполне пригодных для посадки вертолёта. Это позволило немного уменьшить скорость хода. Здесь уже не надо будет куда-то бежать в поисках посадочной площадки. Отдыхать и обедать решили на старом аэродроме, расположенном на левом высоком берегу реки. Когда-то в прежние годы на этом аэродроме кипела жизнь: постоянно работала метеостанция, летали сначала большие самолёты ИЛ-14, потом бипланы АН-2, а в последние годы — вертолёты. Там были в те годы две бревенчатые избы.

На аэродром поднялись около часу дня. Обе избы сохранились, но частичны с них была сорвана крыша: то ли ветер поработал, то ли охотники позабавились.

Старые ящики с керном буровых скважин были сожжены — кто-то в тайге сухих дров не смог найти (!), а сам керн свален в кучу около избы-метеостанции.

Наломав сучьев, развели большой костёр, вскипятили настоящий чай с настоящей, хотя и последней, заваркой. Половина пути была пройдена, до буровой можно дойти при быстром ходе уже сегодня ночью.

Когда приступили к чаепитию, услышали слабый звук двигателя. Прислушались — звук уверенно нарастал. Сомнений в том, что летит вертолёт, не было. Побежали за хвоёй для хорошего дыма, около избы нашли кусок рваной толи — это ещё лучше для дыма. Погода была безветренной, дым поднимался вертикально вверх. Через некоторое время звук двигателя замолк.

Геологи решили, что вертолёт прилетел за ними и сейчас приземлился на их стоянке, на болоте. Настроение поднялось, и появилась надежда, что поход их закончился, и они через 20—30 минут будут приняты на борт.

Вскоре двигатель вертолёта снова заработал и звук начал приближаться. Так как аэродром расположен на возвышенном месте, местность хоро-

шо просматривается далеко по сторонам. Вот вдали появилась движущаяся точка. Но что это? Вертолёт делает крутой разворот и берёт курс на Ухту.

— А мы? — произнёс Виктор, глядя с тоской на улетающий борт, который быстро скрылся из вида.

— Значит, это не за нами был борт, а за какими-то рыбаками,- ответил Павел. — Насколько мне известно, сейчас кроме нас и буровой здесь никого больше нет. К буровикам они не полетели, иначе мы бы это видели. И к нам они не прилетели. Если бы они садились к Вадиму, то залетели бы за нами. Значит, они и к Вадиму не садились. А потому нам надо быстрее идти на буровую и связываться с базой. Мы-то уже завтра будем на буровой, нас накормят-напоят, мы сможем воспользоваться радиостанцией. А Вадим с Алексеем остаются без продуктов, их надо вызволять отсюда. И кроме нас этого никто сделать не сможет. Видимо, про нас совсем забыли. Значит, в путь!

— Да уж, ничего не поделаешь, придётся топать и топать. А я уж совсем почувствовал себя дома.

Собрав нехитрые пожитки, они тронулись вниз по реке Бобровой. Предстояло пройти почти до самого её устья. Там на крутой излучине надо взять азимут на Светлую, на притоке которой и находится буровая. Прикинув необходимое для перехода время, пришли к выводу, что засветло дойти не успевают. Если бы буровая стояла на самой реке, можно было бы идти и в темноте, а через тайгу ночью не пойдёшь: и времени не выгадаешь, и ноги наломаешь.

Пройдя около 10 километров, сделали привал около временного керносклада. Здесь, на ровной площадке надпойменной террасы были аккуратно сложены ящики с керном скважин, пробуренных весной и летом. Перекусили, просмотрели керн. Это были каменноугольные карбонатные породы: известняки, мергели и доломиты. Особо интересного ничего не было, да и смотреть основательно было некогда.

Двинулись дальше. Из-за облаков выглянуло солнышко, стало сразу светлее и теплее. Долина Бобровой расширилась. Вот в этом месте к долине примыкает древняя долина, без леса и даже без кустарника. Она имеет прямолинейную форму, вытянута на северо-восток и простирается прямо до самой реки Светлой. Ещё раз сверились с топографической картой.

— Так, значит, нам надо пройти по этой долине ещё два километра, а потом взять курс на восток, и мы выйдем на этот безымянный ручей, впадающий в Светлую. Где-то на нём и стоит буровая, сказал Павел.

— Послушай, — ответил Виктор. — Кажется, появился какой-то звук?

Они замолкли и прислушались. В самом деле, до них доносился звук работающей буровой. Звук был очень слабым, еле различимым, но спутать его с каким-либо другим звуком было невозможно.

— Вот и наша конечная цель, — сказал Виктор, широко улыбаясь, — по крайней мере, мы уже слышим цель своего похода. Осталась её увидеть.

— И желательно — пощупать руками, — продолжил Павел.

Идти на звук даже по азимуту было преждевременно: он был недостаточно ясным, и место расположения буровой точно определить было пока невозможно. Поэтому они продолжили намеченный маршрут по сухой долинке. Пройдя ещё около полутора километров, они подошли к узкой низинке, которая была ориентирована почти под прямым углом к направлению их движения. Здесь звук внезапно стал очень хорошо различимым и, что самое главное, он распространялся именно по этой долинке. А направлена она была почти строго на восток — как раз в том направлении, куда они с самого начала намечали продвигаться. К этому времени сумерки превратились в настоящую тёмную ночь. Идти дальше через тайгу не имело смысла.

Остановились на ночлег. Снова выбрали для этого крупную ель с развесистыми ветвями, свисающими почти до самой земли. Как и в первую ночь, обломали нижние ветки и уложили их под елью. В предвкушении встречи с буровиками и сытной еды Павел с Виктором развели небольшой костёр, достали из рюкзаков оставшиеся сухари, заварку и сахар. Когда вскипел чай, приступили к последней, как надеялись, ночной трапезе. Ужинали под довольно ясный звук работающего двигателя буровой установки.

Вадим с утра снова занялся разбором радиостанции. Опять проверил все соединения и аккумулятор. Сигнальная лампочка работала нормально, значит, аккумулятор не был разряжен. Но звука ни на приёме, ни на передаче не было. Сидеть без радиосвязи приходилось и раньше, но тогда была ясна причина её отсутствия. В чём причина нынешнего «бессвязья», было совершенно непонятно.

После завтрака они с Алексеем отправились за сухими дровами. Одновременно пополнили запас свежих еловых ветвей для дымного костра. Почему-то Вадиму казалось, что сегодня вертолёт прилетит.

Вернувшись к лагерю, они накрыли сухие ветки брезентом и снова развели большой костёр. Наказав Алексею не отлучаться от костра, поддерживать его в «рабочем состоянии», Вадим ушёл на речку, чтобы скоротать время и пополнить на всякий случай рыбные запасы. Даже если вертолёт сегодня будет, она не помешает — можно угостить авиаторов, да и домой неплохо взять. Время, необходимое, чтобы дойти до реки, теперь уже было строго выверено и составляло при быстрой ходьбе по снегу около получаса.

Около берега речная вода подмёрзла, особенно у перекатов, в местах расширения русла и резкого падения скорости течения. Видимо, за ночь в ближайшей яме собралась хорошая стайка хариусов, так как за полчаса Вадим сумел поймать десяток хороших рыбин. Все они были примерно одного размера — около тридцати сантиметров в длину. Улов можно считать удачным. Чтобы больше не рисковать, он сложил свою снасть и пошёл в лагерь.

Уже на подходе к лагерю Вадим услышал приближающийся характерный вертолётный звук. Он прибавил шагу. Особенно торопиться не было

необходимости, так как к «эвакуации» всё было готово, за исключением палатки. Но свернуть её было минутным делом. Когда он вышел на болото, он увидел приближающийся борт. На болоте пылал костёр, дым от которого поднимался столбом высоко в небо. Алексей стоял около костра и держал наготове ракетницу.

— Стреляй! — крикнул Вадим, и Алексей выстрелил. Красная ракета раскрылась на высоте около двадцати метров. Не дожидаясь, пока она погаснет, он выстрелил ещё раз.

Вертолёт немного изменил курс и направился прямо на лагерь.

— Значит, этот за нами, — произнёс Вадим. — Алексей, сворачивай палатку, я сейчас к тебе бегу.

Они быстро свернули палатку.

Тем временем вертолёт сделал круг над лагерем и начал снижаться. Он сначала завис над болотом. Из открывшейся двери вскочил техник с шестом и начал проверять топкость болота. Для вертолёта плотность почвы оказалась, по его мнению, недостаточной, поэтому он показал условный знак экипажу и крикнул геологам: «Выключаться не будем, быстро грузите свои манатки».

Вещей оказалось совсем немного, погрузились буквально за пять минут, и вертолёт, натужно зашумев двигателем, взлетел.

Вадим поднялся в кабину, чтобы показать командиру место посадки для подбора ушедших на буровую геологов. Он достал из полевой сумки карту, но командир не стал её смотреть: «Мы торопимся, — сказал он.— Никуда залетать не сможем. На ещё надо забрать группу с Кедвы».

— Но у нас двое ушли в поисках радиосвязи, и будут ждать на подготовленной площадке. Это часть нашей группы, их надо обязательно забрать, у них же нет продуктов,- начал взволнованно говорить Вадим. — На Кедве наших геологов нет...

Но командир не захотел его слушать: «У нас есть задание, и мы его обязаны выполнять. О подлёте на другую точку нам не говорилось в Ухте. Вот на Кедву задание было. Если надо, за вашими завтра слетаем. Если заявка будет».

Всякие попытки Вадима объяснить ситуацию ни к чему не привели. Вертолёт, сделав широкий круг над тайгой, взял курс на Кедву.

На Кедве вертолёт совершил посадку на не очень хорошую площадку в долине реки. Двигатель выключили. К вертолёту подбежали трое незнакомых людей, поздоровались за руку с командиром, вышедшим из машины, и начали о чём-то говорить. Оказалось, что это вертолётчики Ухтинского отряда, они здесь ловили рыбу. Четвёртый их товарищ ещё не вернулся, они ждали его с минуты на минуту. Весь экипаж собрался у костра. Для каждого из них был подготовлен «подарок» — свёртки с хариусом. Они забрали рыбу и уселись вокруг костра, чтобы попить чаю.

Вскоре вернулся неугомонный четвёртый рыбак. Оказывается, он ходил за сетями, спрятанными в тайге.

Испив чаю, экипаж занял места в вертолёте. Рыбаки погрузили свой нелёгкий груз. Заработали двигатели — вертолёт натужно заревел, оторвался от земли и взял курс на Ухту.

Через сорок минут они приземлились в аэропорту. До оставшихся в тайге вертолётчикам не было никакого дела. Своей цели они достигли — свежая рыба была добыта, а коллеги вывезены с места приятного отдыха.

XVII. Завершение похода. Ночь под ёлкой тянулась бесконечно долго. Шум работающего двигателя то затихал, то становился громче, но заметно явственнее, чем с вечера.

Едва начало рассветать, Виктор разжёг костёр и вскипятил во фляжке чай. После чая стало теплее. Павел взял азимут на буровую, и они тронулись в путь. Судя по доносившемуся звуку, буровая была не далее, чем в 2—3 километрах от них. Настроение было приподнятое, а потому и силы прибавились, и скорость продвижения к конечному пункту возросла, несмотря на снежный покров, местами достигавший толщины 30 сантиметров. Но на большей части пути толщина снежного покрова не превышала 10—15 сантиметров.

По мере их продвижения двигатель гремел всё громче и громче, подтверждая правильность выбранного направления. А вот и тракторная колея появилась, по которой перевозили буровую. По колее идти было труднее, и они пошли дальше по обочине дороги.

Ровно через час геологи подошли к работающей буровой установке. На смене вместе с рабочими был и старший буровой мастер. Он в течение нескольких лет работал на бурении картировочных скважин в партии Павла. Звали его Егором Васильевичем Лесным. Был он родом с Западной Украины, со Львовщины. Когда-то он начинал работать вахтовым методом на нефтяных месторождениях республики, а потом ему понравилось жить и работать в здешних краях, да и надоел этот вахтовый метод. Постоянные перелёты, нестыковки из-за погоды были ему не по душе, и он решил начать оседлый образ жизни. По сравнению с другими буровиками Егор Васильевич был, можно сказать, трезвенником. Спиртное он употреблял в меру, запоями не страдал и поэтому в бригаде был порядок: не было срывов смен по причине бригадных пьянок. Повариха вовремя и вкусно кормила рабочих. Бурение опытный мастер организовывал грамотно, и аварий практически не было. Буровая бригада Лесного числилась в передовых.

Оба обрадовались встрече. Они уже больше полугода не виделись, так как буровую передали в другую партию, и их пути-дороги разошлись.

— Павел Андреевич, какими заботами к нам? — спросил Егор Васильевич, выходя навстречу прибывшим и забирая у Векшина рюкзак.

— Да вот шли мимо, решили зайти на огонёк. А если серьёзно, работали на Ворыкве, а вертолёт в назначенный срок не прилетел. Пришлось топать к вам. Что там из экспедиции слышно? Ничего такого не случилось? Почему-то они про нас забыли. А у нас продукты закончились. Нас по радио не искали?

— Да нет, не слыхал. А в экспедиции ничего не произошло, всё в порядке. В первую очередь давайте-ка идите завтракать, мы только что откушали.

— Спасибо, с удовольствием. Уже несколько дней нормально не питались. Я уж не говорю, что сладкого нормально чая тоже не пили, обходились брусничным листом и клюквой.

— Тем более, пошли, пока еда не остыла.

Жилые балки располагались в аккуратной долинке высохшего ручья.

В пищевом балке было чисто и уютно. Повариха Надежда Викторовна любила порядок. На столах были постелены чистые аккуратные скатерти из полотна. Путешественникам выдали по миске гречневой каши с мясом и большой кружке душистого сладкого чая.

Дневная дежурная радиосвязь с экспедицией по графику проводилась в 12 часов дня. Ждать этого времени оставалось около двух часов. Чтобы не сидеть без дела, решили посмотреть керн бурившейся скважины. Он был уложен в ящики, сложенные стопками поблизости от работающей буровой. Выбрали самые последние проходки, разложили ящики в порядке глубины скважины и приступили к осмотру. Скважина вошла в нижнекаменноугольные породы, представленные чередованием известняков, мергелей и известковистых глин. Павла заинтересовали глины, которые имели бурую пятнистую окраску: на преобладающем буром фоне выделялись неправильной формы жёлто-серые пятна. Местами они напоминали бокситовые породы более южных территорий, где уже были известны низкокачественные бокситы. Глины были очень пластичными, и до бокситов им было далеко. Но ниже по разрезу могли появиться и более интересные породы. По плану скважину следовало бурить до вскрытия пород фундамента. Закрывать скважину было рано.

В 12 часов вышли на дежурную радиосвязь.

— Гора, гора я — баржа, я — баржа! — начал связь Павел.

— Баржа, я — гора! — неожиданно быстро откликнулся радист экспедиции.

— Гора, почему нас не забрали вертолётом? В чём дело?

— Баржа, я не в курсе дела. Я несколько дней звал вас, а вы не отзывались. Доложил главному, он сказал, что вы, наверное, ушли в маршрут. А вчера за вами был вертолёт. Он что, не забрал вас, приём?

— Он двоих забрал, а за нами не прилетел. На вечернюю связь пригласи главного инженера. У тебя там нет разнарядки вертолётов на завтра? К кому будет борт завтра, не знаешь?

— Баржа, я гора. На завтра разнарядку пока не давали. Знаю, что просили борт к Максимову, но пока неизвестно.

— Так Максимов совсем в другой стороне.

— Ну, я не знаю, кто где. Моё дело — передавать и принимать радиограммы. А про вас больше ничего не говорили. Выходите на связь вечернюю, скажу вам о разнарядке бортов. До связи.

— Не забудь пригласить главного инженера, приём?

— Хорошо, позвоню ему, если он на месте. Баржа, конец связи.

— Гора, я — баржа, конец связи. До вечера.

Надо же, там как ничего не бывало. Даже радист ничего про нас не знает. Во служба! Пока жареный петух не клюнет...

Вадим с Алексеем благополучно приземлились в аэропорту, погрузили свой груз в машину и пешком отправились на базу. Здесь к их приходу машина была разгружена, а ящик с пробами и вьючные ящики с материалами были сгружены около входа в камералку. Они перенесли весь свой багаж в свою комнату, и Вадим пошёл к главному геологу. Но тот уже неделю был в командировке. Он зашёл к заместителю главного инженера и рассказал о мытарствах с возвращением отряда в экспедицию.

— Ну и что произошло? — ответил высокомерно Глухов. — Почему не выходили на связь? Нарушаете инструкцию по технике безопасности. Надо лучше проверять средства связи перед вылетом и не надеяться на авось. Не смотрите как следует за оборудованием, а потом ищете виноватых.

— Да не виновных ищем, но что же Вы сами не выполняете правил безопасного проведения работ. Разве можно оставлять людей в тайге, да ещё после сезона, без связи? Это Ваша прямая обязанность — забота о людях в поле! Я буду говорить с Василием Григорьевичем. А Векшина надо вывозить срочно с поля, ему надо быстро заняться пробами и доложить о результатах проверки Шустрому.

— Да сколько угодно. Сами виноваты, сами и отвечайте. А с вертолётами сейчас туго, придётся подождать немного. Вообще-то пиши заявку на вертолёт и жди своей очереди.

Когда Вадим вышел из кабинета, навстречу ему попался Артём, начальник горного отряда поисковой партии.

— Ты где пропадал? В отпуске был? — спросил он.

— Да нет, в отпуске я уже побывал в этом году. Сегодня прилетел с Ворыквы. Просидели там без вертолёта десять дней, и работу пришлось отложить на следующий сезон. Самое главное, Павел Векшин с Виктором отправились на буровую, а вертолётчики отказались за ними лететь. Вместо этого они залетали за своими вертолётчиками, которые ловили рыбу на Кедве.

— Да и наш Глухов только вчера прилетел с Цильмы. Дней 10 там рыбачил.

— Так вот почему он и не знал, что у нас не было связи. В самом деле, придётся разговаривать с Рыбиным.

— Ты думаешь, это что-то даст? Сомневаюсь. Разговаривать можно только с начальником экспедиции, с Евгением Антоновичем, а главинж спелся со своим замом, они же друзья-приятели, с ними бесполезно разговаривать. Уж если секретаря парторганизации не вывезли вовремя, что говорить про рядовых геологов.

Вадим поехал на автобусе домой, в город, а Алексей пошёл в общежитие. Работа на сегодня была завершена, можно было отдохнуть, а завтра — на работу.

Утром Вадим приехал в камералку и отправился на радиостанцию. Но с буровой ответили, что ни Павел, ни Виктор к ним не приходили. Особой тревоги у него не было. Он знал, что и Павел, и Виктор — опытные геологи, много лет проработали в полевых условиях. Оружие у них имеется — дойдут. Но когда? Ведь пробами надо заниматься Павлу, это ему поручена такая работа.

Он пошёл к Рыбину. Главный инженер был не в духе. У него были какие-то неприятности по линии бурового оборудования: заказанные буровые станки и оборудование по чьему-то недосмотру ушли в Воркуту, и получить их теперь в экспедицию было делом непростым. Он напряжённо думал о путях выхода из создавшегося положения, в кабинете дым стоял «коромыслом».

— С чем пожаловал? — повернулся он к вошедшему Вадиму.

— Во-первых, здравствуйте, Василий Григорьевич, — ответил Вадим, проходя к столу и усаживаясь напротив главного инженера. — А главное, — у нас в поле вышла из строя радиостанция, поэтому связаться с базой мы в течение десяти дней не могли. Мало того, что здесь никто не побеспокоился о причинах невыхода на связь, но и в контрольный срок, особенно при отсутствии связи, не прислали вертолёт.

— Слушай, Вадим, с такими вопросами обращайся к Николаю Артемьевичу — это его епархия, ему и карты в руки.

— Обращался. Но он всю вину валит на нас, а по поводу вертолёта предлагает ждать своей очереди. Какая ещё такая очередь, если двое членов отряда до сих пор сидят в тайге?

— Мне сейчас не до этого. Других забот хватает.

— А если что-нибудь случится, чьи это будут заботы?

— Так, где они сейчас находятся? — спросил Рыбин.

— Не знаю, три дня назад они вышли из лагеря и направились на буровую. Это больше сорока километров — мало ли что могло случиться. Зима в тайге. На буровой сегодня утром их ещё не было.

— Ладно, иди к Глухову, скажи, что я предлагаю срочно оформить заявку на вертолёт для поисков и вывоза их в Ухту.

— Так Вы ему сами и скажите об этом, меня он вчера ни с чем выпроводил.

— Ладно, сам скажу. Иди, работай.

В середине дня заглох двигатель буровой. Все рабочие во главе со старшим буровым мастером вышли на ликвидацию аварии. Разобрали двигатель, установили причину. В экспедицию решили пока не сообщать, всё необходимое для ремонта двигателя в бригаде как будто бы имелось. Заначка метража бурения тоже имелась. Сообщить об остановке станка — значит себе неприятностей нажить. На вечерней связи Павел поговорил с Вадимом и напомнил о необходимости передать пробы по шурфам на обработку в лабораторию.

— Приедешь, сам передашь, у меня и без этого есть дела, — ответил Вадим. — Хотели за вами посылать завтра борт, это если бы вы сейчас не вышли на связь. А теперь даже не знаю, как распорядится Рыбин. Его это, по-моему, не волнует. А Глухова тем более.

— Сходи к Евгению Антоновичу или к Максиму Петровичу.

— А их нет. Гаврилов в командировке, а Кириллов в отпуске.

— Ну ладно, пусть как будет, так будет. Только через неделю намечено партийное собрание, и мне, наверное, надо его готовить и присутствовать обязательно.

— Что ж ты раньше об этом не сказал, я бы сообщил Рыбину.

К ночной смене двигатель отремонтировали своими силами и приступили к бурению.

На утренней связи Векшину была передана радиограмма от главного инженера Рыбина. В ней ему предлагалось до прилёта вертолёта взять на себя проведение геологической документации буровой скважины, находящейся в проходке. Сообщалось также, что при первой возможности за ним будет направлен вертолёт, чтобы обеспечить подготовку к партийному собранию.

Приказ начальника — закон для подчинённого. Оставалось ждать и работать. Геологического персонала на буровой, в самом деле, не было.

Прошло ещё семь дней. Бригада закончила бурением картировочную скважину. Павел Векшин с помощью Алексея выполнил полное описание керна. Для этого им без привлечения буровиков пришлось разложить ящики на ровной площадке, сделать сначала описание керна по подъёмам, а затем — послойное описание. Погода способствовала успешной работе: она была солнечной и слабо морозной. Снег, как правило, выпадал ночью и не успевал нанести заметного ущерба разложенным ящикам с керном. Правда, после окончания рабочего дня и на ночь его укрывали брезентом.

Очередная скважина располагалась в 20 километрах к юго-западу, рельеф местности по пути перевозки буровой был довольно расчленённым, поэтому часть бригады занималась демонтажём буровой, другая часть на тракторе занялась пробивкой дороги на новую точку. Для обеспечения успешной работы требовалось подвезти с базы экспедиции запасные части, горючее и продукты. Ожидали также приезда техника-геолога для плано-

вой отбивки на местности точки под буровую и геологической документации керна.

Егор Васильевич Лесной отправил заявку на вертолёт и всё необходимое для продолжения бурения. На вечерней связи из экспедиции сообщили, что в наряд вертолёт для бригады поставлен на завтра, на 9 часов утра.

Вертолёт МИ—8 прилетел точно в назначенное время. Буровики получили всё заказанное накануне оборудование, запасные части и продукты. Наконец прилетел и старший техник-геолог Петя Голубев. Он был хорошо знаком с членами бригады — не одну скважину бригады он задокументировал в этом году. Буровики всегда рады работать с уже знакомыми геологами, тем более с такими покладистыми, как Петя.

Этим же бортом улетели наконец-то Павел и Алексей.

XVIII. Конец сезона. Из аэропорта Павел сначала пошёл в камералку. Он зашел к Вадиму и спросил: «Вадим, где пробы находятся?».

— Да вон лежат под столом. Всё равно никого из начальства нет, не торопись, успеется ими заняться.

— Надо было давно их отдать в обработку. Сейчас можно было уже результаты анализов знать. А мы ещё не сдали на обработку.

На другой день с утра они с Алексеем отнесли пробы в дробилку. Павел передал заявку и пробы заведующей дробилкой Марине Ивановне Сидоровой и попросил срочно обработать их. Дополнением к официальной заявке была схема обработки проб. Марина Ивановна обещала выполнить заказ через пару дней.

А спустя два дня с новой заявкой, теперь уже на химический анализ, Павел был в Ухтинской тематической экспедиции, в которой действовала хорошая химическая лаборатория. Основную массу бокситовых проб геологи отправляли обычно в Воркуту, но пяток проб в срочном порядке упросили сделать здесь.

Уже через три дня анализы были готовы. В трёх из 8 отобранных Векшиным проб содержание глинозёма оказалось выше 35 процентов, в одной — выше 45 %! По трём пробам были настоящие бокситы! При этом соотношение глинозёма и кремнезёма достигало в одной пробе 5,5. Результаты превзошли все ожидания. А если учесть, что толщина тела бокситов превышала 1,2 метра и не была вскрыта полностью, перспективы по этому участку были многообещающими, а честно говоря, просто потрясающими.

Вернувшийся их отпуска Максим Петрович Гаврилов в тот же вечер позвонил Векшину домой и спросил о результатах проверки. Когда он услышал о результатах и шурфовочных работ, и химических анализов, он произнёс в трубку: «Вот это здорово! Молодцы! Ты оказался прав, Павел — надо было сразу бурить по тому профилю. И ведь глубина оказалась совсем не той, что на Южном Тимане. Могли бы и тем небольшим станоч-

ком вскрыть рудное тело на полную мощность. А теперь надо ждать. Впрочем, завтра я буду в экспедиции, надо срочно организовывать для начала буровую бригаду, а потом, думаю, и новую партию. Может быть, для начала работ организовать небольшой отряд из одной буровой с опытным геологом-бокситчиком. Итак, до завтра. Подготовь мне все материалы по твоей поездке. Послезавтра жду у себя к девяти часам утра».

— Максим Петрович, всё это можно было и раньше сделать, я ведь на буровой просидел без вертолёта десяток дней.

— Ладно, разберёмся. Главное, что получен очень хороший результат. Спасибо, что не подвёл меня.

Вот теперь Павел мог считать полевой сезон полностью завершённым.

XIX. Продолжение и новое начало. А дальше дела закрутились в быстром темпе. На основании полученных результатов была составлена докладная записка на имя главного геолога управления Шустрого. С его благословения было принято решение о создании специального отряда для проведения первой стадии общих поисков на высококачественные бокситы на Среднем Тимане. В состав отряда была включена облегчённая буровая установка, обеспечивающая бурение скважин до глубины 50 метров. Начало работ было намечено на март месяц. А руководить работами поручили опытному бокситчику Кротову.

Первая же скважина, намеченная коллективно Шустрым, Гавриловым, Векшиным и Майским, вскрыла бокситовое тело мощностью более пяти метров. О таких мощностях бокситов на Тимане пока ещё не слышали. Это был большой сюрприз. А дальше работа пошла по накатанной колее: одна за другой скважины вскрывали бокситы высокого качества. Началось оконтуривание открытого рудного тела.

За первым рудным телом последовали второе, третье и так далее.

ЭПИЛОГ. Там, где когда-то Векшин с Майским открыли первую бокситовую залежь, через десять лет были разведаны три крупных месторождения и открыты ещё два. Ушли в прошлое долгие споры о происхождении и возрасте бокситов. Геологи, учёные и производственники, со всего Союза съезжались, чтобы познакомиться с новым для страны типом месторождений. Здесь нашлось дело и геологам, и геофизикам, и геохимикам.

Десятки геологов, сотни рабочих и служащих вложили свой труд в проведение поисково-разведочных работ на этих месторождениях. Тиман стал самой крупной базой бокситов в стране. Коллегия министерства геологии Союза признала первооткрывателями бокситов на Среднем Тимане Вадима Петровича Майского, Павла Андреевича Векшина и Максима Петровича Гаврилова.

Работа геологов была высоко оценена правительством. За большой вклад в изучение бокситов Среднего Тимана и открытие месторождений

высококачественных бокситов несколько геологов стали лауреатами Государственной премии СССР. В первых рядах лауреатов оказались Василий Григорьевич Рыбин, Максим Петрович Гаврилов и Вадим Петрович Майский.

Ни Шустрый, ни Векшин, ни Кириллов в этот список не попали. Андрей Ильич Шустрый проштрафился в быту, и был переведён на другую работу — он занялся наукой. А штрафников у нас награждать не принято, как бы велики ни были их заслуги. Векшин к тому времени защитил кандидатскую диссертацию — посчитали, видимо, что с него этого вполне достаточно. А Кириллов на момент присвоения высоких званий находился в загранкомандировке — там и без лауреатства сплошная благодать... Правда, орден ему «выделили».

НА ВСТРЕЧНЫХ КУРСАХ

Тяжело в деревне без пистолета, а на десятом градусе без опохмелки.

Утро. В балок заглядывает Вовка. Волосы взлохмачены, в глазах мука.

«Начальник, — хрипит он, — вот мы с Сашей просим... Саша стесняется, так вот я пришел... послал бы ты машину за пивом»...

«Такой-сякой», — выговариваю я ему, довольный тем, что он вроде вынуждает меня на нарушение дисциплины, поскольку пили вчера вместе, но я ж начальник, никак не могу инициировать зло.

С притворно недовольной миной даю распоряжение шоферу заводить машину и ехать в бунгало за 26 верст.

Сорок минут в одну сторону, там 10 мин, итого через полтора часа должен вернуться.

Через час Вовка не выдерживает и предлагает пойти навстречу, чтобы быстрее, мол.

Александр идти отказывается и говорит, что нисколько не верит нам, но все же надеется, что в нас осталось что-то человеческое и его долю по дороге мы, законченные негодяи, не прикончим и привезем ему. Мы бьем себя в грудь и выходим на дорогу.

В феврале утренняя прохлада быстро сменяется жарой. Солнце начинает припекать, и нам становится совсем худо. Вовка бубнит, что у них рабочие — не чета моим, и если им чего прикажут — разобьются в пальмовую доску, но сделают. Я вяло отбиваюсь, что и мои такие же; а если в данный момент шофер задерживается — так только потому, что поездка за пивом вовсе не является производственным заданием, поэтому нельзя судить строго. Мог зайти к родне и т. д. У обоих измученные рожи, на каждой из которых написаны страдания и слова: «абстинентный синдром».

Доплетаемся до баобаба, прячемся в тень за толстенным стволом и уныло посматриваем вверх, на безобразные прошлогодние плоды, на голые ветки, охотно пропускающие безжалостные лучи солнца. То ли дело под нашими северными елочками, где всегда царят тенечек и прохлада! И с веток которых свисают, как новогодние игрушки, чешуйчатые шишки. Где те елочки!

После перекура поднимаемся и снова выходим на дорогу. Движемся неторопливо, куда спешить в такую жару, машина быстрее катит, что ей наши встречные метры. Строим догадки, в чем причина задержки. Может, очередь за пивом? Какая очередь, по всему округу и стране в целом сегодня трое с похмелья, и все эти мученики — мы. Может, сломалась, не

дай Бог? Ну вот, накаркали: из кабины встречного грузовика абориген кричит, что наша машина попала в аварию. «Шофер-то цел»? «Да», — на ходу выкрикивает он и проезжает мимо. «Куда шла»? «Сюда», — успеваем услышать ответ. «Далеко до нее»? — но его и след простыл.

Вздыхаем и продолжаем идти; впереди дорога спускается в распадок и на время исчезает из вида. Воздух над ней дрожит и струится, нагретый солнцем, стоящим уже почти над головой. И вот, как мираж, как обман зрения, над ближним обрезом дороги возникает и сам по себе плывет в воздухе, почти касаясь дороги, а потом чуть приподнявшись над ней, черный пластмассовый ящик, знакомый до счастливых слез. А чтобы развеять наши сомнения, не чудится ли нам этот дар небес, под ним появляется черная голова, на которой покоится этот чудесный ящик, а затем и весь остальной шофер.

«Вот видишь, — говорю Вовке. — Гвозди бы делать из этих людей».

«Да», — соглашается он потрясенно. Шофер снимает ящик, вежливо отказывается от наших неискренних уговоров взять себе 0,66 и идет обратно к машине. «Чуть побил ее, — говорит он, — быстро починю сам и приеду».

...По Африке идут два белых человека; левая рука каждого цепко держит ящик за перемычку над прорезью, в правой зажата бутылка с пивом, к горлышку которой они прикладываются с видом Тантала, дотянувшегося до воды.

Им хорошо, они уважают друг друга и любят страну, где растут баобабы и по дорогам ходят ящики с пивом.

Январь 2011 г.

ТРАК-ТРАК

В Усть-Цильме бывает праздник под названием «Горка»

Полевой лагерь В. Г. Черного располагался у подножия Косьюской горки, с которой у меня связаны незабываемые воспоминания.

Но вначале считаю нужным поместить следующее предуведомление, чтобы в дальнейшем более не отвлекаться от основной темы.

В своих рассказах стараюсь придерживаться исключительно фактической стороны событий (с известными неточностями, вызванными ошибками памяти), не меняя настоящих фамилий и имен действующих лиц. Понимаю, что такая манера изложения может заинтересовать только определенный круг читателей — моих многочисленных друзей и знакомых, но я и пишу исключительно для них. Уже были пожелания тех, кто удостоил меня чести, не отказав просьбе ознакомиться с моими первыми «пробами пера», облечь воспоминания в литературную форму, переходить на написание от третьего лица, с вставками фантазийных моментов и пр. Кроме того, говорят они, неплохи были бы и некие отступления, и пр. Понимаю, сам читал у Паустовского, что следует широко использовать,

например, ассоциации, что-то вроде: «Ворона села на елку; елка — это темнохвойное растение, предки которого известны с мезозоя, а мезозой — это период в истории земли, когда в лесах бродили ящеры и в воздухе летали птеродактили — птички такие, прародители ворон, одна из которой и села на вышеозначенную елку». Но я придерживаюсь мнения, что жизнь богаче литературы, это раз, а во-вторых, я в писатели не тянусь и законы для них на меня не распространяются.

Но читателя, ежели таковой у меня находится, надо уважать, и потому прежде, чем засесть за компьютер, внимательно (около месяца) знакомился с книгой Никитина «Как стать писателем» и кое-что принял к сведению. Думаю, полезным будет поместить здесь то, что привлекло мое внимание; может быть, заинтересует других, и они возьмут в библиотеке эту книгу. Вдруг, да и пригодится.

Цитирую по тексту: «Речь нуждается в захватывающем начале и убедительной концовке (Честертон). Задачей хорошего оратора является максимальное сближение этих двух вещей.

Это же в полной мере применимо и к литературе».

И далее: «Итак, первое по тексту этой книги, но не по значимости: концовку глав надо отделывать особенно тщательно.

Это типа напоминания, что вся соль анекдота в последней фразе, потому что если в середине еще можно что-то промямлить, то концовка должна быть четкой, хлесткой, без единого лишнего слова»!

И еще у него же: «Джонсон: то, что написано без усилий, читается, как правило, без удовольствия».

Никитин обращается в первую очередь к тем, кто хочет стать успешным автором и жить литературным трудом. Конечно, тиражировать свои вещи я не собираюсь: как говорится, по Сеньке шапка, а по Еремке — колпак, но грех будет не воспользоваться бесплатным советом литературного волка, и я постараюсь придавать по возможности увлекательную форму изложения тех событий, участником или свидетелем которых мне суждено было быть.

А теперь сама история.

Кернохранилище расположено на некотором удалении от базы, потому вокруг тишина, да и народа в поле сколько там. За целый день прошел мимо один рабочий, который с удочкой отправился верх по речке, и снова тишина, но относительная, поскольку с вершины Косьюской горки слышится тихое, но отчетливое трак-трак-трак — это на холостых оборотах молотит движок трактора, оставленного на вершине этой самой горки. Мне его отсюда не видно.

Я занят делом — документирую керн заверочных скважин.

Бурили тогда на аномалиях с полным отбором керна, и мы разложили одну из самых глубоких скважин (146 ящиков) в несколько рядов перед кернохранилищем.

А устроено оно было в виде навеса (с бревенчатой крышей, опиравшейся на столбы, вкопанные через несколько метров), открытого вдоль дороги, по которой подвозили керн, и сзади упиравшегося в густой лес с толстыми лиственками; к этим деревьям и крепилась крыша с той стороны.

Под однообразное тарахтенье трактора, сидя на низеньком стульчике спиной к горке, терпеливо документирую разрез, сложенный толщей переслаивания кварцитов и сланцев, отбираю образцы на шлифы, все как положено.

Время летит незаметно, перемещаюсь вдоль ближайшего к дороге и самого длинного ряда ящиков, посматриваю, сколько осталось, и вижу, что в последнем ящике шесть ячеек (диаметр бурения 93мм), но заполнены только две первые, а четыре пустые. И то хорошо, все меньше утомительной работы.

Неожиданно улавливаю, что меняется тон тарахтенья и звук становится вроде громче, как бы приближается. Поворачиваюсь назад — все так же, но продолжаю смотреть и через некоторое время вижу, как над краем горки появляется кабина трактора. Думаю, куда тракторист поехал, и почему задним ходом, здесь же круто, да и дорога на горку с противоположной стороны, пьяный, что ли? И сижу, а что делать. Трактор приближается к бровке, начинает заваливаться назад, и в какой-то миг на фоне неба я с холодком в душе успеваю увидеть, что в кабине никого нет, а трактор уже сползает на склон и, подминая редкий мелкий лесок на склоне, набирая скорость, несется вниз, на меня!

Сравнение неудачное, но вспомнил книжку про Маресьева, то место, где написано, как он тянул на аэродром с замолкнувшим двигателем истребителя и слышал то, что обычно заглушает рев работающего мотора.

Вот и здесь совершенно необычный бег трактора с движком, работающим на холостых оборотах, сопровождался какими-то железными звяками и шелестом — но это надо самому слышать, словами просто не передать.

Опешив, не успеваю приподняться и отскочить в сторону (в голове стучит — сколько же ящиков с керном он разнесет, а кому отвечать и восстанавливать), как на середине склона правой гусеницей трактор налетает на комель вывернутой березы. Его разворачивает влево, он пролетает остаток склона, выскакивает на плоское подножие, где я с ящиками, стремительно минует меня, ломает, как спичку, один из поддерживающих крышу столбов, проскакивает под навесом и упирается «спиной» в толстенный ствол лиственницы. И снова тишина и снова: трак-трак-трак, и в этом звуке явно чувствовалось очень даже большое удовлетворение!

Крыша пошла чуть вправо, но вижу — устояла и то хорошо, думаю.

Поднимаюсь и на подгибающихся ногах подхожу в конец ряда ящиков, чтобы посмотреть, сколько же он дров наломал, и представьте мое

глупо счастливое лицо, когда я увидел, что трактор разнес в щепки единственный, 146-й по счету ящик, да и его не полностью, а только последние 4 пустые ячейки!

А говорят, чудес не бывает.

По прошествии нескольких минут наметом прискакивает тракторист, глаза круглые, как ружейные пули (ну не видел таких раньше) и повторяет, как попка — что такое, что такое, как же так, я ж его наверху поставил мордой вниз! под уклон дороги!!!

Словно оживший рассказ фантаста, где стиральная машина гуляла по городу.

Садится в кабину, выводит трактор на дорогу, а следом вся длиннющая дровяная крыша плавно съезжает вниз, где до верха стопок ящиков с керном, где прямо до земли! Оказывается, она на кабине держалась! Мы только за голову схватились, а тракторист в отчаянии взмолился: «Начальству не говори»! А как такое скроешь! Сам потом и признался.

Отламываю от ящика раздробленные в щепки ячейки, а тут возвращается утренний рыбачок (он у нас из образованных). Подходит и говорит: «В. П., что-то здесь с моего ухода изменилось в ландшафте, а что именно, понять не могу». Я с изумлением отвечаю: «Ты что, не видишь, керновая повалилась»? Вторая пара круглых глаз за этот день.

С тех пор у меня есть своя, личная горка.

Январь 2011 г.

Борис Тарбаев

ТЕНЬ КАПИТАНА
(главы из книги)

Глава 1. Могила на острове

Не лучший полевой сезон выдался у геолога Блох. Получив от Петровича (так по отчеству за глаза звали его непосредственного начальника) задание, с учетом его репутации мастера и знатока, мелкое: всего- то на всего добраться до одного из островов и обследовать заброшенные штольни. Попутно — попутные задания у Петровича были всегда в запасе под рукой — заглянуть на Черный мыс и постучать молотком по камню в надежде на удачу. Глядишь фортуна и улыбнется, что-нибудь найдется интересное. Черные сланцы всегда с загадкой.

Петрович слова из кармана не выуживал- строчил, как из пулемета, как истый уроженец вологодских лесов, заметно окая.

– Команда будет маленькая. Зачем тебе орава на острове? В самом деле зачем? Три человека, включая тебя, — напутствовал скороговоркой шустрый круглолицый Петрович, щуря ясные, как незамутненная родниковая вода, глаза, — управитесь втроем. До поселка Берегового доберетесь самолетом. На «кукурузнике».

Геолог смотрел на Петровича, не скрывая огорчения, а тот, вовсе этого не замечая или по крайней мере делая вид, что не замечает, энергично чесал в затылке.

– От поселка до Острова рукой подать — самое простое на самоходной барженке. Есть там такие. Точно знаю. Только такая беда: море там до августа забито льдом. Номер может не пройти.

– Придется гнать вертолет. — Петрович вздыхал, а это означало, что на вертолет, в те годы транспорт дефицитный, лучше не надеяться.

– Дорого, конечно, но задание получено сверху — выполнять нужно непременно. Вертолет — это на всякий случай. Вы уж там по обстоятельствам, по обстоятельствам. — Петрович смотрел на подчиненного ясными глазами и на всякий случай информировал:

– Остров по слухам нынче вроде бы необитаемый, но не мне тебе рассказывать: двадцать лет назад там всякого люда хватало, и тех, кто с кайлом, и тех, кто с ружьем. Двадцать лет, согласись, это уже давненько.

Такой разговор состоялся, ну а «кукурузник» выполнил свою задачу исправно. Море же, как и предполагал Петрович, и в самом деле оказалось забитым паковым льдом. Приложи ладонь ко лбу и не увидишь ему конца. Льдина на льдине до самого горизонта. И никакого среди них движения:

все, как на якоре. Капитан самоходной баржи, с ног до головы помор, багрово краснолицый от весеннего солнца, кряжистый, белобрысый, глядя на долговязого очкастого геолога рассуждал:

– Конечно, парень, дело твое нужное — это я понимаю, но ведь и мне ни к чему свою посудину ломать. Как ты думаешь? На два корпуса от причала отойдем, и нет винта. И тогда что? Кричать «помогите»! Присылайте ледокол! Это мне, парень, зачем? Да и тебе тоже.

Июль перевалил через свою вершину и покатился к августу, а льды и не думали уплывать, кряхтя и поскрипывая, покачиваясь на едва заметной зыби, стояли на месте, как на якоре, не собираясь покидать окрестное море. Обещанный вертолет не прилетал, того и гляди придется возвращаться «с пустыми карманами», а это означало одно — позорище. И вдруг все решилось. Просто, в одночасье. Так тоже бывает.

Однажды июльским днем в паковой мешанине появились разводья, льдины сдвинулись с места и на глазах стали дрейфовать. Капитан самоходной баржи, глядя на море, одобрительно кивал: «Уйдет лед, ей Богу, скоро уйдет, недели через две будет чистая вода».

И тогда геолог не удержался, встал на колени и патетически воскликнул.

– Милый, родной, не убивай, пощади! Август на носу, шторма. Я ваши места знаю. Может быть, тронемся? А?

Капитан окинул просящего орлиным взором, перевел взгляд на затянутый туманом горизонт и ударил ладонью по колену: «Эх, была, не была, парень, тронемся. Тронемся, но не на барже. Баржа пусть постоит — поостережемся. Пойдем на баркасе». Как тут было не возликовать? Геолог возликовал: «Отлично, годится и баркас».

И тронулись, лавируя между льдинами, порой отталкиваясь от них багром. В густом, гуще, чем молоко, тумане, иной раз казалось, что плывут они не к Острову, а в совсем другом направлении, может быть, даже к Северному полюсу. По чистой воде до намеченного места на Острове хода не больше двадцати часов, а на этот раз плаванье затянулось на двое суток. Изрядно пришлось помучиться, прежде чем показался низкий берег с крохотной избушкой. До пункта высадки рукой подать, но море шутить не любит: в проливе льдины шли одна к одной в притирку, с хрустом и скрежетом наползая друг на друга. Капитан вытер ладонью вспотевшее от напряжения лицо и гаркнул: «Шабаш! Дальше ходу нет! Могу высадить здесь, а коли нет желания, отвезу назад!» Геолог взглянул на берег из-под ладошки: небольшой галечный пляж, а дальше сплошной камень — место скучное, избушка не велика, но ведь тот, кто бродил по Арктике, знает, что плохая избушка лучше хорошей палатки. Обозрел геолог берег и принял решение: была — не была, деваться некуда — высаживаемся.

Ростом избушка оказалась не выше полутора метров, а площадью не больше чулана, но с полатями, когда геолог ложился на них, то головой упирался в одну стену, а ногами в другую. Имелось в избушке окошко —

ладонью его можно было прикрыть, но зато со стеклом и свет пропускало. И еще стояла у входа крохотная печурка. В далеком прошлом это была большая жестяная коробка из под каких-то продуктов с трубой не толще руки. На полярном острове, где трава растет, роняя горькие слезы, такая избушка — это подарок судьбы. Правда, до Черного мыса и штолен шагать да шагать, но на то у геологов ноги. Погода прибывших баловала: сухо и холодно, как и полагается в Арктике в преддверии осени. В солнечную полярную полночь наведывался туманище и норовил заползти в избушку. И заполз, кабы не весело гудящая от пылающих в ней дровишек печурка. Хорошая штука печка, даже если она сделана из жестяной коробки.

В тот день, когда геолог, веселый, полный надежд, оставив избушку на попечение помощников, направился в сторону Черного мыса, туман надвинулся стеной, издали похожей на край огромного ледника, высотой почти до неба. Внутри его засели бесы, поднимая неистовый ветер, хлеставшие геолога по щекам, толкавшие в спину, норовившие сбить с дороги. Но прошел он половину пути, и все изменилось: холодный ветер будто уперся в невидимую стену. Геолог перешагнул через какую-то невидимую черту и вопреки здравому рассуждению оказался в пространстве, где царствовал покой, мирно светило солнце, а воздух застыл без движения. На пути стали попадаться лужайки, поросшие травой, а кое-где даже кустики карликовой березки. В довершение всего он увидел мирно порхающую бабочку. Увидев её, растроганный геолог улыбнулся, поднял голову. С вершины холма ему открылся противоположный берег бухты, где некогда в штольнях добывали руду, и сама она, сверкающая в лучах низкого солнца. Заброшенный поселок, где жили рудокопы и те, кто их охранял, на ближнем берегу лежал, как на ладони. Десятка полтора бревенчатых сооружений смотрели мертвыми глазницами окон на ржавеющие в беспорядке останки гусеничной техники, а вблизи от чудом сохранившегося причала, повалившись набок, еще не лишившийся окраски, покоился большой катер.

– Так, — в некотором раздумье произнес геолог, — а ведь мне без ночевки не обойтись. А пока нужно выбирать: вокруг бухты к штольням или налево на Черный мыс.

По старой привычке он постучал себя пальцем по лбу: «Куда, старина, куда?» Постучал и принял решение топать налево, полагая, что штольни подождут.

Овеянный ветрами Черный мыс узким клином вдавался в пролив, отделявший остров от материка. Геолог шел по его гребню, глядя под ноги, время от времени нагибаясь, чтобы поднять обломок и разглядеть его после через лупу, пока едва не столкнулся с массивной базальтовой стелой, высотою едва ли не в человеческий рост.

– Ба, да ведь это могильный памятник, — пробормотал геолог, разглядывая полированную поверхность. — Однако нашли место где хоронить: не сыра земля —камень. Тут без взрывчатки ямки никак не сделать.

Чуточку отступив, он осмотрел стелу.

На полированной поверхности была выбита надпись. Всего три слова. Геолог стал читать, останавливаясь на каждом и делая паузы в промежутках.

«Здесь похоронен Капитан».

И больше ничего: ни имени, ни отчества, ни даты рождения, ни даты смерти. Последнее слово с заглавной буквы. Озадаченный, он пожал плечами: «Странно. Первый раз такое вижу». Присмотревшись, он обнаружил ниже нацарапанную острым предметом вторую надпись.

«Здесь похоронена тень Капитана. Просьба не тревожить».

– Довольно мрачная шутка, — пробурчал геолог. — Кому-то такое могло придти в голову?

Прислонившись к памятнику, он задумался о бренности человеческой жизни, мысли его, по-обыкновению, полетели вдаль, пока шум осыпающихся камней со стороны обрыва, которым заканчивался мыс, не вернул их на землю.

«Никак белый медведь. Не самая лучшая встреча, черт побери». Он бросил взгляд по сторонам — спрятаться негде, а от медведя не убежишь. Очень пригодилась бы сейчас винтовка, да не озаботился взять. Экое легкомыслие.

Но опасения оказались напрасными: над кромкой обрыва показалась бородатая человеческая голова в надвинутой на глаза шапке, а затем и плотная фигура в меховой куртке, ни дать — ни взять полярный Робинзон. Из-под кустистых рыжеватых бровей на геолога смотрел светлые ястребиные глаза.

«А нос-то у него поврежден, — мелькнуло в голове геолога. — Носу-то этому однажды изрядно досталось».

– Читаете?

Геолог подтвердил и добавил:

– Читать-то читаю, но в толк не могу взять, кто здесь в конце концов похоронен.

Мужчина в куртке смерил геолога взглядом.

– А тут и понимать нечего, все правильно написано: останков капитана под памятником в самом деле нет. Динамит не потребовался, ломом породу не долбили: для тени-то яма не нужна. Все просто и ясно. Вы-то сюда по делу или ради интереса? По мне, годится и так, и эдак. Ну а если собираетесь заночевать, то милости просим. У меня места хватает. Там и поточим лясы. И сразу, чтобы не обращаться ко мне, как к прохожему на улице, товарищ или гражданин, называйте меня просто доктором: фамилия моя, да и имя вам ничего не скажут. Имейте только ввиду, что я здешний старожил. А домик мой, хижинка, у вас на виду, — пришелец взял геолога за плечи и повернул в сторону поселка.

– Вон тот с краю, окна со стеклами — там мое жилье. Может быть, сразу и пойдем: время-то обеденное.

– Пожалуй, — согласился геолог.

«Ничего себе хижинка — это же шикарный дом, — мысленно произнес геолог, оказавшись в прихожей (у него еще на подходе к брошенному поселку сформировалось свое, сугубо индивидуально представление о жилище этого бородача-одиночки, как некой конуре, где стоит, скучающая по хозяину койка). — Настоящие хоромы. Сколько же здесь комнат?»

Он шагнул за пределы прихожей и убедился, что их целых три, да к тому же все обставлены кое-какой мебелью. А когда его глазам предстал обтянутый черной кожей диван, удивление его достигло высшей точки. Геолог не выдержал и присел на него, заставив пружины нежно всхлипнуть. Хозяин, уже успевший скинуть куртку и возившийся у плиты с намереньем раздуть тлеющие угли, краем уха услышал скрип и, бросив в сторону гостя косой взгляд, заметил: «Спешили хозяева. Все бросили. Когда сматываешься — не до мебели. Продуктов тьму оставили: крупу, муку, консервы. С материка за ними местные на собаках приезжали. Про уголь я уже не говорю. Целая гора. С тех пор я углем топлюсь, и мне еще лет на десять с хорошим гаком хватит. Тревожный он был, мил-человек, год тысяча девятьсот сорок первый. Спешили, большая была суматоха. Мебель в моих апартаментах с тех пор с места не сдвинулась, приросла к полу, как стояла так и стоит. Кроме дивана. Эту махину я из кабинета главного начальника на своих плечах доставил, еле доволок. Да, тревожный был сорок первый. Как вспомнишь, так вздрогнешь. Жуть берет. Там, — хозяин показал в сторону окна, гость последовал за ним взглядом. За мутными, от века немытыми стеклами открывался вид на бухту, серебрящуюся под лучами низкого солнца, отсвечивал белым борт лежавшего на боку большого катера.

– Там, в штольнях сотни три камень долбали. Куда их всех девать, если будет десант? Ведь все они очень сердитые, обиженные люди. Верхние понимали это, и первый план, присланный шифровкой, был такой: всех, кто камень долбал, на катер, катер на середину бухты, а на дно катера динамит. Были люди и нет их. Но Капитан не посоветовал, и не получилось. Другая картина нарисовалась. От нее, конечно, мало радости, но кровь невинных на голову начальства не легла. И правые, и виноватые на дне морском в один ряд встали. Но это уже совсем другая история.

– Капитан не посоветовал?- переспросил гость и машинально прошелся взглядом по стенам. Обои на них, некогда светлые, успели потерять первоначальный цвет, но еще держались, хотя неровности стен, особенно щели между досками, уже давно и хорошо обозначились. Пара литографий, изображение на которых уже потеряло четкость, висели по обе стороны от приличного размера картины в темной раме, изображавшей в полный рост человека в кожаном плаще, с решительно расставленным ногами, с руками, засунутыми в карманы, в фуражке с «крабом», по форме явно не нашенской, как бы приплюснутой спереди, и коротким козырьком. Из-за осевшей копоти, сажи и пыли узкое потемневшее лицо человека казалось обросшим черной щетиной. «Уж не его ли имеет ввиду этот доктор?», — мелькнуло в голове геолога. Он повторил вопрос:

– Какой капитан? Какой-то большой начальник?

Хозяин усмехнулся в бороду.

– Нет, совсем не начальник. Это ему ни к чему. Если этот Капитан советовал — как его ослушаться? Это капитан плохих советов не давал.

Гость не смог скрыть недоумения.

– Простите, но это как-то непонятно: не начальник, а советовал, и к его советам прислушивались. Так ведь, вроде бы, быть не должно.

Хозяин продолжал раздувать печной огонь, подбрасывал внутрь мелкие щепки. Повернув голову, чтобы протереть глаза, слезящиеся от дыма, он между делом заметил:

– Почему не должно? Так бывает, если советчик с большой буквы. Вот с такой. — Хозяин широко раскинул руки, демонстрируя размер.

Геолог поправил очки и пожал плечами.

– Тогда я понимаю ваши слова так: этот капитан был известной, авторитетной личностью, умел убеждать начальников. Я правильно ставлю вопрос? Как же это ему удавалось? Порядки-то были, ой-ёй-ёй, жесткие. Все команды только сверху. И попробуй ослушаться.

Печь пыхнула дымком, пламя в печи загудело и стихло, сидевший перед дверцей хозяин поднялся с колен и присел на табурет возле непокрытого, с изрядно выщербленной столешницей стола.

– А зачем ему было убеждать? Его, мил человек, и так слушались и про команды сверху могли забыть. Он глянул — приказал, подумал — посоветовал. И никуда тебе не деться, будь ты хоть на другом конце света, услышишь. Если верить молве — а кто скажет, что молва всегда ложь? — в толпе Капитана от других не выделить, обычный человек, не запоминающийся, на лбу ничего не написано. И опять же говорят, что он умеет память о себе стирать — раз и нету, хоть тресни, не вспомнишь. Ну, а ума у него, точно, на все человеческое стадо хватит. Разве такого можно ослушаться?

Хозяин бросил на гостя испытующий взгляд и снисходительно улыбнулся. Геолог не смог скрыть растущего удивления.

– Честное слово, вы говорите об этом капитане, как о Боге. Память о себе по своему желанию может стереть. Простите, но это какая-то мистика. Я что-то не могу вас понять. Вы-то хотя бы один раз его видели?

Геологу показалось, что хозяин бросил быстрый взгляд на картину, но поручиться, что это было именно так, он бы не рискнул. Хозяин покачал головой.

– Считайте, что прощаю: всяк человек по-своему думает. Никакой мистики нет и в помине. И понимать вам ничего не нужно. Капитану Богом быть совсем не обязательно: Бог на небе — Капитан на земле. Богом быть не обязательно, можно и человеком оставаться. А чтобы его увидеть, совесть нужно иметь не замаранную и хорошо смотреть, как говорят, во все глаза, ну и, конечно, должно повезти. Мне вот не везло. Я, мил человек, родился невезучим. Но на этом острове он точно был.

Прихватив с полу небольшую кочергу, чем-то напоминавшую большую кошачью лапу, хозяин энергично пошуровал ею в печке — печка, все еще вяло сопротивлявшаяся настоятельным попыткам её оживить, перестала капризничать, весело загудела, пустив в бородатую физиономию хозяина клуб едкого дыма. Он отстранился, вытер ладонью вспотевшее лицо и повернулся к гостю.

– Вы давеча на меня с подозрением посматривали. Нос мой вас смутил. Кулак на нем след оставил. Было дело, мил человек, случалось. Чего только в жизни не бывает. Иной раз не хочешь, а приходиться боксировать. А в боксе оно ведь как? Целишь в лоб, а угождаешь в нос.

Гость снял с носа очки, как бы намереваясь протереть стекла, но передумал и водрузил их на место. На лице его отразилось не скрываемое сомнение.

— Так вы, как я понимаю, врач?

Хозяин склонил голову и прищурился.

– Доктор? Я — доктор. Что, разве не похож?

Гость в который раз поправил очки.

— Кого же вы здесь лечите? Вы же, вроде бы, на острове один.

Собеседник усмехнулся.

– Не совсем один. А песцы? А лемминги? Опять же и тому, кто на двух ногах на остров является, иной раз нужно душу подлечить. Нам это, как котенка подковать.

Разговор принимал нарочитую шутливость, и геолог поспешил переменить тему.

– На жизнь, как я понимаю, охотой зарабатываете.

Хозяин продолжал мерить гостя испытующим взглядом.

– Чем же еще? Но не только этим. Есть и другое занятие. Память о Капитане стерегу. Здесь же на острове покоится его тень.

После этих слов геолог, как всякий разыгрываемый, почувствовал себя неловко. Лицо у него вытянулось.

– Шутите.

– А вот и не шучу.

Хозяин сощурился и неожиданно, как-то пугающе странно, подмигнул гостю.

– Отнюдь, мил человек. Какие могут быть шутки с редким гостем. Вовсе нет. Сейчас мы с вами перекусим — нос не воротите, рыба маленько с душком, мы такую, чтобы зубы из пасти не выпадали, только и едим. Ну, а потом уже чайку. На счет того, что покрепче, не обессудьте. Дважды по сто нам бы не помешало, но под этой крышей давно суше некуда. А на материке, как слышно от песцов, за сто граммов тупым ножом зарезать могут.

Он принялся накрывать на стол: поставил миску с соленой рыбой, высыпал из холщового мешочка ржаные сухари, достал из шкафа пару граненых, от века немытых стаканов с мутными стенками, посмотрел через

них на свет и ухмыльнулся. Затем бросил в каждый по щепотке чаю. Чайник на плите во время пустил из носика струйку пара. Хозяин, одобрительно кивнув, поднялся из-за стола и пошел к плите за кипятком. Чайки тем временем, расположившись на крыше дома, неистово орали, а гость сидел в раздумье.

– Вы меня, доктор, основательно озадачили. В голове никак не укладывается, чтобы кто-то устраивал похороны тени. Признайтесь, что вы все-таки шутите.

Почесывая щеку, хозяин некоторое время внимательно смотрел геологу прямо в глаза. Взгляд его становился жестким.

– Такими вещами, мил человек, не шутят. Капитана много раз пытались похоронить, но получалось, что каждый раз хоронили тень. Смотрю я на вас и мысли ваши читаю: какой-то доктор, стало быть, врач, значит, живет почти на северном полюсе, лечит песцов. Так вот хочу разочаровать: песцов не лечу —обходятся канальи без лекаря — я их ловлю, сдираю с них шкуры и продаю на материк. Из ума от одиночества еще не выжил, а обретаюсь один, потому что не люблю мешать соседям жить по-своему, как Бог на душу положит, а когда соседей рядом нет, то и мешать некому. Ближайшие далеко, аж за проливом. Отсюда не видно и голосов их не слышно. А главное — за могилой Капитана нужно приглядывать. Останков под памятником нет, но ведь все-таки тень Капитана там покоится.

Он хлебнул из своего стакана и пробуравил собеседника взглядом.

– И к тому, что сказал, добавлю, — он вдруг перешел с вежливого «вы» на приятельское «ты», — теперь и на тебя, Кирюха, Капитан глаз положил. А глаз у него зоркий, и память хорошая. А иначе, дорогой Кирюха, быть не может.

– Разве? — только и смог произнести в ответ озадаченный и несколько встревоженный геолог, мысленно добавив: «Честное слово, он не прост, этот доктор, но, похоже, что голова у него все-таки в порядке. То, что странноват, то странноват: так это, наверное, от одиночества».

На ночлег геолог расположился на кожаном диване и уснул тотчас. Однако сны его посещали. Сначала фигура в кожаном плаще на запыленном полотне, висевшем на стене, пошевелилась, вынула из карманов ладони и, упершись ими в боковые рамки, раздвинула их, как дверь в купейном вагоне поезда. Повиснув в воздухе, она обратила пристальный взгляд на кожаный диван, медленно подняла руку с вытянутым указательным пальцем на лежащего геолога. И тогда он услышал голос, призывно звучащий издалека, как бы со стороны тундры. Голос далекий, повелевающий.

Глава 2. Дело 51/13

Генерал госбезопасности Самохвалов был крупным мужчиной: косая сажень в плечах, ростом едва ли не под потолок — в общем, форменный

верзила. Бритая его голова в лучах электрического света отсвечивала сизым, квадратное лицо от молодецкого здоровья в любое время суток цвело маком. Любой кабинет, не исключая и того, в котором он пребывал, для такого богатыря казался бы малым. Генерал любил яркий свет и наглухо задернутые шторы на окнах, пошучивая: «Это, чтобы шальная пуля не залетела». И еще он любил военную форму, и хотя в его ведомстве ношение её не считалось обязательным, китель с рядами орденских колодок надолго в шкаф не вешал. Мужчина такой комплекции обязан иметь зычный голос, от которого должны дребезжать оконные стекла, и генерал его имел, но умело им пользуясь, при некоторых обстоятельствах мог ворковать, как голубь, доводя воркование до шепота. Когда генералу доложили о прибытии подчиненного, он встал из-за массивного стола, которого в шутку называл трех тумбовым, и вышел на середину кабинета, встав под растопырившей под потолком свои рога — плафоны люстрой, проявив к визитеру генеральское уважение.

– Рад тебя видеть, Силантий Никифорович, — пророкотал он приветливым басом. — Чем порадуешь начальство?

Подчиненный был в звании майора, в возрасте, когда работнику органов полагается иметь на погонах по крайней мере две, а то и все три крупных звезды. И это обстоятельство в виде побочной мысли посетило бритую голову генерала, вызвав на лице тень некоторой досады. Майор Сытов наружностью не мог похвастаться, ростом и дородством он не вышел, имел серое грушевидное лицо с белесыми пятнами, как бы побитое молью, и оттопыренные уши. Штатский, серый в полоску пиджак казался взятым специально для визита напрокат. Рядом с бравым генералом майор смотрелся замухрышкой.

Так что за человек был этот майор госбезопасности Сытов? Нет ничего проще отослать любопытствующего в соответствующий отдел кадров к анкете майора. Анкеты же в ведомстве, где верой и правдой служил майор, напоминали толстые гроссбухи. Всякие там имелись сведенья не только, где родился и где женился, но и то, что не всякому положено знать, например, там имелись сведенья о числе родинок на спине и слабо уловимой, но, тем не менее, зафиксированной, разнице между правым и левым ухом. Имелись там аккуратно подшитые, регулярно составляемые характеристики, из которых явствовало, что майор Сытов зарекомендовал себя, как отменный сыщик. Слухи же о нем среди коллег, тем не менее, ходили разные. И это обстоятельство иначе, как утечкой информации из отдела кадров, где сотрудникам полагалось держать язык за зубами, не назвать было нельзя. Говорили, будто родился он в каком-то захолустном городишке, собственно даже не в городе, а в большом селе — так по крайне мере болтали злые языки — появился на свет сильно недоношенным. А что такое сильно недоношенный, не уточняли, хотя в этом явно скрывался уничижительный смысл. Он и в самом деле родился чуточку раньше положен-

ного — это может случится с каждым — родился, мягко говоря, не красавцем, но не уродом, от которого могли бы шарахаться и стар, и млад, а так малость смахивающим на обезьянку, за что и получил от сверстников прозвище «Шимп» в виде некоторого сокращения от шимпанзе. Кличка, конечно, обидная, но зато на уроках он щелкал задачки, как орехи, а в шахматы обставлял каждого, кто садился с ним за шахматную доску. Такого даже с обезьяньей рожицей будешь уважать. Дошли до сплетников слова учителя математики, переходившие из уст в уста и сохранившиеся в некотором смысле для истории: «Что неказист, то неказист, но голова на профессорскую тянет. Запомните, олухи, он всем вам фору даст. Астрономом будет». Но пророчество не подтвердилось: астроном обязан жить созерцанием неба, а все окружающее на земле не замечать, а Шимп, он же Селя, то есть Силантий, больше смотрел вокруг, подмечая всякие мелочи, через которые простой смертный перешагивает, не обращая внимания. Любимый ученик поклонника астрономии выбрал другой жизненный путь, свою извилистую тропинку, где повышенная наблюдательность дает, как утверждают знатоки, дивиденды особого толка, увы, обществом не всегда одобряемые. На своем поприще майор, бывший ученик поклонника астрономии, исполнял обязанности истово, не принимая в расчет, какими мотивами руководствовался предмет его пристального наблюдения, низменными или, наоборот, благородными, но, главное, идущими явно или не очень явно, порой даже оцениваемые по наитию, против существующего порядка вещей. Был, как, может быть, скрепя сердце, признавали завистливые коллеги, по-своему справедлив и лишнего, и тем более напраслину, на своих подследственных не возводил, за что иногда неофициально порицался начальством, и, как следствие, карьеру делал далеко не стремительно. Во всяком случае, он мог рассчитывать на большее, чем имел.

– Так чем порадуешь? — повторил генерал, делая на лице приветливую улыбку.

Майор Сытов вытянул руки по швам.

– Разрешите доложить: дела идут, но похвастаться пока нечем.

Хозяин кабинета улыбался.

– Если дела идут — это хорошо, а вот то, что мы стоим, как два столба в чистом поле — это плохо. Нам лучше присесть: беседовать будем долго, а в ногах правды нет.

Генерал приблизился к столу, нажал кнопку звонка, Молодой лейтенант, эдакий хват с черной полоской усиков над верхней губой, выполнявший обязанности адъютанта и секретаря, тотчас появился в кабинете с выражением готовности по приказу выполнить любое поручение. Поручение, а точнее просьба, была простой: два стакана чаю на стол, а к чаю баранки.

– Значит так, — произнес генерал, со значением поглядывая на подчиненного, после того как они уселись за приставной столик. — Все твои дела, Силантий Никифорович, в сторону — с сегодняшнего дня, вот с этой

самой минуты, ты получаешь новое задание. Слышал ли ты когда-нибудь о деле пятьдесят один дробь тринадцать?

Майор Сытов покачал головой.

– Прошу прощения, товарищ генерал, не доводилось.

Хозяин кабинета продолжил:

– Тогда слушай. Много лет, а, точнее, уже лет пятнадцать ходят слухи о некоем капитане.

– В зонах? — вежливо переспросил майор.

Генерал кивнул.

– Да, дорогой, в зонах, но теперь уже и за их пределами. Перелетели через проволоку, вышли на ногах: мы ведь, дорогой, вечно в зоне не держим, освобождаем помаленьку. Нам с тобой по должности на слухи плевать никак нельзя, тем более, если за слухами стоят какие-то реальные события или люди. Позволю тебя спросить: что ты знаешь о масонах, майор?

Силантий Никифорович виновато потупился.

– Очень мало, товарищ генерал.

Генерал ухмыльнулся:

– Не сетуй, майор, я тоже по этой части не очень горазд. Только вчера полистал ихний кодекс. Придется и тебе почитать с карандашиком в руке. Но слушай дальше. Примерно лет тридцать назад появился в нашем хозяйстве некий маг и чародей под кличкой или псевдонимом, это как угодно называй, «Капитан». Лагерная молва приписывала ему едва ли не сверхъестественные способности. Он тебе и провидец, и философ, и ученый, каких свет не видел, который открыл способ, как перевернуть все законы мироздания. Мы с тобой можем сказать: пусть зеки куражатся, фантазируют, лишь бы слушались и подчинялись, если за этой болтовней не маячит какай-то реальная фигура.

Генерал перевел дух и пригубил стакан с чаем.

– Законы мироздания собирался перевернуть? Это как же? — переспросил дотошный майор.

Генерал сделал из стакана большой глоток.

– Ну, это, майор, высокая материя. Не нашего ума дело. Мне запомнилось такое: будто он какие-то формулы рисовал, чтобы пространство, мир стало быть, в котором мы с тобой живем, скомкать, как одеяло.

Майор в раздумье наморщил лоб.

– Пространство скомкать, как одеяло. Мудрено.

Генерал же с воодушевлением продолжал.

– Нас, конечно, и формулы интересуют. Ими в нашем хозяйстве есть кому заняться. Но первым делом, Сытов, нужно выявить, а если понадобится, то и обезвредить этого Капитана. Вот в чем наша задача, и она пока не решена. Агентура, тьфу, расписалась в бессилии — ей нужно срочно помочь, потому что время не ждет. Ты понимаешь, майор, в зонах нарисовался новый бог. Не какой-то нечесаный страдалец с клюкой, а в очках и с

высоким лбом, и невидимый, фигуры не имеющий. Он пестует, Сытов, новую идеологию. Но зачем она нам? У нас есть своя. И является эта идеология не из-за бугра — той, что из-за бугра, мы место живо найдем — нет же, изнутри, завелась в нашем собственном хозяйстве, которое обязано огнем и мечом сокрушать чуждое. Нас с вами, майор, за такие упущения по головке не погладят.

При упоминании о чуждых идеологиях майор Силантий Никифорович Сытов побледнел, а белесые пятна на его лице порозовели: очень не любил майор разные идеологии, кроме одной, правильной. За нее он не то что закадычного друга, но и мать родную утопил бы в проруби. Генерал отодвинул в сторону недопитый стакан с чаем, поднялся со стула и стал прохаживаться по кабинету. Голос его загремел, под потолком качнулась люстра.

– Дело, майор, не буду скрывать, в тупике. Полная неясность. Неведомо существовал ли вообще, а если существовал, то и еще здравствует ли этот Капитан? Кто он такой? Масон или не масон? К какой иностранной разведывательной службе принадлежит? Когда и кем завербован? Когда к нам заслан? И, наконец, он, в самом деле, ученый или все-таки шарлатан? Если верить агентурным данным, он много писал и делал математические расчеты, составил некий трактат. Его почитатели, если опять же верить слухам, в целом или частями хранят бумаги в каких-то тайниках, как своего рода новую библию.

Генерал приблизился к сидевшему на стуле майору со спины и встал за ним, положив руки на плечи.

– Все эти вопросы очень интересуют высшее руководство страны. Очень, Силантий Никифорович. Руководство требует оперативно разобраться и доложить. Возможно, от нашего проворства будет зависеть государственная политика. Ты понимаешь меня, Сытов? Тебе поручается важнейшая задача: выяснить, отыскать и поставить в деле 51/13 последнюю точку. Предлагаю особое внимание обратить на поиски трактата. По последним данным, он предположительно находится в деревне Катайка. Это далеко за полярным кругом, на побережье. Край света, дорогой майор. Поспеши.

Генерал приказал, а майор подумал: «Значит, в Катайку, на край света. А печень-то моя дает о себе знать, побаливает, нормального питания требует. Что там жрут местные «аборигены»? Поди, моржатину. Придется и вам, майор, её пожевать. Кстати, сколько там стоит эта самая моржатина?» Следователь госбезопасности Сытов отличался бережливостью, граничившей со скупостью.

Силантий Никифорович Сытов, майор госбезопасности, встал, вытянул руки по швам и коротко ответил.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

Сыктывкар, 2008 — апрель 2011

Юрий Ткачев

НЕ ХОДИТЕ ПО ТЯНЬ-ШАНЮ БЫСТРО, НАПРЯМИК

День складывался удачно. Мы с маршрутным рабочим подъехали на выносливых киргизских лошадёнках прямо к обнажениям юрской угленосной толщи, вознесенной подземными силами в поднебесье, на высоту почти четырех тысяч метров. Мягкие, еще не скальной твердости породы слагали пологий водораздел, покрытый искрящимися фирновыми полями. Обнажения пластов угля на фоне снега выглядели контрастным рисунком черной тушью на белой бумаге. Над прекрасной, но суровой картиной висело фиолетовое небо с колючим, ослепительно ярким солнцем. Рабочий был юношей относительно грамотным, с хорошим почерком, так что под диктовку мы быстро справились с описанием небольшого разреза и отбором проб. Вспомнилось, как однажды посчастливилось работать в паре с коллектором-*записатором*, моим другом и однокурсником по университету, который, конечно же, знал терминологию и всю технологию работы на обнажении. С ним не было необходимости отвлекаться от наблюдений, образцы и пробы непрерывным потоком текли в рюкзаки, а текст (под мою диктовку) ложился на страницы полевого дневника. Когда с одним из таких дневников работала командированная к нам из МГУ Нина Тимофеевна Воскресенская, специалистка по таллию, она пришла в восторг от полноты описаний (однако заметила и спросила, почему это мой дневник писан не моим почерком!).

Итак, мы быстро справились с главной задачей маршрута, упаковали образцы в баулы и навьючили их на лошадей. Была середина дня. На небе — ни облачка. Солнце слепило глаза и нестерпимо жгло кожу во всю мощь видимого и ультрафиолетового спектра. Глядя на наших лошадёнок с прогнутыми от каменного груза спинами, я принял решение.

— Бери обеих лошадей и возвращайся в лагерь по тропе той же дорогой, — сказал я своему новоявленному записатору, — а я пойду напрямик, прослежу выходы пластов. С лошадьми там не спуститься.

Мы разошлись в противоположные стороны. Налегке, только с молотком, полевой сумкой и с пустым рюкзаком, я рассчитывал вернуться в лагерь никак не позже конной части нашего отряда. Мой путь был сложнее, но значительно короче.

Была еще одна причина, тайная, по которой я хотел остаться в одиночестве. Рабочий был неравнодушен к красивым образцам, и если они попадались ему в маршруте, то он молча отправлял их в свой карман. А такие образцы должны были встретиться на моём пути в большом изобилии. Юрские угли были бурыми и легко самовозгорались не только в отвалах

штолен, но и в естественном залегании, если их пласты располагались не глубоко и, главное, выше уровня грунтовых вод. Вмещающие угольный пласт глинистые породы при подземном возгорании раскалялись, подвергались *обжигу под давлением* вышележащих пластов. Отпечатки юрских растений на этих керамических («порцелланитовых») пластинках прекрасно сохранялись и будут такими всегда. Ими мог бы гордиться любой профессиональный или природоведческий музей. А как они украсили бы интерьер любого знатока или просто любителя природы!

Сбросив километр высоты, я попал в зону альпийских лугов с полянками пушистых эдельвейсов и редчайших занесенных в красную книгу эдельвейсовых ромашек. Увы, я вступил в возраст, когда красную книгу чтят больше, чем женщин, которым я в молодости раздаривал целые букеты этих уникальных цветов. Присев отдохнуть, пожевал стрелочки горного чеснока («*сарымсака*»), полюбовался зелеными кляксами ползучей арчи на каменистых склонах и прочей тяньшанской растительной экзотикой и продолжил спуск.

Развалы порцелланитов были видны издалека, выделяясь терракотовыми мазками среди яркой зелени. Как письмена на обожжённых табличках вавилонских библиотек, там и сям валялись филигранной отделки отпечатки стеблей и листьев древних папоротников, хвощей, на которых видны были даже мельчайшие узоры переплетающихся жилок. Я ползал на коленях, разглядывал их в лупу и собирал. Когда рюкзак заполнился доверху и стал неподъемным, пришлось выложить все на землю и пересортировать. Худшие я выбрасывал, заменял лучшими, а затем выбрасывал и эти, находя еще лучшие с неповторимыми рисунками прекрасной сохранности. Их я обкалывал до фотографических форматов: 10×15, 13×18, 20×36 см и уже прикидывал, как вставить в рамки и создать галерею. Одним словом, я вёл себя как Али-Баба в пещере сорока разбойников (из которой, как оказалось впоследствии, мне не суждено было вынести ни одного камня). Наконец я остановился с половиной рюкзака отборных образцов. Большего количества до лагеря мне было не донести. Теперь надо взвалить рюкзак на плечи. Сделать это непросто, но геологи пользовались испытанным приемом: рюкзак надо положить на крутой склон или на большой камень лямками вверх, подсесть под него, всунуть руки под лямки и потом рывком вперед подняться на корточки. А если и это не получалось, то сначала приходилось вставать на колени и лишь затем подниматься по очереди с колен, упираясь в них руками.

На этот раз я встал удачно и, покачиваясь от тяжести, поплелся вниз. Вскоре стало ясно, что и с таким весом мне до лагеря не дойти. Образцы пришлось еще раз сократить. Сложил оставленное кучкой — на всякий случай. Остальное аккуратно завернул в оберточную бумагу для сохранности отпечатков. Наконец с солидным, но терпимым весом спустился на дно ущелья, где мне предстояло перейти бурную речку. Я её знал и не один раз в прежние времена переходил. Но не в эти календарные сроки. А дело было в

начале августа, да еще в такой жаркий день, да ещё часа в три пополудни, когда суточный пик талой воды из-под фирновых полей достигал максимума. Поток хрустальной чистоты пенился, грозно гудел, кое-где переваливая камни. Пытаться перейти вброд — нечего было и думать. Стал искать место, где можно было бы перепрыгнуть его с разбегу. Бывает, что поток сужается там, протекая между парой огромных валунов. Такое место я вскоре нашел, прикинул расстояние и решил, что перепрыгну. Но как быть с рюкзаком. Раскачать его и перекинуть на другую сторону? Не доброшу. Разгрузить, перекидать всё по образцу, потом снова собрать? Переколются мои пластинки, да и хлопотливо. Остаться здесь на ночь и перейти утром по малой воде? Во-первых, это будет холодная ночевка без сна. Во-вторых, будут беспокоиться в лагере, а некоторые и смеяться: геолог, а заблудился в маршруте. Решил встать на валун с рюкзаком, раскачать его двумя руками и с последним качком сильно оттолкнуться одной ногой, а другой махнуть и приземлиться на неё. Как делается в первой фазе тройного прыжка. Прорепетировал это на ровном месте. Получилось. Перепрыгнув налегке, без рюкзака, исследовал валун противоположного берега. Огромен. Выпирает из воды почти на метр. Верхняя часть камня суха, шероховата — хороша для приземления, но видно было, что подводная часть покрыта плотной слизью водорослей. Это скользко и опасно. Еще раз прикинул расстояние. Показалось, что допрыгну до сухого места, но еще долго раздумывал. Наконец, решился, вложил в прыжок что было силы, но уже в полете понял — не получилось. Надо было бы тут же перестроиться на приземление двумя ногами. Увы, вынести вперед толчковую правую ногу мешал висевший на правой же руке рядом с ногой рюкзак. Приземление одной левой на слизь камня оказалось катастрофическим. Стопу пронзила острейшая боль, в глазах потемнело. Ахиллово сухожилие лопнуло от многократной перегрузки, и стопа неуправляемо повисла. Я рухнул в ледяную воду. Поток заполоскал меня как тряпку, но рюкзак, за лямку которого я инстинктивно продолжал держаться, служил надежным якорем и не позволял сорвать меня течением. Превозмогая боль и действуя руками и одной ногой, я наконец выбрался на камень, а затем втащил и рюкзак (полевую сумку и молоток я перебросил через бурный поток перед прыжком).

Когда вода с меня стекла и болевой шок ослаб, я разделся, развесил одежду на валунах, проверил, не намокли ли спички в полиэтиленовом пакете в кармане штормовки — всё это прыгая на одной ноге или ползая на четвереньках. Пока одежда подсыхала, обдумывал варианты возвращения в лагерь. Строго говоря, был только единственный способ, да и тот давал мало надежд. Скакать на одной ноге я уже испробовал: не выдержу и полкилометра. Ползти, обдирая ладони и колени? Другого выхода нет. Но это будет ужасно, даже если я быстро «встану» на тропу, которую ещё надо найти.

Через час одежда высохла, и я пополз по-пластунски, таща за собой рюкзак. За полчаса я прополз едва ли пятьсот метров, ободрал ладони, ра-

зодрал на локтях рукава штормовки. Перевернувшись на спину для отдыха, стал обдумывать своё положение. Ясно, что до лагеря сегодня я не доберусь, если вообще доползу куда-нибудь. Спуститься бы хоть до зоны лесов, где можно наломать сухих дров. По высоте это метров пятьсот. По дну ущелья с уклоном один к десяти это составит пять километров пути. Здоровому человеку на час с небольшим ходьбы. А мне ползком? Да ещё с рюкзаком. Рюкзак придётся оставить.

Солнце вскоре должно закатиться за гору. Горный бриз, дующий днем снизу в горы, пока греет. После захода солнца сначала будет безветренно, а потом задует со снежных вершин ночной бриз, ледяной. При ясном небе быстро похолодает. К ночи надо любой ценой добраться до леса, наломать сучьев и устроить костёр.

В покое боль поутихла, и, лежа на спине, я как-то незаметно задремал. Проснулся от холода. Оказалось, что солнце закатилось за гору и сверху потянул холодный бриз. Припрятав рюкзак, я пополз как можно быстрее. Сначала это удавалось, но очень скоро колени и локти стали гореть огнём, под ногти набились крупные остроугольные песчинки. Натертые места кое-где стали кровоточить. Ниже альпийских лугов появились почти непроходимые заросли кустарников — шиповника и барбариса. Проклятый барбарис с его жесткими ядовитыми колючками! Если бы я мог двигаться в вертикальном положении, было бы не так уж и страшно, а ползти по узкой тропинке среди них оказалось мучительно трудно: руки и лицо беспрерывно царапало веточками, облепленными шипами. Отводить их руками — значит перестать двигаться. Приходилось наклонять голову к самой земле, почти пахать тропу носом. Движение сильно замедлялось. Я потерял счет времени, а побывавшие в воде часы стояли.

Но всякое испытание в конце концов кончается. И теперь, как-то вдруг кусты расступились. Открылся вид на долину, образующую широкое плоское дно, упирающееся в борта ущелья. Четко обозначилась пойма с лугами, с рассеянными там и сям крупными торчащими над поверхностью валунами. И, о радость, на ней росли одиночные деревья — в основном рябина и берёза. Обрамляющие долину крутые склоны были сплошь покрыты тяньшанской елью с особенно густой и низкой кроной — елью Шренка.

Сгущались сумерки, но я был уже в зоне лесов и взбодрился. Сучьев можно набрать сколько угодно. Найду у борта долины под скалой сухое местечко, разведу костер. Но первым делом, ещё до костра, вычищу из-под ногтей песчинки. Я слышал о таких пытках — загонять иголки под ногти. Теперь я её испытал, но острые песчинки были куда хуже иголок.

Наконец вылезла из-за вершин полная луна. Я всегда знал, в какой она фазе. Для геолога это бывает важно. Около одиннадцати вечера я уже сидел у костра, устроившись на треугольном полуостровке между скалой и подмывающей её речкой. С двух сторон меня защищает скала, с третьей — река, а с четвертой — костёр. О защите я думал неспроста. Наверняка здесь

обитают кабаны, а я их очень даже побаивался. Уж очень страшны с их длинными кривыми клыками.

Однако успокаивающе шумела река, уже не такая бурная, как в злополучном месте, холодный ветерок загораживался скалой, а обтекая её сверху, он увлекал вниз дым от костра. Прилёг на расчищенное от камешков и еловых шишек месте. Уснуть бы и встать с восходом солнца. Но увы... Во-первых, надо поддерживать костер, иначе после полуночи превратишься в сосульку. Во-вторых, стала сильно ныть стопа, которую никак не удавалось уложить так, чтобы она ни к чему не прикасалась. Оцарапанные, в ссадинах колени и локти жгло огнём. Запястья болели от непривычного способа передвижения, ладони были в колючках, ногти обломаны. «Разрыв ахиллова сухожилия», — поставил я себе диагноз и ритмично повторял его про себя. Оказалось что всё это — во сне, потому что я вдруг проснулся. Луна давно поднялась к зениту и вот-вот закатится за гору. В её серебристом свете долина казалась фантастической. Поскольку было полнолуние, солнце соответственно прошло нижнюю точку и было на полпути к восходу из-за теоретического горизонта (после которого светило еще долго не появлялось из-за горы). Часа три пополуночи? Привычно взглянул на часы. «Командирские», со светящимся циферблатом. Увы, они продолжали стоять, хотя, если верить надписи на крышке, были пылеводонепроницаемыми. А также противоударными. Подбросил в костер сучьев и еловых шишек. Хорошо, жарко как угли, тлеют эти еловые шишки. Опять задремал и опять ритмично стучало в голове: разрыв ахиллова, разрыв ахиллова... Стоп! Сквозь шум реки будто бы послышались посторонние звуки. Неравномерные, но и не беспорядочные, словно барабанный перестук копыт. Минут через двадцать сомнений почти не осталось — это спешат за мной на рысях. Ниже долина расширялась и должна была хорошо освещаться луной. Послышалось, будто выехав с узкой тропы на ровную поляну, они перешли на галоп. Вот уже и говор прослушивается. Подкинул последние сучья, чтобы костер вернее заметили. Ура, ночевка кончилась.

Подъехали к костру трое, ведя в поводу четвертую лошадь.

— Ты что здесь делаешь, так твою мать, — заорал старший геолог, пожилой уже человек. — Там Григорий Иванович тебя кроет на чём свет стоит. Ногу что ли сломал?

— Хуже. Разрыв ахиллова сухожилия. Рангоут, как говорят яхтсмены, лопнул.

— Может, растяжение?

— Какое там! Я прощупал. Между пяткой и икроножной мышцей провал в пару сантиметров. Сейчас, вероятно, ещё больше.

— Вещи все при тебе?

— Нет. Рюкзак на альпийских лугах остался, надо будет как-нибудь съездить за ним. Там образцы.

— Какие образцы! Ты и так две лошади ими завьючил.

— А рюкзак...

— Подберем как-нибудь позже. Если киргизы его раньше не найдут. Таблетки обезболивающие дать?

— Давай парочку.

— Мы оседлали тебе лошадь казацким седлом. В нем меньше трясёт и держаться за шишак удобнее. Лошадь твою будем вести в поводу.

Подсадили меня на лошадь, отрегулировали под правую здоровую ногу стремя. Левая болталась на весу, вызывая нестерпимую боль при каждом шаге лошади. Один из рабочих, местный, поскакал вперед предупредить в лагере, что не вернувшегося из маршрута нашли живым и невредимым. Почти невредимым.

Григорий Иванович Пащенко, начальник партии, был добрейший человек. Незаконченное геологическое образование он получил ещё до войны, прошел всю войну, вернулся после тяжелого ранения в ногу и сильно хромал. Однако закончил вуз, в маршруты бегал шустро, несмотря на годы и хромоту. Григория Ивановича я знал еще будучи студентом. После третьего курса попал в его партию, так называемых массовых поисков (уран) на производственную практику.

Когда мы подъехали к лагерю, весь партийный народ, высыпав из палаток, толпился на площадке. Там же стоял ГАЗ-63. За рулем уже сидел трезвый шофёр. Почти трезвый. Григорий Иванович в нетерпении вышагивал неравномерным, длинно-коротким хромающим шагом перед толпой и в такт выговаривал: скомлько — рамз — бымло — скамзано — бымть — в маршрумте — томлько — вдвоёмм — вомт — вамм — результамт — нарушемния — дамй — сюдам — номгу.

Он задрал мне штанину и прощупал ногу от колена до пятки.

— Увы, разрыв. Но ничего, сошьют, в маршруты бегать будешь быстрее меня. У нас в селе неопытные, но рьяные косари не раз эту жилу на левой ноге подсекали. Именно на левой, куда коса долетает. Перенесите его в машину. Василий, в районный центр, в больницу.

— Стой, — закричал он, когда мы уже тронулись, — нога болит?

— При тряске сильно болит, а так — ничего.

— Маруся, принеси-ка нам пол-литра. *Под карандаш* этому гусю лапчатому, так его мать, — добавил он со злостью. — Вечно с этими прикомандированными что-нибудь случается. Маша, собери ему в пакет закусить. И два стакана.

Заказ тут же был выполнен. Григорий Иванович налил мне сто пятьдесят и себе столько же.

— Обезболивайся, я тоже расслаблюсь, — и он вслед за мной опрокинул стакан. — Завтра, (он посмотрел на часы) то есть уже сегодня, объявляю камеральный день и баню.

Действительно, звезды уже меркли, луна опускалась за горизонт, а мы покатились вниз в большую Кочкорскую долину.

Григория Ивановича я больше не видел и долг «под карандаш» еще не вернул. Говорили, что он еще много лет продолжал успешно работать в геологии.

В районном центре женщина-врач, осмотрев меня и расспросив об обстоятельствах травмы, выписала направление в республиканскую больницу с диагнозом «разрыв ахиллова сухожилия», надписав его сверху крупно «cito». На следующее утро шофёр сдал меня в хирургическое отделение больницы и отбыл назад в партию. Принял меня молодой врач и долго исследовал, насколько я могу владеть стопой, давя ею вправо, влево, вверх, вниз. Всё это он делал с применением специального динамометра и недовольно бурчал по поводу указанного диагноза. По-видимому, как врач республиканской больницы, он любил исправлять диагнозы провинциальных врачей и сельских фельдшеров. Наконец он положил меня на стол и приказал сестре готовить гипс.

— У меня же разрыв, мне же сшить надо.., — пробормотал я неуверенно.

— Молодой человек, я знаю, что делаю, — парировал он с достоинством.

Из больницы я вышел на костылях, купленных сестричкой в соседней аптеке, и с больничным листом в кармане.

Через месяц гипс мне снимали вдали от описанных мест, в южном городе N, в котором мы с семьей давно наметили провести отпуск. Когда гипсовая корка была разрезана и снята, женщина-врач (опять женщина!) осмотрела мою ногу с весьма недовольным видом. И было от чего: синяя, тонкая, сморщенная нога выглядела ужасно.

— И Вы говорите, что было растяжение?

— Я уверен, что был разрыв, — и я рассказал ей всю историю, особенно акцентируя на республиканском хирурге.

— У Вас осталась целой лишь тонкая нить сухожилия, связывающая пятку с небольшой *фасцией* (почему не фацией как у нас, геологов!) мышцы. Остальное все разорвано. Боюсь, что и эту часть придется перерезать и делать сложную операцию по восстановлению сухожилия.

Подтвердились худшие предположения, возникшие у меня ещё у «того» республиканского врача, который закатал травмированную ногу в гипс.

— Встаньте и попружиньте на цыпочках поэнергичней, — как-то обреченно попросила сердобольная хирургиня. При первом же напряжении острая боль пронзила ногу, я вскрикнул и рухнул на пол. Подскочили и врач, и сестричка, усадили меня на стул, сделали обезболивающий укол. Врач выписала направление на операцию. На сей раз без надписи «cito!» Я спросил, почему.

— Во-первых, — сказала она, — требующуюся Вам операцию в срочном порядке не делают. Здесь нужен индивидуальный план, подготовка. Во-вторых, уже месяц прошел и разрыв расширился так, что сухожилие не стянуть. Берите направление и записывайтесь на плановую операцию.

На следующий день я пошел (опять на костылях!) записываться в городскую больницу. В регистратуре потребовали паспорт. Предъявил. Регистраторша поизучала паспорт и вернула вместе с направлением: я Вас не могу записать, так как Вы не живёте в нашем городе и даже в нашей области. На вопрос, что же мне делать, последовал ответ: езжайте домой и там оперируйтесь.

— Но я нахожусь вдали от своего города, и в нём есть лишь одна больница, в которой не делают такие операции.

— Так пусть Вас направят в областной город, — она снова взяла у меня паспорт и заглянула в него, — во Владимир.

— Но мне срочно нужна операция. Это врачебная ошибка, и врачи должны её немедленно исправить.

— В направлении не указано «cito».

— К кому из начальства мне можно обратиться с этим вопросом?

— К главврачу. Но он сегодня не принимает, приходите завтра.

Домой я прикостылял в удрученном состоянии. Стали думать, как быть дальше. Неопытные в житейских делах, мы долго обсуждали вопрос, пока наша квартирная хозяйка решительно не заявила:

— У вас *Рука* там есть? — и она указала пальцем вверх.

— Н-нет. Никакой руки не имеется, — ответил было я.

— Неужели никого нет ни в вашем министерстве, ни в дирекции института. А лучше бы — по партийной линии, — уточнила хозяйка. — С кем, например, Вы выпиваете по-дружески. Или как земляки?

Тут в разговор вмешалась жена.

— Постой, постой, ваш секретарь парткома, Михаил Егорович, мне кажется, тоже из Фрунзе? — спросила она.

Михаил Егорович Мухин действительно пару лет работал во Фрунзе в мою там бытность. Он принадлежал к уникальному типу людей. Когда в Академии наук Киргизской ССР образовался Институт горного дела и металлургии, выделенный из состава Института геологии, где он существовал в качестве отдела, на должность заместителя директора института прислали из Москвы будто бы по рекомендации академика М. И. Агошкова, горняка и металлурга — этого самого Мухина. Вскоре Мухин стал парторгом института, а через годик — секретарем парткома Киргизской Академии наук.

Прошло несколько лет, как я покинул Фрунзе и работал в другом городе и другом институте, и вдруг встречаю Михаила Егоровича в коридоре. Его-то я помнил хорошо. Его появление было обставлено очень внушительно. Главный ученый секретарь академии в сопровождении заместителей директоров основных институтов водил Мухина по лабораториям и с подобострастием информировал его о тематике исследований. Мы, «мэнээсы», сидели присмиревшие, словно в присутствии очень высокопоставленного лица. И то сказать: такая процедура совершалась в моей жизни впервые. Мухин слушал с каменным строгим лицом, постукивая

гильзовым концом золочёной *папиросы* по коробке с мудрёным названием. Так повторялось в каждом кабинете, а злые языки утверждали, что после «смотрин» папироса была водворена в коробку.

А вот помнил ли он меня, мелкого безвестного научного сотрудника? Вероятнее всего — нет. Однако на новом месте он специально осведомился о фрунзенских земляках. Остановил, дружелюбно пожал руку, повел в свой кабинет начальника горного отдела, долго и подробно расспрашивал обо всех фрунзенцах, а потом и о других, и даже иногда что-то записывал. Болтали, что его вытурили из Киргизии и что он без тени смущения явился в наш районный город и посетил еще прежде института, где собирался работать, горком партии, чтобы встать на какой-то там специальный учет. На первом же партийном собрании института по рекомендации горкома партии он был единодушно избран секретарем парткома.

Михаилу Егоровичу однажды я оказал небольшую, но, как оказалось впоследствии, важную для него услугу в проведении избирательной компании, где он был председателем комиссии. Все в подведомственном ему округе или, не помню, участке единодушно проголосовали за нерушимый блок коммунистов и беспартийных, притом со стопроцентной явкой. Сей факт был хорошо иллюстрирован в стенгазете с несколькими интервью как важных персон, так и простых, из самых глубин народа, избирателей. Фотографировал, иллюстрировал, интервьюировал и обрабатывал всё это я. Информация об образцовом избирательном округе тут же была замечена и просочилась в большую прессу. Жена тоже знала Мухина: его сынишка учился в классе, где она была классной руководительницей. Ей приходилось пару раз вызывать родителей по поводу мелких шалостей их отпрыска. Всеобщим приговором было решено позвонить Мухину. Только одно обстоятельство меня сильно смущало. В день тех самых выборов, в час «Ч», после того как проголосовал последний избиратель, Михаил Егорович со своим другом, горняком, пришел ко мне на квартиру. Оба были довольно выпивши. Вскоре они да, кажется, и я дошли до известной кондиции и потребовали музыку и женщин. Музыку я обеспечил сразу: включил радиолу и поставил Первый концерт для фортепиано с оркестром Чайковского. Разразился скандал. Чайковский был назван педерастом и гомосексуалистом. Пластинка улетела куда-то в угол, а я для искупления вины был послан за бутылкой. Когда я вернулся, их в квартире не было. Долго помнил я эту обиду, а они на следующий же день, в понедельник, улыбались мне при встрече, как ни в чём не бывало.

Обстоятельства с ногой заставили меня поступиться щекотливостью положения, и я позвонил. Рассказав о своих затруднениях, я начал было излагать свой наивный план содействия моему положению.

— Не учи меня жить, — с усмешкой протелефонировал Мухин, — завтра они сами пригласят тебя в больницу. И машину за тобой пришлют.

Так и случилось. Определили меня в обширную палату человек на десять. Это была развеселая компания молодых людей со спортивными, про-

изводственными, ДТП-шными, а чаще всего — с хулиганскими травмами рук, ног, головы. Большинство были уже оперированы, носили на руках и ногах блестящие нержавейкой аппараты со спицами и винтами: был пик популярности методов профессора Илизарова.

Неделя ушла на анализы и разработку операции. Приходил назначенный оперировать хирург и долго обсуждал со мной обстоятельства травмы, а затем объяснил, чтом они планируют делать с моей ногой. В заключение медсестра принесла мне на подпись бумагу, составленную в том смысле, что я согласен на операцию, которая не даёт полной гарантии прямохождения на двух ногах. Наконец наступил день операции. За полчаса до её начала в палату пришла медсестра, сделала укол и предупредила, чтобы я из палаты не отлучался.

— Это *весёлый* укол. Минут через десять тебе будет всё нипочём, море по колено, — авторитетно заявил мой сосед по больничной койке, токарь и перворазрядник по классической (греко-римской) борьбе, который по нескольку раз в день измерял толщину бедра своей оперированной ноги и сетовал, что теперь ему будет труднее бороться.

Действительно, когда пришла за мной сестра, я не чувствовал ни страха, ни волнения. Сестра хотела было меня поддержать, но я стал демонстрировать ей виртуозное владение костылями, которому волей-неволей посвятил более месяца упражнений. В операционной меня посадили на стол. Анастезиолог шприцем с длинной иглой приготовился ввести в нижнюю часть позвоночника анестезирующее средство, как вдруг погас свет. Все засуетились, безуспешно зазвонили в разные инстанции. Слышно было, как за стеной в наружной пристройке запустили дизель и некоторые лампы в операционной засветились. Между тем от электрических сетей города были получены неутешительные сведения. Сестра препроводила меня в палату и на всякий случай попросила далеко не отлучаться.

По молодости лет, а может быть, и от веселого укола на месте не сиделось, и я отправился в другую палату к своему шахматному противнику. Самое слабое моё место в шахматах — дебюты. На сей раз я вышел из дебюта даже с некоторым преимуществом. Через пару ходов наметилась комбинация. Мыслилось чисто и без помарок. Главное же — не было никакого волнения, которое я обычно испытываю перед комбинацией. В этот момент в палату заскочила сестра с высоко поднятым шприцем и висевшей на игле каплей.

— Куда Вы подевались? Я же предупреждала... Давайте сюда ж.... Теперь никуда не уходить, ждать меня здесь.

Минут через десять я совсем раздухорился и смелыми решительными ходами выиграл фигуру с дальнейшими матовыми угрозами. Но... вошла сестра и грозно сказала «на операцию».

— Дайте мне две минуты, — взмолился я, но мой честолюбивый противник на радостях уже смешал фигуры. Размахивая костылями, как кры-

льями, я поскакал в операционную. Там операционная команда уже поджидала меня во всеоружии своих инструментов. Всадили мне в позвоночник укол, положили на живот и стали ждать, пока онемеют ноги. Хирург после очередного укалывания ноги иглой наконец сказал «поехали». Запахло спиртом с йодом, над ногой закопошились, зазвякали инструменты. А я с неописуемым блаженством приподнимаясь на локтях и задирая голову, смотрел на сестричек, которые стояли у изголовья. И какие же они были прекрасные, особенно их глаза. Впрочем, ничего кроме глаз и не было видно в промежутке между шапочкой и маской. Хватая девушек за руки, я начал жарко объясняться им в любви.

— Пристегните ему руки, да всадите ещё укольчик, а то это любвеобильный субъект мне работать не даёт, — пробурчал доктор.

— Нельзя, он уже два получил... в связи с отсрочкой начала операции.

— Ах да... Вот видите, что делает с нормальным человеком морфий.

Операция продолжалась два часа сорок пять минут. Все это время я интересовался девочками. Лишь перед концом меня охватила нестерпимая боль и я застонал.

— Терпи. Последнюю жилу тебе натянули. Теперь в гипс, — добавил он, обращаясь к кому-то сзади.

Оттуда же спросили:

— До колена?

— До паха.

В палату меня отвезли на каталке и переложили на кровать.

— Ну, как? Болит? — загалдели со всех сторон.

— Пока нет.

— К ночи заболит. Но свой укол ты отдашь Буяну.

Буян получил своё прозвище в палате за соответствующее поведение. Травма у него была, конечно, тяжелая — поломка какой-то важной тазовой кости. Сначала он получал по два обезболивающих укола промедола в сутки, потом — по одному на ночь. Недели хватило, чтобы он стал наркоманом. Когда уколы отменили, он стал упрашивать дежурных сестер делать ему уколы без назначения. Один-два раза это сошло, но потом сестры заявили, что эти ампулы у них на особом учёте, хранятся в специальном сейфе, что запаса у них нет и что они больше не будут нарушать предписаний врача. Но Буян стал буянить. Дело дошло до того, что он в ярости схватил с тумбочки графин с водой, разбил его о металлическую спинку своей кровати, облил водой постель, рассеяв стеклянные обломки по палате. Хорошо, что он еще не был ходячим, а то дело могло дойти до смертоубийства. Тогда палата приняла решение уступать ему свои обезболивающие дозы по очереди.

Сегодня, как оперированный и «с назначением», и я был включен в эту очередь. Все знали, что добром для Буяна это не кончится, но общее спокойствие и безопасность в палате были важнее слабостей одного.

Наутро нога не болела, но когда я держась за спинку кровати резко встал, началось!

— Ложись скорее, — закричали однопалатники, — нельзя так быстро вставать. А свою загипсованную ногу подвяжи бинтом к шее, чтобы она торчала вперед пистолетом.

За день я кое-как освоил больничные системы жизнеобеспечения, и жизнь пошла своим чередом. Через недельку меня выписали и снова выдали больничный лист на месяц, который я должен был закрыть в поликлинике по месту жительства.

Надо же было так совпасть, что этот роковой для меня год был отчетным. Тема была не столь уж сложна, но надо было завершать исследования. А как мне было корячиться у приборов с загипсованной по самый пах ногой. Да и не эстетично дефилировать по институту на костылях — не больница всё-таки. А отчет требовали. На этой почве у меня с дирекцией стал развиваться конфликт, истинную причину которого я тогда ещё понять не мог. Но вот однажды вызывает меня директор. Вхожу в кабинет, а там сидит Михаил Егорович и постукивает золоченой сигаретой по зажигалке. Директор достает из стола какие-то листки и подает их мне.

— Ваше творчество?

Это был *список* (в старом смысле слова — копия, сделанная чужой рукой) ядовитых частушек в стихах, автором которых был действительно я. В них было несколько четверостиший, посвящённых директору и партийному секретарю. Но настоящим перлом был припев, где в многослоговых рифмах (как, например, у Маяковского: лет до ста расти нам без старости) обыгрывались слабости директора.

— Моё, — согласился я, — только в авторском варианте не было столько грамматических ошибок.

А грамматические ошибки были мне очень и очень знакомы: такие я не раз исправлял в диссертации своего аспиранта, к этому моменту уже защитившегося и жаждавшего занять моё место.

— Это нам передал человек, которому Вы вполне доверяли, — и, как бы по секрету, директор назвал фамилию.

— Если это передал действительно названный Вами человек, то должен Вам заметить, что вовсе не он главный доноситель. Я знаю того, кто подсунул этот документ либо Вам, либо тому, кого Вы назвали. Это Ваш «кум»*).

Начальство на минуту замешкалось.

— А почему же «кум» не передал нам это без посредника?

— Может быть, именно передал. Но скорее всего передал посредни-

* Кум — завербованный в КГБ сотрудник, который следит за состоянием умов всего учреждения, частично докладывает о них директору, а полностью — своим вербовщикам. Часто бывает, что директор сам находится «на крючке» у кума.

ку. Во-первых, это бытовуха, а не политика, во-вторых, он хотел остаться чистым в Ваших и особенно в моих глазах, в-третьих, одним ударом «кум» удалял со своей дороги сразу двух конкурентов — меня и названного вами посредника.

— Говорят, Вы собираетесь уходить из института.

— Верно. У меня имеется несколько предложений.

— Мы искренне желаем, чтобы Вы остались, несмотря на обиду, которую Вы нам нанесли своим пасквилем.

— Это не пасквиль, а веселые частушки, которые сочиняются, как известно, преимущественно на начальников.

— Все равно мы Вас не отпустим. Мы не позволим Вам обменять квартиру. Она ведомственная.

— Вы выдаете желаемое за действительное. Я консультировался в компетентных инстанциях. Суд решит.

Через год я уволился «по собственному желанию» и обменял квартиру через суд как «истец». Представителя «ответчика» на суде даже не было. Еще через год сменился тот самый директор и вернулся на родину, далеко от Москвы, на незначительную должность: так пал его авторитет, когда исчез из министерства его высокий покровитель. Его частушечная характеристика, казавшаяся прежде кощунственной, оказалась в итоге более чем верной, даже слабой.

Гипс мне сняли еще до ухода из института. *Первый* гипс подготовил меня к ужасному виду ноги, но то, что я увидел на этот раз, превзошло самые худшие ожидания. Видели ли вы половую тряпку, которую выжали и не распрямив, бросили за какую-нибудь канализационную трубу? Началась лихорадочная «накачка» мышц ноги регулярными тренировками по нескольку раз в день. Делалось это в любых условиях — дома, на работе, на прогулках. Без всяких приспособлений, без фитнес-залов и всяких бодибилдингов. Хуже было с разработкой подвижности стопы. Я становился лицом к стене, ставил ногу к ней носком и сгибал её, пытаясь коленом коснуться стены. Когда мне это стало удаваться регулярно, я отставлял ногу от стены на один — два сантиметра и добивался в конце концов эффекта касания стены коленом. Упражнения я делал через каждые двадцать-тридцать минут. Примерно через полгода левый голеностоп стал почти так же подвижен, как и правый. Параллельно с этим я стал бегать трусцой, а зимой — на лыжах. Осмелев, я встал на коньки. Было очень трудно и больно: бег на коньках требовал предельного сгиба стопы, но я преодолел и это.

На новом месте работы почти никто не заметил, что я ещё прихрамываю. Охотно и не без дальнего прицела участвовал в соревнованиях по футболу, волейболу, лыжам, настольному теннису. То было время, когда весь народ от мала до велика сдавал нормы ГТО. Я все их сдал и получил значок отличника ГТО. Купил мотоцикл, моторную лодку и сильно увлекся грибами и ягодами. Всё, казалось, шло хорошо. Но, увы, ничто не проходит

бесследно и безнаказанно. Когда ты прошел, как тебе показалось, все круги ада, только тогда злой рок берется за тебя всерьез.

На дважды подряд загипсованной ноге, где гипс тер кожу, катастрофически быстро начала расти родинка. До гипсов это была точечка. Потом выросла с горошину, потом — с фасолину. Когда она увеличилась до бобовины и стала побаливать, я позвонил в Москву своему другу Сергею Вязову. Он поддерживал связь с третьим нашим одноклассником — Виктором Учваткиным, ленинградским хирургом, впоследствии главным врачом областной больницы и профессором второго или третьего медицинского института Ленинграда.

— Лети в Ленинград и в тот же день позвони Учваткину.

Я так и сделал.

— Ты где находишься? — пробасил в трубку Учваткин.

— В академической гостинице на Халтурина. Это как идти от Зимнего на восток.

— Знаю, знаю. Жди меня у входа через двадцать минут.

Стремительный, полноватый и грубоватый Учваткин без предисловий приказал:

— Веди в палату. То есть, извини, в номер.

И мы пошли по замысловато извилистым коридорам нашей гостиницы.

— Ну и ну! Что здесь было до семнадцатого года? Кучера жили?

Уже в номере он спросил:

— Где здесь можно вымыть руки?

— По коридору за третьим поворотом есть раковина. Но только с холодной водой.

— Впрочем, обойдемся без мытья. У меня руки чистые. Задирай штанину. Так... так... так. Рак! Он взглянул на меня испытующим взглядом, не улыбаясь, но что-то лукавое проступало сквозь эту серьезность.

— Но мы вырежем. Если понадобится, оттяпаем по колено... или выше. Теперь спусти штаны. Посмотрю пах. Шишку там не прощупывал? Да не эту шишку, а лимфатический узел. Вязов мне рассказывал твою историю. Оставь эту сказку для детей. Или для газеты «Труд». Скажи честно: выпрыгнул неудачно с балкона от любовницы. Вязов у нас по этой части уж как прыток, но ты его на этот раз перепрыгнул.

— Да я...

— Помолчи. Завтра я тебе позвоню. Давай номер телефона.

— Телефонов в гостинице нет. Только один — у администраторши. Да еще один автомат висит в коридоре.

— Бедные ученые. В *такой* гостинице, да ещё без воды, без телефонов! Какую науку после этого с них требовать?! Позвони тогда ты мне завтра ровно в 10^{15} вот по этому телефону, — и он подчеркнул в своей визитке один из номеров. — А теперь выведи меня из этой дыры... И это в ста пятидесяти метрах от Зимнего! Не верится.

Назавтра я позвонил, и Виктор Георгиевич объяснил мне, что надо ехать с Финляндского вокзала («посмотри там ленинский паровозик, другой такой возможности у тебя, может быть, уже не будет»; у меня от этой реплики мурашки по спине побежали) до станции Песочная, спросить, как пройти к онкологическому институту, в проходной предъявить паспорт и там скажут, куда идти.

И вот я снова в больничной палате. В отличие от предыдущей, это была палата пожилых людей с раком легких. У некоторых осталось по одному легкому, но несмотря на строжайший запрет врачей, они продолжали курить, и у каждого была своя версия, отчего у них рак. Разумеется, иная, чем интенсивное курение с детства. Один китобой, например, утверждал, что его заразили голуби в каком-то южном порту, куда они заходили заправляться. Плотник был убеждён, что виной тому древесная пыль, а шахтер говорил, что все началось с простуды, которую он подхватил, поднявшись разгоряченным на мороз из забоя. Из *кожников* был один я, сменивший там коллегу по институту Василия Ивановича Чалышева, вскоре после того умершего. Атмосфера в палате была мрачная, подстать моему настроению. Оно совсем упало, когда через пару-тройку дней в палату привезли на штативе павильонную деревянную фотокамеру и стали фотографировать мою блямбу.

— Это они для учебника снимают. Значит типичный случай. П...ц тебе, меланома не излечивается, — злорадно внушал мне однолегочник. Когда настал день «Д», как говорят военные, один сердобольный больной утешил меня:

— Послушай меня. Я в этом деле немного понимаю. Если это — ТО, то у тебя вырежут много и на это место прирастят кожу с мясом, например с задницы. А потом вставят тебе в пах трубочку и воткнут её в бутылочку.

За день до операции пришел анестезиолог и стал спрашивать, когда и какой наркоз я получал, нет ли у меня специфической непереносимости, как с сердцем.

— А можно мне без общего наркоза? Всё-таки нога, и резать будут снаружи.

— Здравствуйте-пожалуйте! Вырежут тебе эту бородавку и тут же отнесут в гистологическую лабораторию, где сидят и ждут диагносты, которые будут рассматривать клетки. Хирурги будут ждать ответа, чтобы решить, врезаться ли им глубже или шире, или же зашивать. Ты в это время должен спать и не слышать ни единого их слова.

Прищепили мои руки и ноги ремнями к операционному столу. Анестезиолог, подмигнув мне как старому знакомому, наложил маску и приказал: дыши глубже. Вздохов через десять я взбунтовался, стал крутить головой и заорал, чтобы дали мне пару глотков свежего воздуха. Проснулся я, когда меня в палате перекладывали с каталки на кровать. Первым делом стал ощупываться: нет ли трубочки и нет ли где-нибудь ещё одной повязки. Прибежал анестезиолог, спросил у сестер, сам ли я проснулся.

— Отлично, теперь снова засыпай и спи подольше.

Пришел хирург, который резал, пришла лечащая врач.

— Так вы с Учваткиным в одном классе в школе учились?

— Да.

— То-то он так хлопотал и уже звонил, справлялся, как прошла операция. Мы с ним в одной группе во 2-м Ленинградском медицинском учились.

На следующее утро я уже в который раз скакал на одной правой, выставив вперед подвязанную бинтом к шее левую.

Дней через десять после операции меня выписали, снабдив больничными документами, изобиловавшими латинскими терминами, написанными таким почерком, что ни одного слова нельзя было разобрать (случайность или преднамеренное действие против слишком умных и любопытных пациентов). Когда я вошёл в палату, уже переодетый по цивильному, попрощаться с друзьями по несчастью, со всех сторон посыпались советы такого рода: будешь выходить через проходную, предъявишь документы (со входом и выходом было очень строго) и, не оглядываясь, дуй до остановки электрички, никуда не отвлекайся и уезжай из Песочной в Ленинград немедленно.

В кварталах двух от онкологического института была аптека, которая снабжала его лекарствами, а в аптеке провизором работала родственница моего коллеги по Коми научному центру. Обычно именно она привозила лекарства и занималась их сдачей. Мы раза два говорили с ней, и она просила зайти, когда меня выпишут. Проходя мимо, я зашел в аптеку взять и передать в Сыктывкар какой-то сверток. Провизорша поинтересовалась диагнозом, и я полез в карман плаща за выпиской из истории болезни. О, ужас! В карманах не оказалось никаких документов. Все было многократно обшарено: сумка, карманы, все складки одежды — безрезультатно. Расстроенный, я поплелся назад, оглядывая тротуар и его окрестности. В проходной меня уже ждали. Оказалось, что все документы я сунул не в карман плаща, а за подкладку. И они выпали на первых же шагах от проходной. Возвращение документов особой радости не принесло. Хотя я и не верю всерьез в приметы, но подумалось: не случайно же пришлось не только оглянуться, но и вернуться!

В Ленинграде я позвонил Учваткину и, прихватив бутылку «Медвежьей крови», пришел в гости. Ознакомившись с каракулями моей выписки, откупорив бутылку, наполнив бокалы и поднимая свой, он провозгласил очередную дьявольскую шутку:

— Жить будешь, — и то ли шутя, то ли всерьез добавил, — ещё некоторое время.

ЭЮЯ

УСТРОЙСТВО МИРА

Предисловие-2011

Данное сочинение публиковалось дважды, через 27 и 35 лет после своего написания!

Сначала — в 1999 г., в самопальном журнале некогда воркутинского (но давно уже — сыктывкарского) геолога В.С. Озерова «Золотоносные конгломераты Урала». Журнал издавался автором тиражом 3 (три) экземпляра; всего вышло, кажется, три его номера, после чего издателю это занятие надоело и журнал прекратил свое существование.

Вторично — в 2007 г. в моей автобиографической книге «Записки геохимика». Тираж ее был побольше, но и он давно разошелся.

Сказанное дает мне основание снова предложить данное сочинение вниманию геологической публики.

Если как следует вникнуть в этот веселый текст, то можно понять, что на самом деле в нем обсуждается ***весьма серьезная альтернатива интерпретации геохимических данных.*** Один из персонажей (литолог Беликан) придерживается чисто фациально-литологической интерпретации, тогда как другой (геохимик Элипут) — наоборот, интерпретирует те же самые факты в духе геохимии.

Поскольку само сочинение было написано очень давно (в 1972 г.), то перед публикацией-1999 пришлось предпослать тексту два Предисловия-1998; в противном случае, читатель мог ничего не понять.

Предисловие-98 в форме цитаты

Это сочинение было написано зимой 1972 года в Воркуте, в одну из моих очередных командировок в Воркутинскую геофизическую экспедицию. О том, чем я там занимался, дает представление отрывок из автобиографической брошюры *«Тридцать лет в Сыктывкарском институте геологии. — Сыктывкар: Геопринт, 1997. — С. 11»:*

«...Нельзя не сказать об удивительном научном явлении, которое в одной из книг я назвал «воркутинским феноменом». В начале 70-х годов геофизики Печорского угольного бассейна разрабатывали задачу дистанционного определения зольности углей путём гамма-каротажа скважин. Начальник геофизической экспедиции А. А. Гипш организовал сильную группу в составе Г. Г. Капатурина, В. И. Белкина, В. Н. Дьяченко и И. В. Рязанова. Каждый занимался своим делом: А. А. Гипш руководил,

Геннадий Капатурин опробовал угольные пласты в шахтах и определял в них радиоэлементы, молодой Виктор Дьяченко (в дальнейшем партийный функционер, а ныне крупная акула сыктывкарского бизнеса) выполнял работу лаборанта, блестящий литолог, бывший узник Воркуты Виктор Исаевич Белкин немедленно давал каждой добытой цифре вдохновенные палеофациальные интерпретации, а самый талантливый из них — Игорь Владимирович Рязанов строил математические модели и вообще был мозгом всей группы. Вся эта компания не просто выполняла интересную работу, но и была призвана написать диссертацию своему шефу (человеку, понятно, занятому).

Однако излучение углей создаётся присутствующими в них радиоактивными элементами — калием, ураном и торием. Исполнители быстро сообразили, что без угольной геохимии нельзя разобраться в природе корреляционных связей между зольностью и гамма-активностью. Для консультаций по геохимии пригласили из Сыктывкара и меня. Так началось моё интенсивное и плодотворное сотрудничество с Рязановым...».

Предисловие-98 в форме некролога

Из текста сочинения легко понять, что Беликан — это Белкин, Элипут — это я, Гагатурин — Гена Капатурин, а Софизик (он же Солитолог или Согеохимик) — это, конечно, Игорь Рязанов.

Прошло 25 лет с той поры, как было написано это сочинение. Где же теперь его герои?

Сначала умер Белкин. После описанных здесь событий он уехал в Тюмень, работал в ЗапСибНИГНИ, где, по слухам, процветал. Года его смерти я не знаю.

Затем страшная трагедия обрушилась на Рязанова. Его единственный сын, в котором он души не чаял, талантливый, румяный и веселый Вовка, по непонятным причинам вырос монстром. Однажды он ни с того, ни с сего жестоко избил мать, был судим, таскался по медэкспертизам, по слезному ходатайству матери был оправдан, определен в психушку, где при неизвестных мне обстоятельствах выбросился из окна. Деталей этой истории я совсем не знаю, потому что к тому времени Игорь совсем перестал со мною общаться (отчасти по моей вине). Вскоре Рязанов уехал из Воркуты (кажется, году в 1993—1994?) и с тех пор мне о нем ничего не известно.

У Гены Капатурина всегда была повышенная возбудимость, что становилось особенно заметным в пьяном виде. После жестокого избиения жены (с покушением на убийство) он долго таскался по тюрьмам и психушкам, и будучи наконец выпущен — убил-таки жену и затем себя.

В 1972 году такое мне не могло бы присниться даже в самом страшном сне.

* * *

В. И. Белкину — посвящается

Жили-были два народа — Беликаны и Элипуты.

Беликаны населяли обширную страну Литологию. Они отличались могучим телосложением, исключительной бодростью духа, любили пожрать и поспать и вполне терпимо относились к существованию соседних народов.

Беликаны вели преимущественно земледельческий образ жизни: они вспахивали поля песков, глин и алевритов, засевали их различными физическими свойствами и каждую осень защищали отчёт, собирая обильный урожай идей и похвалы рецензентов.

Элипуты, проживавшие по соседству, населяли страну Геохимию.

Эта страна была мала, и поэтому элипуты, как все жители малых стран, обладали скверным характером. Они были подозрительны и эгоистичны, а по виду — хилы и болезненны. Природа предназначила им всю жизнь ковыряться в деталях. Если они замечали, что *pH* водоёмов, около которых стояли их маленькие домики, изменился на единицу, они приходили в волнение и тотчас созывали научный симпозиум, все доклады на котором имели одинаковое название: *«Так что же нам делать?!»*

Элипуты не любили чужаков, которым не были дороги их святыни. Они были замкнуты и угрюмы, легко впадали в пессимизм и творческую депрессию, постоянно заботились о своём здоровьичке и поэтому кушали и спали умеренно. Если им случалось на прогулке завидеть вдали Беликана, они опасливо обходили его. Детям элипутов строго-настрого запрещалось водиться с юными беликанчиками.

— У них, детка, даже *pH* нету, — внушали детям родители, — вот ведь что это за люди!

Так и жили Беликаны и Элипуты в соседних странах.

Беликанам в общем и целом было наплевать на существование Элипутов, а последние были рады тому, что их по крайней мере не трогают.

Беликаны вспахивали свои песчано-алевритовые гряды и во всё горло распевали дурацкую песню:

Фации-формации,

Вот наши сенсации!

Элипуты, к которым из-за кордона доносились слова неприличной песни (ибо слово *фация* было у них ругательным), прерываемые раскатами громового хохота, нервно вздрагивали, однако продолжали усидчиво изучать вопросик о том, почему это в малозольном угле германия мало, тогда как в многозольном — заметно больше.

Но вот однажды...

Однажды в стране Беликанов появился Талантливый Беликан.

В отличие от своих соплеменников, он имел более широкий круго-

зор. Существование соседних Элипутов не переставало его удивлять просто как факт. Ему всё время хотелось выяснить: зачем — это?

Время от времени он совершал познавательные экскурсии к границам Геохимии, отлавливал зазевавшегося Элипута, и наговорив ему сперва комплиментов, начинал выспрашивать:

— А скажи-ка, братец, — говорил он, — ежели, к примеру, к одному пэ-ашу прибавить ещё один пэ-аш — это сколько же пэ-ашов получится?

Возмущенный, красный от злобы Элипут, только заикался, изрыгая бессвязные проклятия, и в конце-концов убегал, ничего толком не разъяснив Талантливому Беликану. А тот возвращался во-свояси, размышляя вслух:

— Нулежды нуль — нуль, нулежды один — один? Нулежды два?...

На этом месте он обычно сбивался и начинал вычисления сначала.

Шло время. И вот в стране Геохимия завёлся один Интересующийся Элипут. Существование огромной Литологии, простиравшейся по соседству, в отличие от соотечественников, не вызывало в нём отрицательных эмоций. Конечно, как и все они, он тоже считал невежественных Беликанов грубыми дикарями; однако он находил, что в их образе жизни немало забавного. Кроме того, сама страна Литология удивляла его своими размерами и очевидным отсутствием какого-либо порядка в её отдаленных провинциях. И он лелеял мечту — как-нибудь взять отпуск по службе и объехать всю Литологию в качестве туриста.

И что же вы думаете? Через несколько лет его мечта приблизилась к осуществлению! Выяснив, зачем и почему в углях содержится германий, и написав на эту тему ряд эпохальных трудов, он взял отпуск, обратился в контору Интуриста — и с неожиданной лёгкостью получил путёвку!

Как раз в это время поблизости от границы околачивался Талантливый Беликан; он тотчас предложил Элипуту свои услуги в качестве гида.

...Бедняга Элипут! В своём легкомыслии он не имел никакого понятия о тяжких испытаниях, которые ему предстояли. Он не придал значения тому факту, что ни один уважающий себя Элипут не совался в эту дикую страну. Те же, которые (по разным причинам) всё же перешли кордон — так и не вернулись на родину. Лишь изредка они присылали семье посылочки с *тяжелыми фракциями* — с просьбой сделать рентгеновский анализ, и никогда не поясняя, какой именно анализ и зачем его надобно делать.

Едва наш Элипут и сопровождающий его Беликан успели сделать несколько шагов от границы, как Элипут увидел невдалеке что-то черное, по виду — очень знакомое.

— Постойте! Это же уголь! — вскричал он радостно.

— Ну да. Уголь и есть, — подтвердил Беликан. — У нас он служит для удобрения. По слухам, в нём есть какие-то стимуляторы.

— Стимуляторы! А Вы знаете, что это за стимуляторы?

— Зачем мне знать? — удивился Беликан. — Ежели мне понадобится, то я просто возьму две части этого угля, добавлю восемь-десять частей глины или алеврита и получу чудесную почву для выращивания пиритовых и сидеритовых конкреций.

Элипут почувствал себя оскорбленным.

Ваши дурацкие стимуляторы — это редкие элементы! — заорал он. — Молибден! Германий! Бор! Медь! Кобальт! Бериллий!

— Да неужто? — Беликан был несказанно поражен. — Но это же просто замечательно! Значит, пирит состоит из молибдена или германия? Великолепно! Ново и свежо! Вы не откажетесь быть соавтором моей статьи, где я предложу переименовать пирит и впредь называть его, допустим, молибденитом?

— Не кощунствуйте! — взвизгнул Элипут. — Пирит не состоит из молибдена! Сами пишите свои статьи!

— Дело ваше, — сказал добродушный Беликан. — А всё же Вы это напрасно. Я так люблю новые термины — страсть!

Они прошли немного дальше.

— А это что? — спросил Элипут.

— Это? Это, знаете ли, такая углистая порода.

— Вот как? В вашем сельхозе она тоже нашла применение?

— К сожалению, как удобрение она не идёт. Но мы её используем в быту. От неё тараканы дохнут. А вот извольте — сами взгляните.

Они приблизились к куче бурой углистой породы, и у подножия её Элипут действительно увидел целый слой тараканов. Иные ещё шевелили усиками, но большинство было дохлых и лежали кверху лапками.

Элипут долго разглядывал тараканов, наморщив лоб.

Внезапно его осенило. Он вытащил из кармана портативный радиометр, с которым не расставался никогда, снял колпачок с детектора и поднес трубку к земле. И тотчас в микрофоне лихорадочным пулеметным треском замолотили сотни тысяч импульсов.

— Бежим! — закричал Элипут и бросился прочь от проклятого места. Отбежав на приличное расстояние, он остановился и, переведя дух, сказал подбежавшему Беликану:

— Ну, поняли, отчего тараканы дохнут?

— Неужели активность?

— Да-с... И притом, заметьте, не урановая, а ториевая! Нет уж, дорогой Беликан, дальше я с Вами не пойду. Сами можете ходить по своим ториевым глинам, а я не желаю подхватить лучевую болезнь.

— Клянусь косой слоистостью — в *глинах* нету никакого тория! — закричал Беликан. — Вы сами увидите — тараканов там тьма-тьмущая!

— Простите... — едко возразил Элипут. — Ведь *в угле* у нас тория не было, не так ли?

— Не было, — сказал Беликан.

А в *углистой породе* его стало много?

— Много, — как эхо, сказал Беликан.

— Значит, в *глине* его будет еще больше, не так ли? Ведь Вы согласны с тем, что торий связан с *минеральной частью* угля?

— Согласен, — задумчиво сказал Беликан, уставившись в одну точку и выбивая дробь на своём брюхе.

Логика Элипута его смущала. Но вместе с тем, он твёрдо знал, что на глине тараканы не дохнут, значит, никакого тория там нету. Наконец, он догадался — зловредный Элипут его попросту охмурял.

— А *фации-то* Вы забыли? — загремел он растерявшемуся партнёру.

— Какие фации? — сказал Элипут. В своей стране он сроду не видывал никаких фаций и знал лишь, что это что-то неприличное.

— Как это — какие? Что значит — какие?! *Разные* — вот какие! Понятно? Вот ваш вонючий уголь. Это что? Это — одна фация. А вот — углистая порода. Это — другая фация. Вот — глина. Это — третья фация.

— Ну и что? — тупо сказал Элипут.

— Как это «что»? — Беликан перешёл в решительное наступление. — Как это «что», спрашивается? А то, что в одной фации тория мало, в другой — много, а в третьей — опять же мало.

— Да неужто? — сказал Элипут.

Он уже оправился от потрясения и готовился нанести ответный удар.

— Допустим, Вы взяли пустое ведерко. Оно символизирует у нас весь уголь — и органическую, и минеральную часть. Взяли?

— Ну, допустим, взял, — подозрительно сказал Беликан. Ему не были нужны никакие ведёрки, ибо ни одно ведёрко не могло вместить в себя фацию.

— Теперь насыпьте в ведёрко 90 % чистого беззольного угля и 10 % золы. Получили уголь с 10 % золы, в котором мало тория.

— Правильно, — сказал Беликан, — получили.

— Чудесно. Теперь выньте из ведёрка 10 % угля и замените его на 10 % золы. Получите уголь с зольностью 20 %. Больше стало тория в ведёрке?

— Конечно, — сказал Беликан.

— Ну, а теперь мы добрались до углистой породы: в ней 40 % угля и 60 % золы. Тория очень много. Ваши тараканы попередохли. Ответьте мне: каким образом, продолжая *добавлять* в ведёрко золу (и убирая уголь) нам удастся теперь *снизить* содержание тория? Я догадываюсь, как это можно сделать, однако здесь без *pH* не обойтись.

— Подите к чёрту со своими ведёрками и со своими *pH*! — заревел Беликан, чувствуя себя совершенно одураченным. — У меня *разные* ведёрки! Разные! Понимаете? В одной фации я сыплю в Ваше вонючее ведёрко, допустим, желтую золу без тория, в другой фации — сыплю в *другое* ведёрко красную золу с торием...

— Опомнитесь, безумец! — завопил Элипут. — Если Вы налили в ведро 10 литров воды, то как Вы будете отрицать, что в один момент там

было 2 литра, а не 10? Как Вам удастся избежать этой стадии со своими фациями?

— А я Вам ещё раз говорю — подите к чёрту со своими ведёрками! Было у Вас ведёрко с 10 % золы?

— Конечно, было.

— Ну так вот: чтобы получить углистую породу с 60 % золы, я и не подумаю ковыряться в ведёрке — вынимать уголь и добавлять золу. Я сделаю проще — я выкину к чёртовой матери всё содержимое Вашего ведёрка! Я *его сначала опорожню*, а потом наполню новым углем и новой красной золой. *Изменение фаций сопровождается изменением состава золы*, кретин Вы эдакой!

— Отчего же состав золы меняется? — спросил совершенно оплеванный Элипут.

— Ну, этого Вам не понять, приятель. Вы чужеземец. Химическая денудация сменяет механическую, механическая сменяет химическую... Континенты подымаются и опускаются... Фации и формации...

— ... «*вот ваши сенсации*», не так ли? — сказал Элипут.

Беликан захохотал.

— Вот именно. Теперь, друг мой, Вы поняли, что к чему.

— Знаете что? — сказал задумчиво Элипут. — Может быть, Вы и правы. Но я уже хочу домой. Сами ходите по своим глинам и облучайтесь.

* * *

Домой Элипут вернулся потрясённый и тотчас впал в творческую депрессию.

Весь мир его рушился. Выросши возле родного водоёма, в котором вся жизнь зависела от изменения *pH* на единицу, и в котором всякое изменение имело свою причину или являлось равнодействующей нескольких, но вполне конкретных причин, — он не мог привыкнуть двигать континенты, не мог представить себе чудовищного мира Беликанов.

— Допустим, я добавлю к этой воде — ещё воды, бедной торием, — бормотал он. — Ведь всё равно количество тория в этом водоёме возрастёт, как ни крути. Значит, для того, чтобы *уменьшить* количество тория в этом водоёме с этим количеством воды, мне не остаётся ничего другого, как спустить воду и провести новую, бедную торием, как предлагает этот дикарь Беликан. Но ведь никто и никогда не видел таких чудовищных катастроф. Неужто одна «фация» сменяет другую «фацию», ничего не наследуя? Неужели в разных фациях процессы всякий раз начинаются с нуля?

Дело принимало весьма серьёзный оборот.

Дело, которое началось с мелочей, по сути дела — с тараканов — становилось роковым вопросом бытия.

Дискретен ли мир, и тогда его «кванты» можно считать независимыми друг от друга, и описание процесса как непрерывного является просто

пустой формальностью? Или он всё же непрерывен, и тогда не нужно всякий раз опоражнивать ведёрко и наполнять его заново другим содержимым?

* * *

Как-то Элипут поделился раздумьями со своим приятелем Гагатуриным. Гагатурин был необычайно экспансивен. Любая мысль — своя или чужая — приводила его в восторг. Вообще тот факт, что его мозг функционирует, то есть *выделяет мысли*, подобно тому, как печень выделяет желчь — не переставал восхищать его сам по себе. Его восторженность не давала ему возможности дослушать ни одной идеи, ни одной лекции и ни одной телепередачи.

Слушая Элипута, он непрерывно перебивал его ликующими возгласами. Когда потом восстановили магнитофонную запись этого разговора и вырезали все реплики Элипута, получилось следующее:

...Мир дискретен! Беликан гений!

...Мир непрерывен? Беликан дикарь!

...Мир, разумеется, дискретен!

...Само собой, мир непрерывен!

...Если бы мир был дискретен, мы не могли бы рисовать непрерывные кривые! А мы их всё же рисуем! Значит, он непрерывен!

...Если бы мир был непрерывен, у нас на графиках не было бы точек. А они у нас есть! Значит, мир дискретен!

...Беликан — голова!

...Да пошёл этот Беликан со своими фациями...

...Да пошёл ты со своими ведёрками...

Таким образом, беседа с Гагатуриным не способствовала воцарению мира в душе бедного Элипута.

Оставалась ещё надежда, что рушащийся мир удастся удержать с помощью знакомого Софизика.

Софизик занимался тем, что в свободное от служебных обязанностей время охотно сотрудничал с Нефизиками. Он обладал поразительной способностью в мгновение ока перевоплощаться то в Солитолога, то в Согеохимика.

Самым впечатляющим результатом его деятельности было то, что его клиентура, поработавши с ним, всегда начинала казаться себе гораздо умнее, чем раньше. Поэтому Софизика все нежно любили, и у него никогда не было врагов. Его отличало полное отсутствие экстремизма и величайшая терпимость к умственной неполноценности своих клиентов.

Софизик участливо выслушал Элипута и, подумавши, сказал, что, по его мнению, в мире не произошло ничего особенного.

— Если Вас устраивает непрерывная модель мира — пользуйтесь ею. Если, конечно, эта аппроксимация удовлетворительно объясняет Ваши

кривые. Не всё ли Вам равно, *как в действительности* устроен мир? Этого никто не знает. Может быть, если Бог есть, и если Он создавал этот мир, то Он знает... А зачем *нам* это надобно знать?

Элипут ушёл от Софизика просветленным.

Всё стало на свои места. Слава Богу, в его водоёме никакого тория не водилось, и надо думать — и не будет.

...А о своих беседах и потрясениях в стране диких Беликанов, он, состарившись, рассказывал иногда внукам, покуривая трубочку на завалинке теплым летним вечером, наблюдая за тем, как по зеркалу воды бесториевого водоёма плавают его домашние утки.

Воркута — Сыктывкар, зима 1972

Э. Лосева. Сысола. Вид на Красную гору. Темпера.

Друг отправился
черт-те куда...

Николай Герасимов

А ГОРА ОСТАЕТСЯ ГОРОЙ

Альпиниада на Казбек, стартовавшая в Северной Осетии 4 сентября, близится к своему завершению. 6 сентября спортсмены достигли Казбекского плато, расположенного на высоте 4149 метров над уровнем моря. Где и был разбит штурмовой лагерь, с которого начнется основной подъем на вершину.

По словам руководителя группы Казбека Хамицаева, первая группа альпинистов, состоящая из 40 человек, уже достигла вершины, а после чего погода на склонах Казбека резко ухудшилась. Температура упала до 20 градусов ниже нуля, а порывы ветра стали достигать 30 м/с. Это помешало оставшимся 130 спортсменам продолжить восхождение. Все они пережидают непогоду в штурмовом лагере, но уже 10 сентября рассчитывают на то, что им удастся достичь намеченной цели — метеорологи прогнозируют на этот день благоприятную для восхождения погоду — заверил известный альпинист, который встретил свой очередной день рождения на вершине Казбека.

(ст. «Казбек в очередной раз покорен»; газета «Северная Осетия»; 10 сентября 2010 г.)

Так распорядилась жизнь, что нашей группе повезло стать участниками альпиниады на Казбек, посвященной 100-летию восхождения на пик Сергея Мироновича Кирова. Просто совпали планы, сроки, маршрут, цели, времена: стартовав четвертого сентября, мы уже седьмого числа с коллегами по удаче из России, Казахстана, Германии, Словении праздновали свою соленую победу на вершине.

Вместе с тем, мы были самостоятельной командой, давно задумавшей записать в актив хорошую Гору. Еще в мае я позвонил своему университетскому другу Киму Абдулкагирову и предложил: «А не пора ли нам сбегать на Казбек?» Он, сославшись на занятость, рекомендовал встать под флаги организуемой в Северной Осетии альпиниады. В июле-августе собираю старых друзей в дорогу и, учитывая советы бывалых альпинистов, знающих не понаслышке про осетинское гостеприимство, ре-

шаем сохранить здоровье и двинуться на маршрут независимо от всех, в ускоренном — если погода позволит и здоровье не подведет — режиме. Находим по интернету проводника, который знает тропу: он к нашему прилету оформляет пропуска в пограничную зону, готовит недостающее снаряжение, закупает продукты. (Интересующимся стоимостью путешествия сообщаю: все удовольствие без билетов до Беслана потянуло на тридцать три тыщи российских рублей.) И вот уже завершены все дела, взят на неделю отпуск, принесен в жертву День Нефтяника. В прошлом остаются Сыктывкар и Внуково, командир лайнера благодарит пассажиров за выбор компании «Донавиа» — и мы из северных холодов спускаемся в тридцатиградусную жару владикавказских равнин (живут же люди!) Сослан, наш проводник, тонкий как лоза осетин, ждет на выходе. К прилетевшей четверке — я, Володя Полянский, Вадим Филиппов, мой брат Саша — присоединяется Ким, не выдержавший махачкалинского чиновничьего быта. Быстро грузимся в потрепанную «газельку» и торопимся в Кармадон, чтобы до вечера успеть прогуляться к первому лагерю. Уставшая от зноя долина Терека, пышные леса предгорий («зеленка»), тягучие виражи горной дороги и простор перевалов, дымчато-белый Казбек на горизонте. Пара часов — и мы на месте. Ну, здравствуй, Гора! Да благоволит нам удача!

Казбек (высота 5033,8) — как и Эльбрус, как и Арарат — гора именитая, обросшая многочисленными схожими легендами (о прикованном Прометее, Ноевом Ковчеге....), от каждого народа имеет собственное название. Последнее пришло от русских в начале XIX века: имя владеющего землями князя Казбека и перекочевало на аул Казбеги, а затем и на заснеженного великана. Мы привыкли к нему с детства, но лучшее ли оно, не знаю: грузины зовут гору Мкинварцвари (гора с ледовой вершиной), осетины — Урсхох (белая гора), чеченское имя — Башлам (тающая гора). Так что имена меняются, а горы остаются и при этом более доступными не становятся.

Первое восхождение на вершину совершено в 1868 году англичанином Д. Фрешфельдом; в 29 июля 1889 года на пике стоял исследователь Кавказа А. В. Пастухов, сопровождаемый местным жителем Тепсарико Цараховым. После них наверх пошли одиночки и группы, профессионалы и любители, безмятежная юность и седовласая зрелость. Коллективизм советских лет довел это индивидуальное дело до тысячных шествий. Впрочем, новая история — тоже относительный факт: христиане, построившие на четырехкилометровой высоте пещерный монастырь Бетлеми и Троицкую церковь в Гергети, вполне могли случиться не менее упрямыми восходителями, ибо мечта заглянуть за горизонт — движущая сила любой цивилизации... Казбек впустили в сердце и оставили о нем память Александр Пушкин и Михаил Лермонтов, Илья Чавчавадзе и Коста Хетагуров. Да что тут говорить — не было поэта, отмолчавшегося бы при встрече с этой вершиной.

...Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный над горами....
[Александр Пушкин]

...в хмурых горах, среди вечного снега,
Вешнего утра звенит золотая струна.
Так золотыми лучами на склонах Казбека
Майское солнце выводит свои письмена.
[Галактион Табидзе]

Стихами и думами вровень с вершиной
Гергети
Стоишь на хребте, озирая хребтов корабли.
И воет лавина, ломая деревья как плети,
И стонет, как демон, ворочаясь в снежной пыли.
И в звездном венце,
в золотом вечеряющем свете
Восходит Казбек — вдохновенное чудо земли.
[Александр Гомиашвили]

Удерживаюсь от искушения цитировать Михаила Юрьевича Лермонтова — там Кавказ в каждой третьей строке! — предлагаю читателю самостоятельно окунуться в эту поэтическую реку, но тягучими и хмурыми вечерами я читал друзьям по палатке его великие стихи.

В нашем далеком и босоногом детстве непонятное слово «КАЗБЕК» глядело на нас с коробки папирос, над которым чеканный черный профиль горца на коне вздымался над белым хребтом и синим небом, ласкала слух своей загадочностью и бернесовская строка: «В ответ раскрыв «Казбека», ответил Костя с холодком...» Кто их сегодня раскрывает, курит, помнит?

Заглянем в дневник, читатель?

03.09.2010 г.

Ура! День завершен, рюкзак в полной готовности неделю ждет на балконе, билеты греют душу, впереди — Г О Р А. На следующей неделе в моей судьбе случится Казбек, к которому я примериваюсь уже третий год. К этому путешествию готовился, как никогда, тщательно: много тренировался, обретал физические кондиции, ходил с друзьями на г. НАРОДУ, залатал походное снаряжение от палатки до ветровки, основательно проштудировал статьи в интернете, вдумчиво подобрал себе команду. Впрочем, последнее — жест: с братом мы идем на третью вершину; с Володей Полянским

живем на одной тропе четверть века; Ким Абдулкагиров, мой университетский однокашник, три года тянувший меня на Казбек, сам примыкает к нам; Вадим Филиппов, сыктывкарец, родня по духу, только что сходил на гору Белуху (надеюсь, легко впишется в наш состав) и решил закрепить успех. Саша, к месту будет сказано, только что вернулся с Байкала, где на «Мире» совершил погружение на глубину — 1367 метров: в случае нашего успеха его сентябрьская вертикаль вытянет почти на 6,5 километра. (Погружением своих сотрудников завершила двухлетние исследования на озере компания Миши Слипенчука.)

Предвкушаю маршрут: жара Владикавказа, горечь и безжизненность отутюженного селем Кармадонского ущелья, знобящий холодок Майлинского ледника, шершавая вертикаль скал, и где-то далеко-далеко, »за семью горами, там за недоброй тучей» двугорбый красавец-Казбек, — с которого впервые взгляну «на холмы Грузии....».

Метеопрогноз на ближайшие десять дней близок к идеальному: солнце, солнце, солнце! Впереди неделя тишины, снегов, неба, жизни без сыплющихся как из рога изобилия новостей: наши футболисты вяло и неинтересно побеждают Андорру; Азербайджан открывает площадь Флага; на южных рубежах страны горят леса и деревни; 84-летний Фидель Кастро волнует двухчасовыми речами сердца молодежи; баррель нефти упорно лезет вверх...

04.09.2010 г.

Кармадон — Верхние минеральные источники.

...16.00 Курорт Кармадон — когда-то процветающая здравница и незавершенная стройка социализма, попавшая под двадцатилетнюю лавину рынка. Не думалось, что наши южные рубежи имеют схожий с воркутинским ландшафт. На фоне разрухи и недостроя, зияющего пустыми окнами многоэтажек, приютившаяся в распадке погранзастава врисована в пейзаж уютным зеленеющим крышами городком, собранным из детского конструктора.

Пока Сослан оформляет на заставе документы, перетрясаем рюкзаки, раскидывая по ним продукты и топливо, переодеваемся, делаем прощальные звонки (жене, друзьям, коллегам по нефтянке), оставляем у погранцов цивильную одежду, за триста рублей уговариваем — он с утра готов! — местного водителя подбросить наши вещи вверх по ущелью на 8 км, и, еле сдерживая прыть, трогаемся проселком по склону р. Геналдон, минуя погранзаставу, разнесенную советскую здравницу «Кармадон», сосновый лес, выбираемся на альпийские луга частью одичавшие, частью выкошенные (с неровными рядами копен — здесь в разгаре сенокосы — свозимыми каким-то крестьяниным на старой «ниве» в село). Проселок врезанный в склон по лекалам гармонии каким-то безвестным архитектором настраивает на ходьбу.

Полуразрушенные сторожевые башни на перегибах холмов (так и всплывают из памяти слова: «В глубокой теснине Дарьяла», тем более, что Дарьял рядом — за соседним перевалом), семейная каменная усыпальница с мемориальной доской: «В этом фамильном склепе похоронен Дзауг Бугулов, основатель села Дзауджикоу, возле которого 6 мая 1784 года была заложена крепость Владикавказ». Обветшавшие каменные пирамиды хранят дыхание веков, помнят лики построивших их народов и, позабыв о своем назначении, растерянно смотрят на непонятный им мир.

Селение Тменикеу: три беленых известкой дома, сараи, стога сена, кошары, огороды, телята, гуси, лай сторожевых собак. Здесь жил когда-то охотник за турами, восходитеть и пассионарий Тепсарихо Царахов. Просмоленный ветром и солнцем старик, встретивший нас у окраины, спрашивает:

— Откуда вы? — Воркута... — Нэ знаю такой.

Замечательно, что кто-то на земле не знает слово «Воркута».

За пару часов добираемся до передового погранпоста — защитно-полосатой будки с прорезями на все стороны света, где дежурная смена вносит наши имена в амбарную книгу, (учитывая номера пропусков, замыслы сходить в этом году на гору имели 2,5 тысячи человек). Берем с обочины тридцатикилограммовые рюкзаки и продолжаем путь строго на юг, быстро утрачивая любопытство и желание вертеть головой. Ноша, незаметная вначале, обретает с каждым часом вес, достигая ненавистной тяжести к концу пути. В ущелье стекаются из распадков сумерки, быстро переходящие в ночь, а нам еще пару часов пилить по едва различимой каменистой тропке к своему первому ночлегу, ломая ноги на курумах, стирая с лица пот, теряя счет времени.

Но все кончается: преодолев 16 км, вползаем на каменистую террасу, пестрящую светляками огоньков и двумя десятками палаток. Находим пару свободных площадок — капониров, разбиваем свои. Все! Мы — дома! Высота 2300 — верхние минеральные источники («Карм дон» (осет) — горячая вода), открытые незабвенным Тепсарико аж в 1847 году: когда-то до этой части долины доходил ледник и горячие ключи курились сквозь его трещины. На месте ключей предшественниками были отстроены пяток добротных каменных ванн и нет человека, который бы не окунулся бы в эту купель. Естественно, первым делом идем купаться. Ты, уставший как черт, входишь в парящую горячую воду, выбираешь удобное место у каменной стенки, вытягиваешься....и — нет за спиной трудного дня с его перелетами, дорогой. Исчезает время, утекает усталость, беспокойно ворочается затихающий лагерь, вершит свой круговорот черный небесный свод. И нельзя поверить в то, что еще час назад ты кувыркался на зыбких осыпях и материл себя за невыветрившуюся за жизнь романтику. Пары и одиночки выбредают из темноты, находят свое место в источнике. Не обходится без русалок.

Небо нависает гроздьями звезд озаряет черноту ночи («Ночь, полная созвездий, какой судьбы, каких известий ты широко сияешь книга? Свободы или ига. Какой прочесть мне должно жребий на полночью широком небе?» В. Хлебников.). На земле, в заботах и делах, мы разучились вглядываться в небо, забыли про звезды — некогда, не до них: созвездия вершат свой круговорот сами по себе. Мы просто забыли про свое детство, когда каждая звезда на небе загоралась именно для тебя, озаряла твои замыслы, освещала твой путь. А жаль. С севера темноту размывают желтеющие зарницами долинные селения; с юга, с ледника, тянет свежий упругий ветерок.

День испит до донышка. И хотя лагерь никак не угомонится, полнясь смехом, разговорами, шорохами и шепотами, пора в спальник.

05.09.2010 г.

Верхние минеральные источники — Крест (2300—3500 м).

У кого-то сегодня День Нефтяника, а кому-то тягучая тропа наверх к отметке 3500.

Подъем (7.30 ч), завтрак, сбор, выход (10.00 ч). Висячий мост на речке Белой. Передовая морена грязно-серой тушей моржа преграждает путь. Меню на ближайшие дни — ты хотел этого?! — курумы, морены, ледник, скальные стены, осыпи, осыпи, осыпи. В километре от лагеря выбираемся по веревке через 10-метровый ледовый уступ на ледник Майли и двигаемся по его ощерившейся камнями хребтине к ледопаду, надевая по ходу «кошки» при переходе трещин, вслушиваясь в музыку несущихся по леднику потоков воды, кое-где прокидывая для страховки веревку. Ледник ворочается, хрустит, живет своей мамонтовой жизнью, шумит подледными голосами, синеватые пасти ведущих к нему ущелий дышат лавинами. Когда-то в первое заполярное «поле» у меня написались слова, в которых сегодня узнается Майли:

Белой лентою снежник с вершины спускается.
ОН как мамонт могуч, он жаре неподвластен;
ОН достиг половины — ему ниже мечтается:
И томит и зовет его замысел властный.
Не об этом ли вздох по утрам над долиною
Сизым облачком, словно сиянье, витает?
ОН когда-нибудь вниз оборвется лавиною —
ОН узнает, что там!...
И спокойно растает.

Пройдя пару километров перед ледопадом, жмемся к правому борту, перебираемся на скальный контрфорс, выбираем распадок, по которому еле заметно струится тропа, и черепашьим шагом начинаем многочасовой взлет в небо.

Сил мне хватает на первые пять часов, дальше начинается маята: рюкзак обламывает плечи, стягивает вниз на осыпях, так что часто героический рывок вверх завершается отдыхом на том же самом месте. Хребет — стена — подпирает неровной зубчаткой небо и, временами кажется, что тебе никогда-никогда не выцарапаться на гребень. Вокруг погромыхивают камнепады, с ледников Малка и Майли лавинами облетают согретые солнцем снега, но для тебя это лишь фон, сопровождающий убийственно-неторопливый путь в небо. И, тем не менее, 3500 метров — сегодня моя пусть тяжелая, но не автопилотная высота, сложенная из скал, осыпей, пота, прожитых 54 лет и восьмичасовой работы.

С ровной площадки, над которой парит останец с крестом, во всей красе открывается вид на ущелье, вместившее два дня пути с желтым еле различимым пятном вчерашнего приюта, с белой и рваной громадой сползающего с подковы хребтов ледника. Перед нами зияет трещинами угрюмая спина ледопада, обрамленного пиками вершин Мейлихох (4597,8), Джимарай (4780,1). Казбек мы увидим только завтра.

Высящийся на скальном останце крест возвращает к Михаилу Юрьевичу:

В теснине Кавказа я знаю скалу,
Туда долететь лишь степному орлу,
Но крест деревянный чернеет на ней,
Гниет он и гнется от бурь и дождей.

Сегодня компанию степному орлу составит наша азартная пятерка. Количество забравшихся на эту высоту раза в два меньше, чем встреченных в первом лагере.

Вечер. Ужин. Сто граммов за нефтянку. Отбой.

06.09.2010г.

Крест — Казбекское плато (3500—4200).

Подъем в 7.30 ч. Завтрак. Выход в 10.00 ч.

По гребню пика КВЖ по набитой тропе движемся вверх — скалы, осыпи, скалы...

Много «живых» камней — реальна опасность спустить «чемодан» на идущего сзади. В целом маршрут мало чем отличается от вчерашнего: чуть круче, чуть короче (всего пять часов!), чуть скалистей. На полпути нам встречается возвращающаяся с вершины команда молодежи (пара девушек, тройка парней), еще вчера поутру, начинавшая с нами путь на гору. Есть чему позавидовать (хотя у них за спиной только что пройденные тяньшаньские семитысячники)!

В 15 часов выползаем на плато, где располагается обычно штурмовой лагерь: на щебнисто-гравийной площадке находим место под солнцем среди десятка уже приютившихся в капонирах палаток. Погода ломается: тучи

громоздятся на большинстве вершин, пытаются через перевалы пробиться на север, осыпают лагерь крошевом белоснежной крупы, порой недовольно погромыхивают: мол, зачем вы здесь?

Казбек как на ладони, хотя почти все время закутан облаками то с одного, то с другого бока. Мрачен, холоден, неприветлив. Красавец!

Самочувствие на редкость хорошее: никаких признаков головокружения, тошноты, нехватки воздуха. «Горняжка» в этот раз крутит одного Кима, что, впрочем, не мешает ему бегать по тропе с мальчишеской ловкостью (дагестанское горное детство — стихия, пронизавшая все поры).

На этой высоте есть связь: удивил Ольгу своим неожиданным звонком.

Поспав пару часов, готовим снаряжение к завтрашнему восхождению: рюкзаки, питание, вода, кошки, одежда, веревки. Володина клюква разводится и разливается по термосам, моя оленина вносит колорит в сытный ужин. За повара в нашей компании Сослан — и это не единственное его достоинство.

Отбой в 21.30 ч.

07.09.2010г.

Казбек (4200—5033.7—4200)

Шевеление в лагере начинается в четыре утра. Всю ночь ураганный ветер убеждал его постояльцев отказаться от восхождения. Оценив ситуацию, решаем рискнуть. Собираемся, завтракаем наскоро и в 6.10 выдвигаемся налегке по леднику к синевато-розовой, похожей на сфинкса, двуглавой громаде Казбека. Тучи с вершины сдернуты, холодный розовый рассвет заполонил восток, подкрашивая в этот же цвет снега. Вот он, пушкинский монастырь, откроешь ли ты нам свои ворота через несколько часов? Мне ГОРА напоминает белоснежного гепарда, улегшегося на дальнем краю плавно воздымающегося плато спиной к северу с гордо поднятой полу-повернутой головой, чернеющей пятнами скал, в сторону Грузии. Охраняет покой двух стран, соединяет их, стережет границу. Ждет гостей: российских, грузинских? С поперечной скально-заснеженной гряды (перевала Майли), разделившей надвое путь от лагеря на вершину (на нее мы выбираемся через час пути) впечатление еще грандиознее: Казбек увеличивается в размерах до полнеба, окружающие вершины на его фоне начинают теряться, к востоку плато обрывается каскадом вертикальных стен, вправо, к западу, плавно течет ледником в две разбежавшиеся страны. Перед нами синевато-белая, снежно-ледяная, холодная громада, пугающая морщинами перегибов, рубцами трещин. Нам по этой крутизне — серпантином — с запада на восток — вверх и вверх — на седловину — под самую холку гепарда — три часа хода. Страхуемся, 6 человек на веревке: Сослан — Володя — Вадим — я — Ким — Саша и по хрустящей нахожен-

ной стежке идем, как космонавты по Луне, северным склоном ГОРЫ, видя лишь ближние впадины, перегибы, складки, лощинки, отроги. Да и это временами; чаще — спина впереди идущего, цепочка следов, красная змейка веревки. Когда силы кончаются, веревка натягивается, тормозит шествующих впереди, паровоз останавливается — перекур! Постоял, отдышался, почувствовал, что из ног ушла усталость — и снова вперед! За нами снизу тянутся три группы, вверху — пунктиром — шестерка, пришедшая часом ранее с грузинской стороны — через какой-то миг будет пить чай на вершине.

Под предвершинной полкой-перегибом выдыхаюсь основательно, до такой степени, что в душу закрадывается мысль: «А может ну ее, эту ГОРУ?». Но как выпадешь из связки? Два десятка шагов и мы на седловине! Белая чистая снежная постель, на которую без сил валишься — подарок за четырехчасовую пахоту. Даже ветер, все время бьющий в лицо, стихает. Глоток клюквы из фляжки — нет божественней напитка на земле! А до вершины всего 130 м!!! Боже мой, какому идиоту десять минут назад приходила в голову мысль туда не подниматься!? Нет, это мой день!

Последний подъем, разделанный на три этапа: до скал по льду — 50 метров — страхуемся веревкой; вдоль скал (ухо гепарда!) индивидуальное лазание; последние метры по все более выположивающему склону — арбатская прогулочка вполуразвалку, не торопясь, оттягивая последний шаг к финишу. И, вот он, перегиб! Ура! Здравствуй, Казбек!

Из тысячи тысяч людей, прошедших мимо, увидавших Тебя издали, немногим удается быть Твоими гостями. Мы — сегодня — из этих счастливцев! (Зачем? Кому это нужно? Стоит ли игра свеч? — Вопросы не к нам.) Просто стоим на вершине, трогаем руками облака, говорим друг другу какие-то детские чистые истины, вглядываемся вниз в холмы Грузии и России, дышим их ветрами, фотографируемся. Отсутствие на вершине реперов, компенсируется количеством флагов, обнаруженных в рюкзаках: Алания, Адыгея, Коми, компания «Метрополь», Казахстан... (А. Пастухов и Т. Царахов, вступив на вершину в 16.00 ч, закрепили на ней красное трехметровое полотнище, которое было видно из ближайших селений простым глазом, а из Владикавказа — в бинокль). Немцы, чехи, казахи, россияне... Двое ребят из Чимкента поднимают тост (у Сослана для этого повода нашелся настоящий рог, в который очень вовремя заполняется ждавшая этого мгновения клюковка) «За то, чтобы никакие границы не сумели разделить великую страну, которая называлась Советским Союзом!» Согласен. Мы, стоящие на гребне в ряд, люди одной земли, которую бессмысленно делить в 21 веке.

Так тепло, безветренно меня не встречала ни одна вершина. С каждой, начиная замерзать, прошибаемый ветрами до позвоночника, ты торопился быстрее свалить вниз. Здесь хотелось стоять, смотреть, дышать, никуда не торопиться... Счастливая вечность вмещается в тридцать минут.

В 11.50 ч. начали спуск. Конечно, не вразвалочку, но и не очень торопясь, сматывая нить, протянутую поутру. Володя с Сашей убежали вперед, мы часть склона прошли со страховкой, не рискнув освободиться от нее и на седловине.

Через два часа ходьбы команда в полном составе возвращается в лагерь. Все! Вместе с уютом палаток пришла дикая усталость, когда нет сил сделать элементарный шаг. Правда, через пару часов сна ты в полной форме!

Погода на глазах портится (вот тебе и интернет-прогноз), ветер рвет палатки, снег наждачкой ласкает склоны и лица, видимость скукоживается на глазах — миг — и уже ближайших скал не видно! Ребятам, пришедшим снизу, не позавидуешь: ненастье может спутать им все карты, оно — самый непредсказуемый и ненадежный партнер на восхождении. Узнаем, что среди пришедших в штурмовой лагерь Владимир Николаевич Шатаев. Во, молодчина, нам бы такой азарт в 73 года! Саша сходил к нему в гости: они с Шатаевым в 2000 году вместе поднялись на Аконкагуа. (Мне, кстати, вместе с Вл. Ник. в марте прошлого посчастливилось вместе жить у горы НАРОДА. От той тропы в его книге «Категория трудности» (кто помнит?) у меня остался бесценный автограф: «Н. Н. на добрую память о совместном восхождении на вершину Народа (1895 м) с пожеланиями достичь своего Эвереста в жизни. В. Шатаев. 13.3.2009»). Ужин под усиливающимся снегопадом. Надежный уют палатки. Вечером под рев ветра коллегам по судьбе вслух читаю «Мцыри». Михаил Юрьевич для этой ГОРЫ самое то.

08.09.2010 г.

4200—2300 м.

Всю ночь ветер, сбивающий с ног, утюжил Казбекское плато, терзал палатки, пытаясь пробить их снежной картечью. Утром никакой речи не было не только о восхождении, но и о спуске. Восходители, отряхиваясь от снегов, считали потери: сломанные стояки, унесенные вещи и искали более безветренные места в карманах склона. К полудню Саша все-таки уговорил Сослана двинуться вниз. Быстро собрались и приунывшие от ветра, холода, снега, лежания в спальниках, рванули вниз, радуясь, что палаточное бездействие сменяет тропа, цель, далекое тепло долины. Склон, по которому два дня царапались вверх, удивлял новизной, крутизной, требовал предельной собранности, напряга, выверенности каждого шага. Одно повторялось: осыпи сменялись скалами, скалы — осыпями — и конца этой муке не было видно. Накатывающий из ущелья туман сводил видимость к нулю, окутывал моросью, чтобы через десяток минут обнажить вновь всю глубь ущелья, грязные заплаты ледника, на который должна вывести нитка тропы, желтое расплывчатое пятно лагеря. Ко всему этому прибавля-

лась опасность спустить камень на впереди идущего товарища, встать ногой на «живую» глыбу и сорваться вслед за ней, не удержать равновесие на крутизне или влажной сыпучей осыпи. Слава богу — не спустили, не сорвались, не соскользнули, удержали.

У перехода на ледник вертикаль скал заставила воспользоваться провешенными веревками, на которых пришлось вспомнить навыки горной подготовки и едва не потерять сорвавшегося с них примкнувшего к нам светлого паренька Алешу из Адыгеи.

Ура, ледник! Как легко топать по ровному бирюзово-зеленому паркету льда, слушать щебет ручьев, перешагивать трещины! Проходит, однако, час и весь этот шорох, хруст, скрип достает до чертиков. Фронтальная часть ледника — бесформенная свалка камней высотой 10—20 метров, делает тропу едва проходимой. Тут начинается эквилибристика и неотвратимый шанс подвихнуть ногу, сломать шею, разбить лоб, нос, голову (Ким этим шансом счастливо воспользовался). После 4-х часов путешествия рюкзак начинает серьезно качать свои права и ноги с радостью ждут мало-мальского подъема. Где только взять его на спуске?

Но когда идешь домой, все кончается: и склон, и ледник, и передовая морена. Вот знакомые два холма, вот висячий мост через вздувшийся пенящийся поток речки Белой, вот последние двести шагов и ты завершаешь путь!

Молоко тумана, морось, вязкие сумерки — в них даже рев ручья сходит на нет.

Ставим палатки и на ходулях ног «мчимся» к источнику. А, счастье, оказывается, есть!

Отмокаем в горячей нарзанной воде от пяти дней пахоты, дороги, ветра, пота, холода. Из схрона достаем две бутыли пива, сыр, которые прямо в ванне запускаются по кругу. Тост за Создателя (как поведал Сослан, первый тост осетин), за ГОРУ, за друзей...

Туман серой ватой забивает все плотней ущелье, по которому восемь лет назад именно в эти минуты со скоростью более 300 км/час нес гибель сорвавшийся с Малки сель.

09.09.2010

2300 м — с. Кармадон — г. Владикавказ

Ну, вот, и последний день нашего маршрута: Верхние источники — Кармадон. Побелевший за ночь туман зарядами восходит по ущелью из долины, между ними — лазуритовые проблески неба. Наверху — разгул непогоды: это значит — и сегодня на восхождение никто не выйдет. Есть опасение, что ненастье затянется на несколько дней (так оно и случилось!). Алтайские стихи, завершенные в нынешнем путешествии — и про зависших на плато ребят:

Четвертые сутки терзает палатку пурга,
Бесчинствует ветер подобно ватаге абреков,
На белые флаги со скал обрывая снега
И ими пути выстилая в варяги и в греки.

При каждом порыве обитель встает на дыбы
И падает в пятки душа от смертельной потехи.
Немые свидетели шалой вселенской гульбы,
Валяемся в спальниках в паре шагов от успеха.

Растяжки тоскливо гитарной струною звенят,
Скулит брезентуха как туго натянутый парус:
И пламенем синим все замыслы наши горят,
И нет до нас дела в медвежьем углу Сыктывкаре.

Глухой непогодой отрезаны в небо пути,
Лавинами стерты на грешную землю дороги.
Одно остается — в холодные скалы врасти,
Скупыми словами суметь достучаться до бога.

Кураж растерявши, к нам милость проявит пурга
На пятые сутки.
Улыбкой расправив морщины
На лицах заросших, в тишайшие ступим снега
И встретим рассвет на сияющей в небе вершине.

В 11 часов полу-подсохшие от суточной непогоды, принявшие очередную порцию нарзанных ванн, стартуем вниз. Осыпи и скалы мало-помалу переходят в альпийские луга с пятнами кустарников, каменистая тропка — в добротный проселок. Устать, правда, удается — это итог работы всех предыдущих дней, полная забитость ног; да и рюкзак, затяжелевший от дождей, делают свое дело. Но путь к дому всегда легче дороги в неизвестность.

В Кармадоне нас ждет знакомая «Газель». Мэлз, водитель, достает бутылку шампанского. Ребята, спасибо всем, мы случились хорошей командой! Сослан, тебе особый поклон! Ты был надежен, немногословен и паству свою на казбекских кручах не растерял.

Наверно, и впредь, от равнины до ГОРЫ будет, как маятник, раскачиваться наша зыбкая жизнь. В такт словам Юрия Визбора:

Вот так и ложится на сердце гора за горой,
Их радость и тяжесть, повенчанные с высотою.
Мы снова уходим, хоть нам и не сладко порой,
Уж лучше тяжелое сердце, чем сердце пустое.

Сегодня мы возвращаемся домой с легким сердцем. Замыслы для него придумаем завтра. До следующей ГОРЫ, ребята!...

Постскриптум

Шесть дней тишины, накопленной в душах за наше путешествие, разбиваются о реалии жизни. Когда мы наматывали последние километры на спуске, во Владикавказе случился очередной теракт: сотня раненых, два десятка погибших. Посещение бесланского кладбища «Город Ангелов», откуда неделю назад в шестую годовщину беды под звуки метронома взмыло 346 белых шаров, отозвалось глухой и долгой болью в сердце: более страшного места мне в жизни видеть не приходилось....

Кармадонский монумент, оплакивающий шесть десятков нечаянных свидетелей стихии, подставивших под нее свои жизни. «Мы остались без вас, Вы остались с нами...». Это все — наша жизнь, в которой минуты тишины и равновесия сменяют минные поля будней.

Евгений Калинин

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОГО ТУРИСТА [70-Е ГОДЫ XX ВЕК]

За свою жизнь мне кроме многолетних экспедиционных исследований на Приполярном Урале удалось побывать уже в качестве туриста в целом ряде стран: 1) Чехословакия — 1967 г.; 2) Болгария — 1972 г.; 3) Югославия — 1976 г.; 4) Англия — 1977 г.; 5) ГДР — 1983 г. Каждая из этих стран интереса своей самобытностью, своей историей. В те далекие годы страны социалистического содружества (Чехословакия, Болгария, ГДР) были, казалось бы, едины в своих устремлениях к светлому будущему. Югославия уже пережила свой разрыв с СССР и постепенно приближалась к коалиции с Западом. А Великобритания наряду с США продолжала оставаться оплотом западной буржуазной демократии, но при этом сохраняя все традиционные черты своего образа жизни, включая наличие бутафорского символа королевской власти, вплоть до современного официального названия государства — Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии.

Наша поездка в Великобританию (21 сентября — 1 октября 1977 г.) была организована «Спутником». Так называлось Бюро Международного Молодежного туризма, которое сотрудничало более чем с 400-ми молодежными, студенческими, профсоюзными и туристическими зарубежными организациями. Принимающей стороной была так называемая «Рабочая группа», которая осуществляла по линии молодежного туризма связь со странами Восточной Европы. И уже до нашей поездки в Великобританию в СССР побывала в порядке обмена группа молодежи из Норфолка (Восточная Англия).

Группа наша состояла из 26 человек, в том числе 15 человек — из Коми АССР и 11 — из Киргизской ССР. В составе группы научные работники, инженеры, студенты, медицинские работники, учителя. Очень существенным явился тот факт, что практически каждый третий из нас в той или иной форме владел разговорным английским языком, особенно наши девушки, четверо из которых работали преподавателями английского языка в средних школах. Это очень помогло нам в тех многочисленных встречах и беседах, которые состоялись в процессе этой интересной туристической поездки.

Программа пребывания нашей группы включала знакомство с достопримечательностями Лондона (3 дня), Кембриджа (1 день) и Нориджа (6 дней). Ближе всего мы познакомились с образом жизни, работой, отдыхом людей Восточной Англии (Норфолк), одного из сельскохозяйственных районов Великобритании, центром которого и был город Норидж.

За короткие 10 дней (21.09—1.10.1977 г.), которые были отведены нам неумолимой Программой, кроме чисто экскурсионных и театральных визитов, состоялись многочисленные встречи и другого рода. За это время нам удалось побывать на текстильной фабрике в окрестностях Лондона, на настоящем английском футбольном матче в Нориджe между «Норидж-Сити» и «Арсеналом», на пищевом заводе «Колман Фудс», на фермах, в начальных и средних школах, в университете, в медицинском центре Нориджа, на заводе по производству гоночных машин и т.д. Лорд-мер Нориджа мистер Ральф Роу принимал нашу группу: состоялась беседа по интересующим обе стороны вопросам. Одним из интереснейших моментов программы явились однодневные визиты в английские семьи, когда мы смогли своими глазами увидеть особенности английского быта. Все это помогло нам ближе узнать жизнь и проблемы современной английской семьи.

Обо всем этом я и попробую рассказать в своих путевых заметках, разбив их на ряд тематических разделов, которые лично для меня показались наиболее интересными и запоминающимися. Тех же, которые хотят более подробно узнать о жизни современной Великобритании, я хочу отослать к великолепной книге Владимира Осипова «Великобритания глазами русского», которая позволит увидеть главное, что составляет суть людей, вещей и общественных взаимосвязей в современной Великобритании.

Аэропорт Хитроу — воздушные ворота Великобритании

Понадобилось всего три с половиной часа летного времени, чтобы на комфортабельном лайнере ИЛ—62 преодолев расстояние в 2600 километров со скоростью 950 км/час, на высоте 10 км попасть из аэропорта Шереметьево в аэропорт Хитроу. Вылетели в 12.30 по московскому времени а прилетели в 16.00 по лондонскому. Разница во времени — 2 часа.

Аэропорт Хитроу расположен в западной части Большого Лондона, примерно в часе езды от центра города. Это самый крупный международный аэропорт Западной Европы. Каждые две минуты происходит взлет или посадка очередного воздушного лайнера. На земле нас встретила теплая, немного пасмурная погода (+12 °С), а Москва провожала нас первым снежком и холодным ветром. Небольшие таможенные формальности, заполняем декларации (на английском языке) о том, кто мы, откуда прибыли, с какой целью и на какой период. Забираем свои чемоданы и выходим из огромного трехэтажного здания аэровокзала. Всю нашу группу ждет уже автобус, наш гид Рон и его миловидная секретарша Джейн. Недалеко от аэровокзала при выезде от него замечаем в окно автобуса скульптурную группу — в виде двух английских летчиков, установленную в память о первом в мире перелете через Атлантику, совершенном ими в июне 1919 года.

Устраиваемся на жилье в отеле «Вена», а ужинаем в студенческом клубе Лондонского университета. После ужина совершаем вечернюю, а по нашим понятиям даже ночную (вернулись в свой отель в 1 час ночи по московскому времени) прогулку по центру Лондона. Были на Трафальгарской площади с эффектной подсветкой четырех фонтанов и с колонной Нельсона посредине, слушали звон курантов Биг Бена, смотрели смену часовых — королевских гвардейцев, изучали витрины столичных магазинов, выходили на Темзу по Вестминстерскому мосту и любовались панорамой ночного Лондона, остроконечных готических контуров Вестмистерского аббатства и здания парламента. Все было в какой-то степени знакомым (по литературе, телевидению, кинокартинам) и в то же время непривычным, необычным в своей теперешней доступности, осязаемости, ощущаемости. Мы находились на древней земле, сохранившей следы далекой истории даже в современной образе жизни...

Английские традиции

Уже давно сочетание этих двух слов стало привычным. Действительно, Великобритания (так будет вернее, так как Англия — это только часть Великобритании, такая же как Уэльс, Шотландия, Северная Ирландия) в нашем представлении немыслима без своих традиций, этого неизбежного атрибута общественной и частной жизни населения Британских островов, сопровождающих каждого англичанина на протяжении всего жизненного пути от рождения до смерти.

Торжественный выезд королевы и ее тронная речь по случаю очередной сессии парламента; спикер, восседающий на мешке с шерстью в палате лордов; смена караула в старинной форме у ворот Букингемского дворца; вороны, живущие в Тауэре на государственном довольствии, — все это не только эффектная декорация, привлекающая толпы любознательных туристов, но и попытка хотя бы внешне сохранить отблески былой славы и величия Британии. «Британской империи больше нет» — говорят и пишут политики и ученые на Западе. Из страны, которая правила в конце XIX века четвертью человечества, Англия превратилась в островное государство Западной Европы.

Поэтому из этой печальной ситуации исходит необходимость сохранения традиций, чтобы показать, что ничто не может поколебать вечность британского образа жизни. Но все меняется с течением времени. Даже знаменитый лондонский смог, который отравлял в буквальном смысле слова жизнь жителям столицы и разъедал стены зданий и памятников старины, с введением центрального отопления стал совсем не тем, чем был в недавнем прошлом. Правда, многочисленные традиционные каменные трубы на крышах традиционных двухэтажных домов англичан остались, но они уже не дымят.

Левостороннее движение — это тоже дань старине, которое вначале нас, пешеходов, очень угнетало (смотришь не туда, идешь прямо под колеса машины и т. д.) И, конечно, чертыхаешься: везде, как у людей, у англичан — все наоборот. Однако, не везде. В Австралии, Швеции и ряде других стран тоже сохранилось левостороннее движение. И это не выдумка англичан. Полтора века назад левостороннее движение было на всем европейском континенте. Но... в истории Европы появился Наполеон Бонапарт. «Его гвардия не уступала кому-либо дорогу. С вызовом передвигалась только по правой стороне, заставив перейти встречных тоже на правую сторону и всю тогда покоренную Наполеоном Европу. Только в странах, не присоединившихся к великой блокаде, и сохранилось разумное по тем временам левостороннее движение, которое сейчас утратило свою первопричину и выглядит для нас непонятно» (В. Осипов, 1977). Эта традиция для Англии к тому же сейчас дорого обходится. Чтобы иметь равные шансы в конкуренции на автомобильных рынках, англичанам и шведам приходится выпускать машины и с правым (для себя) и с левым (для других) расположением руля. А если перестраивать всю систему дорожного движения, то это обойдется не в один миллиард фунтов стерлингов.

Традиционное мышление господствует в Англии и в системе мер и весов. Правда, в денежной системе порядок вроде бы наведен (1 фунт стерлингов равен 100 пенсам). Но мерой веса до сих пор является фунт, а не килограмм, о чем мы могли наглядно убедится, посетив английские базары, где овощи и фрукты продаются по этой старинной мере веса.

Корни английский традиций следует искать в истории страны. Но история не стоит на месте. С развитием демократического и рабочего движения связано возникновение новых демократических традиций, создателями которых являются рабочий класс и прогрессивные силы страны. Таковы празднование дня Первого Мая — международного праздника трудящихся всех стран, (с 1978 года празднование 1 Мая «официально разрешено» действующим тогда лейбористским правительством), проводятся ежегодные Олдермастонские «марши мира», создаются рабочие клубы прогрессивной студенческой молодежи.

Обычаи и традиции того или иного народа являются своеобразным отражением его истории, его психологии. Знакомство с ними позволяет нам лучше понять душу этого народа.

Лондон туристический

Каждый седьмой житель Великобритании живет в своей столице. По данным 1976 года при общем количестве населения 53,9 млн человек в Лондоне с пригородами проживало 7725 тыс жителей.

Экскурсию по столице мы начали с Вестминстерского аббатства. Аббатство — пантеон Англии, в нем короновались почти все английские ко-

роли и королевы и многие из них похоронены в его стенах. Под одним сводом погребены соперницы — Елизавета Тюдор и Мария Стюарт. Королеве шотландской, хоть и казненной, нельзя было отказать в месте среди почивших венценосцев. В аббатстве находятся гробницы Исаака Ньютона, Чарльза Дарвина. Там же находится могила Неизвестного Солдата. В «уголке поэтов» — мемориальные памятники Шекспиру, Мильтону, Бернсу, надгробия на могилах Диккенса, Спенсера, Теннисона. В «уголке государственных деятелей» — монументы премьер-министрам, создателям империи. Вся история Великобритании предстает в именах, высеченных на мраморе, в изваяниях, созданных лучшими ее мастерами. Однако поэту-мятежнику Байрону места здесь не нашлось. Он для официальной Англии был слишком «аморален». И только в начале семидесятых годов, как сообщали газеты, его имя внесено в списки Вестминстерского аббатства.

Аббатство особенно впечатляет, когда входишь под его своды, они как бы поднимают нас, освобождая от земного притяжения. Внутри здание кажется выше, чем снаружи. В тончайшей резной отделке стен выделяются мраморные стволы, уходящие ввысь, которые в сочетании с выступающими ребрами свода в виде пальмовых ветвей образуют легкий, ажурный, воздушный шатер. Окна с великолепными цветными витражами непривычно широки для готического храма. В тринадцатом веке в Вестминстерском аббатстве начал заседать Парламент. Здание современного Парламента, называемое Вестминстерским дворцом, было заложено рядом в 1938 году. Стремясь подчеркнуть преемственность, зодчий воспроизвел формы готики, но более позднего, «елизаветинского» направления. Доказательством тому — тонко прочерченные пилястры, большие прямоугольные итальянские окна, филигранная башня с «Большим Беном», возвышающимся над столицей. Интересно, что башенные часы на здании парламента, названы так по имени Бенджамина Холла, бывшего распорядителем работ по установке часов.

Если смотреть с другого берега Темзы, оба здания (аббатства и парламента) близкие по стилю, сливаются. Разница в возрасте не очень бросается в глаза. Только парная колокольня аббатства усечена, а парламентская башня, например, заострена и в первом случае — средневековый подлинник, а во втором — талантливая стилизация.

Следующая достопримечательность столицы — собор Святого Павла, самое знаменитое творение архитектора сэра Кристофера Рена (1632—1723) вошедшее в учебники архитектуры. Рен задумал собор как протестантский вызов католичеству. Лондонский Павел как бы вступает в соревнование с римским Петром. По своей сути «Сент-Пол» как главный собор столицы должен был господствовать на обширной площади. Однако густо и «на века» застроенный еще в прошлом веке, Лондон со всех сторон плотно обступил здание собора, которое совсем недавно доминировало над Сити

и всем городом, а теперь уже теряется среди небоскребов «Барбикэна», хотя их еще не так много. А самым высоким сооружением тогдашнего Лондона являлась мощная телевизионная башня высотой 185 метров.

Экскурсионный автобус который на все время был прикреплен к нашей группе, везет нас от собора дальше вдоль набережной Темзы. Любуемся панорамой старинного города и архитектурой древних мостов. Всего в пределах большого Лондона имеется 25 мостов. Тауэрский мост через Темзу является одним из самых красивых, построен он в конце XIX века. А рядом — мощные крепостные стены Тауэра, построенного в 1087 г. Вильгельмом Завоевателем. Это была одновременно и резиденция короля, и тюрьма. Во дворе мы видим эшафот и живых черных воронов, прыгающих по зеленой лужайке. Они действительно не покидают Тауэра, чтобы не повредить поверью о том, что Британская империя прекратит свое существование, если вороны исчезнут из крепости. Но этому есть свои «материальные» причины: во-первых, у каждого ворона одно крыло подрезано, во-вторых, каждый ворон находится на государственном довольствии и получает на 1 фунт стерлингов мяса на 1 клюв в день! Сейчас в Тауэре находится музей, в котором хранятся фамильные драгоценности королевской семьи и другие сокровища некогда могучей и все еще богатой Британской империи. Экскурсоводами по Тауэру и одновременно его охраной являются так называемые йомены-смотрители, представители потомков мелкопоместного дворянства феодальной Англии, пользовавшиеся рядом сословных прав и привилегий при дворе. Так они имели право обедать с королевского стола (после королевской трапезы) и лондонцы дали им прозвище «едоки говядины» за их цветущую пышущую здоровьем внешность. Одетые в традиционную средневековую одежду, они придают обстановке Тауэра еще большую красочность.

22 сентября вечером, после экскурсии по Лондону всей группой смотрели в театре моднейший в то время мюзикл на библейскую тему «Иисус Христос — суперзвезда». Стоимость билета 2 фунта. В фойе театра до и после представления широко продавались спортивные майки с изображением главных героев мюзикла и музыкальные пластинки с текстом этого представления.

Следующий день (23 сентября) был посвящен изучению духовных ценностей британской столицы, в отличие от предыдущего, когда мы знакомились главным образом с архитектурным обликом города. Автобус привозит нас на Трафальгарскую площадь, в центре которой на верхушке сорокачетырехметровой колонны установлена фигура адмирала Нельсона Горация (1758—1805 гг.), разгромившего наполеоновскую Армаду (франко-испанский флот) в морской битве у мыса Трафальгар (1805 г.). Сам Нельсон был смертельно ранен и скончался. В честь победы площадь названа Трафальгарской и представляет собой пантеон героев боевой славы Великобритании. Грузная, немного сгорбленная фигура Черчилля стоит

внизу в отдалении от колонны Нельсона рядом с бронзовыми военачальниками других эпох, успевших уже позеленеть от времени.

На Трафальгарскую площадь своим главным фасадом выходит Национальная картинная галерея, основанная в 1824 году. Посещение ее доставило нам большое эстетическое наслаждение. Здесь находится великолепное собрание картин итальянских, голландских и английских художников эпохи Возрождения. В Национальной галерее представлены все школы европейской живописи. Каждый из нас мог приобрести репродукции наиболее заинтересовавших его картин в виде цветных картинок или слайдов, а также проспекты по экспозиции музея или отдельные печатные издания по творчеству того или иного художника с репродукцией наиболее известных его картин.

Полотна современных художников выставлены в Национальной галерее британской живописи и современного зарубежного искусства, которая называется просто Галереей Тейта.

В промежутке между посещениями этих картинных галерей мы побывали и в музее восковых фигур мадам Тюссо, который лично на меня произвел двоякое впечатление. Странно, что здесь наряду с «великими людьми прошлых исторических эпох» представлены фигуры и ныне здравствующих знаменитостей. Странно, что с такой же аккуратностью и историческим правдоподобием воссоздаются фигуры и портретное сходство как великих ученых, писателей прошлого, так и наиболее знаменитых уголовников и убийц. И эта мешанина из королев, королей, их семейств, артистов, артисток, писателей, политических деятелей, уголовников и политических преступников, спортсменов, и т. д. и т. п. представляет витрину западного образа жизни, где все возможно и все доступно «великим мира сего». Они (эти «великие») считают большой честью еще при жизни попасть в музей мадам Тюссо в виде своего воскового эквивалента.

Туристический Лондон богат и многими другими историческими объектами, которые посетить нам просто не удалось. Долгие годы лондонским жителем был Герцен. С Лондоном связаны имена Маркса и Энгельса. Здесь в 1948 г. увидел свет, составленный ими знаменитый Коммунистический Манифест, начинающийся вещими словами: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма». В Лондоне находится также Хайгетское кладбище, где похоронен К. Маркс (памятник ему был торжественно открыт в 1956 г.). Британский музей, в который мы тоже не попали, является одним из крупнейших хранилищ богатых научных и художественных коллекций (основан в 1753 г.). В нем находится одна из крупнейших библиотек мира, в которой работали Маркс над своим «Капиталом», Энгельс, а впоследствии — В. И. Ленин. В Ист-Энде, рабочем районе Лондона, в маленькой русской типографии удалось начать печатание газеты «Искра», редактором которой в 1902—1903 гг. был В. И. Ленин. Первый Интернационал, пятый съезд РСДРП также проводились в Лондоне. А сегодня Лон-

дон «приютил» современного политического карлика Березовского, пытающегося изменить ситуацию в России.

С Лондоном связана жизнь величайшего комического артиста Чарльза Спенсера Чаплина. На Беккер-стрит до сих пор существует квартира Шерлока Холмса. Не сумели выбраться мы и в знаменитый Гайд-парк с его ораторами на любые темы, которые им заблагорассудится.

Серебряный юбилей английской королевы

Елизавета II, ныне здравствующая королева Великобритании отметила в начале 1977 года 25-летний юбилей своего правления. Как оказалось, наш отпуск совпал с отпускным периодом королевы. Поэтому ее не было в Лондоне. По этой причине мы были лишены еще одного интересного для туристов зрелища — смены королевских караулов у Букингемского дворца. Но, несмотря на это мы все прекрасно знаем, как из себя выглядит королева, кто ее муж, принцы и принцессы, что представляет собой вся эта «королевская рать». В этом нам, конечно, помог музей мадам Тюссо, а также вездесущая реклама. Во всех магазинах и магазинчиках, во всех пабах (пивных) и ресторанах, на улицах, на (обеденных) салфетках, на всех витринах, даже на окнах лондонских домов, везде в различной форме прославлялся недавно исполнившийся 25-летний юбилей правления королевы. Практически все сувениры были обклеены коронами и лицами членов королевской семьи, в первую очередь самой королевы. Широко продавались книги, открытки и другие виды печатной продукции, посвященные тонкостям королевского быта. К моему великому изумлению, лицо королевы смотрело на меня даже с подставки для горячих кастрюль и сковородок (это я обнаружил в одном из хозяйственных магазинов). В общем даже к концу года все жило этим юбилеем, все разными путями хотели сделать свой «бизнес» даже на своей королеве. И это как-то довольно просто увязывалось для самих англичан в уважительном отношении, в общем-то, к устаревшему символу королевской власти. Я своими ушами слышал, что «наша королева хорошая, она много работает и много делает для своего народа». И это говорил не какой-то ярый монархист, а человек с высшим образованием, преподаватель русского языка в английском университете, хорошо знающий международную жизнь. Да, это все та же дань британским традициям, укоренившемуся с пеленок для каждого поколения британцев представлению о неизменности королевской власти. Но все вы, конечно, знаете, что королева в Британии царствует, а не правит.

Действительно, права британского монарха носят скорее формальный, чем практический, действенный характер. В число его функций входит созыв, продление и роспуск парламента, назначение и отставка премьер-министра, утверждение законов, принятых парламентом, право помилования, возведение в пэрство и дарование рыцарских титулов. Но он может

сделать это только по совету премьера или решению парламента. С 1707 года ни один король ни разу не осмелился отменить какой-либо законопроект, предложенный парламентом. С 1783 года монарх не рискнул уволить в отставку ни одного премьер-министра.

Обе главные политические партии страны, как лейбористы (ныне снова находятся у власти), так и консерваторы, одинаково ревностно оберегают корону, как символ «незыблемости» британской политической системы. И те, и другие, находясь у власти, поддерживают институт монархии и используют его широко, в том числе и для представительства. Календарь ее величества как королевы и главы государства расписан тщательно и детально на год и два вперед. Поездки в другие государства и официальные церемонии обставляются как театрализованные зрелища, чтобы произвести максимум впечатления и действительно производят. Официально королева Британии является и главой Сообщества наций (Канада, Новая Зеландия, Австралия, Нигерия и ряд государств и зависимых территорий общим числом до 35). И визиты ее в эти страны запоминаются как пышный, побивающий все рекорды, спектакль. Последние сеансы кино и передачи по телевидению заканчиваются портретами королевы и государственным гимном «Боже, храни королеву».

Все это убеждает в одном, что «корона призвана делать привлекательнее систему власти, что, конечно, куда более важно для людей, этой властью распоряжающихся» (В. Осипов).

Английская школа

28 сентября был тем днем нашей Программы, когда мы смогли в какой-то мере познакомиться с системой школьного образования в Англии. Я говорю не случайно в какой-то мере, так как в этой системе все достаточно сложно и запутано, что можно дать очень приблизительную картину, как и чему учат английских ребят.

Во время экскурсии всю нашу группу разбили на 4 подгруппы, и я в составе шести человек попал в среднюю общеобразовательную школу (Блит-Декс скул) в пригороде Нориджа. Нашим гидом по школе был преподаватель русского языка в этой школе мистер Бриан Хильме. Это обстоятельство нам очень помогло хотя бы в общих чертах разобраться в особенностях школьного образования.

Учиться в Англии начинают с 5 лет в «инфант скулз», т. е. в школе для малышей. Учебный год начинается в сентябре, но при условии, что 1 сентября — это не понедельник (в понедельник даже не все корабли рискуют покидать британские гавани), а также не суббота и не воскресенье. В Англии 5-дневная учебная неделя как в школах, так и в университетах. Итак, после всех этих переборов остается первый вторник сентября, который в большинстве случаев и является началом учебного года. В начальной школе

ребята учатся до 11 лет и затем сдают «илевен-пласикземз» — экзамены для одиннадцатилетних. Результаты этих экзаменов навсегда делят ребят на «умных» и «глупых». «Умные» могут продолжать свое образование в «грэммар скул» — классической школе, окончание которой дает им возможность поступить в университет. А «глупые» пойдут либо в «модерн скул» — современную школу, либо в техническую, школу без каких-либо шансов на поступление в вуз. Либо — это в лучшем случае — в общеобразовательную школу, которая практически тоже не оставляет никакой надежды на высшее образование. Это жестокая и по сути своей классовая система. Известно, что из каждых 100 английских ребят, поступивших в школу, в университеты и вузы поступают только 4, двое — после окончания классической, двое — после общественной школы. Существуют школы частные и общеобразовательные (после 11 лет).

Частные школы платные, они отвергают субсидии министерства просвещения или местных властей. Но они отвергают и всякое вмешательство в свои дела. Программа обучения, характер предметов, форма учащихся и даже расцветка их галстуков — все это будет определять принадлежность их к той или иной частной школе.

Современные реформы образования в России во многом повторяют этот опыт западных стран. И возможность появления «современных Ломоносовых» из сельской глубинки становится весьма проблематичной.

Итак, мы находимся в средней общеобразовательной школе. Здесь 1275 учащихся и 85 учителей. Ежегодный прием — до 300 новых учащихся. Около половины учителей — мужчины (это тоже особенность английской школы, о которой я хочу остановиться в следующем разделе). Учатся ребята с 12 до 16 лет. Желающие поступить в университет могут остаться еще на 2—3 года, чтобы получить хорошие отметки. Причем результаты школьных экзаменов и являются определяющими для поступления юноши или девушки в университет. Никаких вступительных экзаменов, как у нас, в вузе уже не сдается. Есть 3 сорта государственных экзаменов после окончания средней школы (опять дифференциация на «умных» и «глупых»). Первый — просто экзаменационная сессия, которую сдают все и получают справку об окончании школы. Второй — около 20 процентов более способных детей сдают экзамены по более сложной программе. Третий — прошедшие вторую стадию (тоже не более 20 процентов) сдают самую сложную программу и получают право зачисления в университет.

Вначале классы в школе формируются по 25—30 человек. Но затем с ходом учебного процесса понятие «класс» в нашем понимании, исчезает и постепенно формируются, я бы сказал, учебные группы по интересам. Происходит дифференциация по уровню знания. При этом трудные группы, как правило, малочисленнее, что облегчает в какой-то мере работу с ними для преподавателей. Например, группы по изучению русского языка начинают работу в составе 30 человек, а к третьему году обучения оста-

ется только около 6 человек. Куда же «исчезают» остальные 24 человека? Они просто попадают в какую-то другую, третью, четвертую группы, где их интересы и уровень знаний находят свой стереотип. Этому способствует вторая особенность английского образования — большая факультативность, большое право выбора самого школьника.

Обязательных предметов в школе три: английский язык, математика и один из учебных (научных) предметов. На эти занятия приходит каждый. Все остальные предметы — на выбор. Например, можно выбрать один из пяти преподаваемых в школе иностранных языков (разумеется, кроме английского, который обязателен) — французский, немецкий, испанский, латинский или русский.

Учебники выдаются всем школьникам бесплатно. Однако и здесь есть интересные моменты. Наш гид, мистер Бриан Хильме, являясь преподавателем русского языка, например, считает, что учебник русского языка, который имеется, очень сложен, труден для усвоения. И он совершенно свободно расстается с ним, применяя для обучения руководство (разговорник) Би-Би-Си под названием «Очень приятно», с помощью которого в более доступной форме и с большим интересом, по мнению преподавателя, можно изучить русский язык.

И, наконец, хоть это и не совсем приятно, но об этом стоит сказать. Это о системе наказаний в английской школе. Я знал об этом, но как-то литературно, неосязаемо, и не очень в это верил. Однако наш уважаемый гид подтвердил, что в школе есть должность воспитателя, который единственный может наказать школьника, отметив это в соответствующем журнале. Страна Диккенса — единственная в Западной Европе, где порка вполне «законна». В настоящее время (речь идет о 70-х годах) телесные наказания не запрещены ни в одном из 104 школьных округов Англии и Уэльса, и только в Лондоне они отменены в начальных школах. Справедливости ради следует отметить, что теперь в школьных экзекуциях по сравнению с временами Диккенса куда больше порядка. Разработан определенный ритуал, подробная запись о каждой порке вносится в карательный реестр школы: кто, когда и за что был наказан. Бьют не чем попало. «Как правило, в ход пускаются розги, и не какие-нибудь там, наспех срезанные в лесу, а изготовленные на специальной фабрике мистера Хантингтона в Богноре, которая рассылает розги во все уголки страны по заказу родителей и руководителей школ». (В. Сырокомский «Литературная газета», 21 сентября 1977 г.). Справедливости ради хочу сказать, что в школе, которую мы посетили, розог мы там не видели, но наш учитель показал нам во дворе школы на одного толстого мальчугана, который оказался первым хулиганом школы и которого ждало какое-то наказание от воспитателя за мелкую кражу.

Как ни странно, вышеупомянутые «ценности британской цивилизации» решительно поддерживаются британским парламентом. Последнее предложение об отменен телесных наказаний в английской школе было

провалено солидным большинством голосов 181 против 120). И еще печально, что мало кто из родителей протестует против порки их детей в школе. А многие просто требуют этого, поскольку дома они применяют к детям еще более грубые меры. Результаты опроса 3000 родителей, опубликованные недавно в журнале «Вумэнз оун» свидетельствуют, что 75 процентов родителей одобряют телесные наказания школьников. Все эти «жестокости» британского образования продолжались вплоть до последнего времени. В наши дни британский парламент все же большинством голосов добился отмены средневекового телесного наказания в школах.

Вот какие противоречивые чувства вызывает английская школа. Хотя есть в этой системе и много хорошего. Занятия по интересам, широкие возможности трудового воспитания. Нам показали отличные по своим возможностям и техническому оснащению кабинеты уроков труда, где школьники могут заниматься и кулинарией, и кройкой, и шитьем, и столярным делом, и работой по металлу. Но система есть система. И школьное образование по своей сути с самых первых шагов определяет судьбу человека в Великобритании, ставит его на определенную ступень в табели о рангах.

Университеты в Англии

Аспекты высшего образования в Великобритании изучены нами в процессе вечерних визитов в студенческий клуб Лондонского университета, в итоге однодневной экскурсии в Кэмбридж, а также в процессе знакомства со студентами и преподавателями Нориджского университета Восточной Англии.

Главной особенностью высшего образования семидесятых годов является дискриминация в отношении женщин. Только четверть университетских студентов являются женщинами. Многие колледжи, особенно медицинские школы, предельно ограничивают прием девушек. Из 3325 профессоров Британии только 44 являются женщинами. И то это сделалось возможным лишь после того, как в 1957 году королеве Елизавете II впервые в истории Великобритании как женщине была присвоена почетная степень профессора Кембриджского университета. Все эти сведения были почерпнуты мной из Лондонского студенческого справочника 77/78.

Девушки-студентки, борются с этим, создают женские группы в составе студенческих союзов, проводят женские конференции, на которых обсуждаются различные аспекты этой проблемы. Отсюда и становится ясно, почему в начальных и средних школах много преподавателей мужчин.

Университеты Англии финансируются правительством, а колледжи — частные учреждения и имеют собственные деньги. Обучение студента в университете считается бесплатным, но в среднем он должен ежегодно

платить около 2000 фунтов в год (за общежитие, питание, учебники, лабораторные занятия и т. д.). Для справки — средняя заработная плата преподавателя с 10-летним стажем равна 6000 фунтов в год в университете и около 5300 фунтов в год в средней школе. Поэтому студенты, особенно из средних слоев не гнушаются никакой работы. Например, в студенческом клубе Лондонского университета мы прочли объявление о том, что студентам, желающим работать дворниками, будут платить 10 фунтов в день. Вот бы для наших студентов такой гонорар дворника и стипендии не надо.

Кэмбридж — старинный центр высшего образования в Англии. Население города 100 тысяч, 70 тысяч из них — студенты. Интересна история названия города. Кэм — это река, протекающая здесь, бридж — мост. И первый королевский колледж был построен в районе Математического моста (XVIII век), оттуда и пошло название всего студенческого городка. В дальнейшем строительство следующих колледжей шло также вдоль речки Кэм. В настоящее время в Кэмбридже насчитывается 23 колледжа, из них 20 — мужских и только 3 — женских (опят дискриминация!). Но в порядке опыта в последние годы стали создаваться смешанные колледжи, сейчас таких уже 6 из 23.

Наш выдающийся ученый, академик П. Л. Капица учился в знаменитой школе физика Резерфорда и окончил Тринити-колледж Кэмбриджского университета. Мы с большим интересом посетили этот колледж и ту лабораторию, в которой работал наш ученый. На стене ее изображен крокодил, так любовно называли студенты своего профессора Резерфорда.

Почетным президентом Кэмбриджского университета является муж королевы. Вице-президентом в период нашего посещения была женщина.

Занятия в университете начинаются с октября месяца, поэтому никого из студентов мы не видели во двориках своих колледжей. Они или валялись на зеленых лужайках вдоль своей речки Кэм, или проводили последние дни отдыха в городке и в любом другом месте.

Нориджский университет Восточной Англии является одним из молодых. Если я не ошибаюсь, ему в 1977 г. исполнилось всего 10 лет со дня основания. В нем имеются факультеты: биологии, химии, сравнительной литературы, математики и физики, социологии, экономики и социологии, наук об окружающей среде (экология), изящных искусств и музыки и др. Всего около 3000 студентов, 20 процентов из которых являются иностранцами.

Из беседы со студентами Нориджского университета выяснились некоторые особенности студенческого быта. Во-первых, отсевов по успеваемости практически нет, так как это может испортить всю дальнейшую карьеру. Студентов с детьми тоже мало. Если такие есть, то им каким-то образом помогают (денежная помощь и детсад), но при условии, если такие студенты были уже женатыми и с детьми поступили на учебу в университет. А если женятся будучи студентами, то могут не ждать никакой помощи. Из беседы с лорд-мэром Нориджа мы выяснили, что этот город тоже

молодой. Из 122 тысяч жителей, 40 тысяч — молодежь до 17 лет. И поэтому здесь одна из насущных проблем — брак молодых. Выяснилось, что каждая четвертая свадьба молодых кончается в скором времени разводом. Отцы города решают, каким образом укреплять молодые семьи.

Студенты любят шутку, острое слово. Иногда их проделки доходят до почти невероятного, для того, чтобы привлечь к этому всеобщее внимание. Так, по словам нашего гида, водившего нас по студенческому Кэмбриджу, в 1958 году студенты за ночь подняли на крышу здания педагогического Совета университета семь легковых машин, разобрав их на земле и затем собрав на крыше. Эти студенческие кампании проходят под символом «RAG». В. Осипов в своей книге вспоминает, что «ливерпульские студенты оставили знак своей кампании даже на борту только что спущенной на воду и строго охраняемой первой английской атомной подводной лодки «Дредноут». Фотография ее с крупными буквами «RAG», намалеванными масляной краской у мостика, обошла на следующий день все лондонские газеты.

Кончая этот раздел, следует все же поставить такой вопрос: «Как складывается дальнейшая жизнь английского студента, когда он кончает университет?». Ответа на этот вопрос мы не нашли ни у преподавателей, ни у самих студентов. В Англии к концу 70-х годов насчитывалось 1 млн. 700 тыс. безработных. Это самый высокий уровень безработных за все послевоенное время, и, конечно, количество молодых людей здесь весьма велико. Вот как говорит об этом Стив Флетчер, 21 год, выпускник Эссекского университета: «Я этой весной получил диплом, закончил курс наук по международным отношениям. Специализировался во французском и немецком языках. Пока ни то, ни другое мне не пригодилось — работы по специальности нет». (Комсомольская правда, 13.10.1977 г.).

Экологические проблемы

Британские острова невелики по размерам. Территория — 244 тыс. кв. км, население 53,9 млн. (1976 г.). Достаточно сказать, что для поездки на поезде с юга на север Англии потребуется не более 11 часов. Все это очевидно, способствовало более раннему экологическому ее воспитанию в сравнении скажем с США или развитыми странами Западной Европы.

Исчезли знаменитые лондонские туманы со смертоносным смогом. Проводится более верная, чем в США, политика градостроительства, особенно это характерно для Лондона. Авторы плана «Барбикэн» — застройки превращенных в развалины бомбардировщиками немецких люфтваффе во время второй мировой войны кварталов Сити — были небольшими поклонниками своих американских коллег, поставивших гиганты ньюйоркского Манхэттена. И в отличие от них предусмотрели разрядку между высотными зданиями. У города другие проблемы —

страшная перенаселенность, склероз транспортных артерий, ветхость всего жилого фонда.

Интересен следующий факт в истории древнего Лондона. В 1666 году в нем произошел большой пожар, который уничтожил почти весь город. Выдающийся архитектор того времени Кристофер Рэн предложил властям города восстановить его по образцу Парижа с его великолепной радиально-центристской планировкой. Однако никакие волевые усилия городского руководства не смогли перебороть частно-собственнические интересы бывших владельцев городских зданий. И фактически на сохранившихся фундаментах всех сооружений был восстановлен новый Лондон, почти на 100 процентов повторявший план старинных построек с его древними архитектурным обликом.

Таким образом, Лондон больше страдает не от новизны, а от старости. В последние годы намечается тенденция ухода из крупных городов в сельские районы страны. Даже простой анализ цифр населения Большого Лондона за период с 1939 года, когда была максимальная цифра за всю историю Лондона, по настоящее время подтверждает это (1939 г. — 8 млн. 728 тыс.; 1951 г. — 8 млн. 346 тыс.; 1961 г. — 8 млн. 200 тыс.; 1968 г. — 7 млн. 764 тыс.; 1976 г. — 7 млн. 725 тыс.).

Небольшие города типа Нориджа или Кэмбриджа, конечно, в большей степени приспособлены для нормальной человеческой жизни, хотя и здесь чувствуется узость улиц и засилие автотранспорта. Норидж меня поразил необычной чистотой своих улиц, особенно в центре, и даже в районе городского базара. Такая чистота, что можно ходить в домашних тапочках. Правда этому благоприятствовала теплая и временами даже солнечная погода без крупных осадков.

Экологическое мышление, любовь к природе воспитывается в Англии со школьных лет. В стране существует свыше 300 учебных центров по изучению природы. Эти центры расположены, как правило, в живописных уголках Англии с естественными природными объектами, не тронутыми какими-либо следами урбанизации. Здесь школьники проводят недельный цикл обучения (плата за пребывание 1 фунт в день), изучая растительный и животный мир нетронутого уголка природы. Популярность таких центров настолько велика, что очередь на обучение детей в них установлена на 6 лет вперед. Мы 29 сентября совершили живописную поездку, речным путем из Роксхама попали в Хау Хилл. Это один из трех таких учебных центров, существующих в Норфолке. Он был организован уже 10 лет назад, в нем работали 3 учителя и свыше 30 ребят.

В университетах также существуют специальные факультеты, где изучаются проблемы охраны природы.

Мы видели палатки туристов на берегу Северного моря, которые рыбачат удочками. Но у палаток не было ни одного костра и даже какого-либо намека на следы старого кострища. На наш недоуменный вопрос от-

ветили, что разведение костров категорически запрещено, а для приготовления еды есть соответствующие средства малой механизации (примусы, керосинки и т. д.).

Великобритания — это страна, над которой осуществляются постоянные миграционные пути перелетных птиц. И благодаря этому особенно в последние годы возник необыкновенный интерес даже у простых англичан к изучению мира птиц, их повадок и особенностей жизни. Лебеди пользуются на Британских островах не только всеобщей любовью, но и высокой королевской защитой. Это связано с очередной красивой легендой, уходящей вглубь истории. Каждый год в конце июля происходит «свон аппинг» — маркировка лебедей. Маркировщики метят только тех лебедей, которые не являются прямыми потомками королевской пары, вывезенной с Кипра: на клювах птиц они делают маленький надрез. И действительно в процессе речной прогулки мы видели целые стаи непуганных птиц: белых лебедей, гусей, уток, жизни которых ничто не угрожало.

В Англии любят животных и, так сказать, по государственной линии. В ранее упомянутом лондонском Тауэре сидят на госбюджете 6 воронов, которые «символизируют» своим присутствием нерушимость Британской империи. В здании морского министерства «прописан» кот по кличке Пэт, официально именуемый «Её Величества Адмиралтейства ловчий кот». Он ведает адмиралтейскими мышами, а так как с этого не всегда будешь сыт, казна выделяет на его дополнительное питание ежедневно до 60 пенсов.

Восточная Англия является сельским районом страны. Поля, мимо которых мы проезжали на своем автобусе, представляли собой образец рачительного хозяйствования. Вся солома была собрана с поля и сложена кубиками, валиками, брикетами. Стерня полностью ликвидируется, выжигается с помощью каких-то химикатов. И поле снова готово для новых трудовых дел. В Британии выращивают свои овощи, фрукты (в основном яблоки), некоторые сорта зерновых культур (пшеница). Но очень многое и завозят. После вступления в Общий рынок жизнь на Британских островах вздорожала втрое. Поэтому экономить приходится на всем... иногда даже в ущерб своей истории. Так в Лондоне один из старинных мостов через Темзу был продан до последнего кирпичика американцам и вывезен в США. Сделка обошлась в 1 млн. фунтов стерлингов, но неизвестно кому она принесла выгоду, а кому ущерб.

И, наконец, одним из главных компонентов экологических угроз Британских островов является окружающее их со всех сторон море. А здесь тоже не все благополучно. Начавшаяся добыча собственной нефти из под морского дна на севере Шотландии в определенной мере ослабила энергетический кризис в Великобритании, но усугубила опасность загрязнения морской среды нефтепродуктами. Недавняя катастрофа семидесятых годов на одной из нефтяных буровых установок еще раз подчеркнула это.

Английский футбол

Англия — родина футбола. И наши гостеприимные хозяева в первый же день пребывания в Норидже (24.09.77) повели нас на местный стадион. Состоялся футбольный матч между местной командой «Норидж-сити» и лондонским «Арсеналом». Хозяева нас настоятельно предупредили, чтобы мы не вздумали болеть за «Арсенал», так как местные болельщики очень агрессивны и всей душой болеют только за свою команду. Стадион был переполнен. Перед входом всех нас тщательно обыскивали, чтобы не было никаких недозволенных предметов. На противоположной трибуне мы заметили, что в ее середине, огороженной с обеих сторон высокой металлической сеткой, расположились лондонские болельщики «Арсенала» с яркой красно-белой экипировкой своей одежды (спортивные шапочки, куртки, шарфы) и флагами с красно-белой расцветкой и спортивной символикой своей команды. Это красно-белое пятно утопало в сплошном море болельщиков с желто-зеленой символикой. Это были спортивные цвета «Норидж-сити». Мы наблюдали красивый и техничный футбол, который сопровождался бурной реакцией болельщиков во время острых моментов у тех или иных ворот. Наиболее «разогретые» болельщики «Арсенала» даже перелезали через высокую сетку и вступали в рукопашную схватку с болельщиками «Норидж-сити». Полицейские все свои силы бросили на погашение этих конфликтов. При такой обстановке мы естественно болели за команду хозяев и дружно со всеми рядом сидящими отмечали удачные моменты в их игре. Нам повезло «Норидж-сити» победил грозный «Арсенал» со счетом 1:0. Стадион ликовал. И в то же время к концу матча трех избитых болельщиков вынесли со стадиона на носилках.

Англия и … коми литература

А эту встречу, как говорится, можно отнести к разряду тех, которые нарочно не придумаешь. Нам удалось встретится с ученым-филологом, профессором Джоном Гордоном Коутсом, который является знатоком не только русского, но и коми языка и свою докторскую диссертацию защитил на тему «Некоторые аспекты коми-зырянской литературы». Профессор Коутс был у нас в Республике Коми в 1974 году, был в гостях и у ученых Коми филиала АН СССР. И до сегодняшнего дня он тепло вспоминает о том времени и о тех поистине дружеских встречах. О своем пребывании в Коми АССР он написал ряд статей и заметок, краткое изложение которых напечатано в журнале «Войвыв Кодзув» (№ 6, 1976 г.).

Профессор Коутс живет в небольшом городке Уйндхам, в получасе езды от Нориджа. Работает профессором-администратором при Норидж-ском университете. Часть нашей коми-делегации была у него в гостях. Профессор показал нам свою обширную библиотеку по коми литературе,

которой может похвастаться не каждый специалист-филолог. К своему удовольствию Таня Тюпенко, наш неофициальный переводчик, нашла в его библиотеке даже книгу своего отца, коми писателя И. В. Коданева. Затем состоялся ответный визит профессора Коутса в нашу резиденцию (Хорстед Конференс Хаус), где мы жили во время пребывания в Норфолке.

Господин Коутс (себя он в шутку называет Педор Вань, как его окрестили наши филологи) просил меня передать самые искренние, сердечные приветы всем-всем, кто о нем помнит, что он тоже помнит о них и мечтает о новых встречах.

Русский язык изучают оптимисты

Наверное, самым приятным воспоминанием каждого из нас останется воскресный день 23 сентября, когда мы, кто по двое, кто по трое, кто вчетвером совершили визиты в английские семьи. Геннадий Чарин, (выпускник сыктывкарского университета), и я оказались в местечке Данвич на берегу Северного моря в гостях у мистера и миссис Пиккард. День начался с мелкого моросящего дождя, который был разогнан ветром и появилось солнце. Мы много гуляли, любовались панорамой Северного моря. И много говорили. Мисс Пиккард прекрасно владеет русским языком, так как была вначале преподавателем английского языка для иностранцев, а в последствии уже преподавала русский язык для англичан. Ее муж бывший специалист по экономике слаборазвитых стран, ныне пенсионер.

В целом, не знаю характерно ли это для всей Англии, но в Нориджe мы встретили много людей, которые знают русский язык или хотят его изучать. В Нориджском университете существуют «Русский кружок», объединяющий и студентов, и преподавателей университета. Ежегодно летом (июль-август) при Нориджском университете организуются курсы русского языка для всех желающих. Это — один из крупнейших курсов в Англии по их длительности. Они проводятся в течение 3 недель. На них изучаются язык, литература, просматриваются русские фильмы, исполняются русские песни и пляски. Миссис Пикард тоже является членом «Русского кружка», с удовольствием читает русские книги (особенно Тургенева), изучает русскую кухню.

С членами «Русского кружка» мы провели не один вечер в дружеских беседах. Они были в гостях у нас, в Хорстед Конференс Хаусе. Мы были гостями Нориджского университета, смотрели кинофильм об истории создания этого нового для Восточной Англии учебного центра и совершили экскурсию по самому университету. Мне очень понравилось доброжелательное отношение преподавателей университета к нам, а с одним из них я обменялся сувенирами и визитными карточками. Это был мистер Джон Баггерт, который преподает здесь уже 10 лет, читает лекции по социологии и истории рабочего движения стран Западной Европы. В последний

вечер нашего пребывания в Англии члены «Русского кружка» (и студенты и преподаватели) снова были у нас в гостях. Вместе с нами пели русские и английские песни. А наш бывший гид по школе мистер Бриан Хильме и его юная и красивая жена Роза под аккомпанемент русских струнных инструментов и спели зажигательные цыганские романсы.

В Норидже, в один из последних дней пребывания в Англии (30.09.77) удалось побывать в городском кинотеатре «Одеон». Смотрели фильм «Я любила Джеймса Бонда». В этой очередной «бондиаде» с незамысловатым сюжетом советская разведчица встретилась с супергероем, полюбила его и они вместе боролись с силами зла, которые претендовали на мировое господство. Кинозал был огромный, раза в 2 больше такого в нашей «Парме», а зрителей было всего человек 10—15. И что интересно, по окончании сеанса свет не включался, а начинался сразу новый показ этого же фильма. Часть зрителей уходила, новые зрители приходили. И даже во время сеанса продолжался этот приход-уход, так как кто-то попадал в зал в середине сеанса, кто-то в начале, кто-то в конце и каждый досматривал свой «кусок» фильма, а затем уходил. Как говорится полная свобода и демократия в действии.

Я поинтересовался у миссис Пиккард будучи у нее в гостях, на основании каких впечатлений они формируют представление о Советском Союзе. Она ответила, что из русских писателей читает Тургенева, Пушкина, Лермонтова. За последние годы просмотрела фильмы: «Король Лир», «Война и мир», «Броненосец Потемкин». Телевизора у них в доме нет, так как, по их мнению, ничего путного там не показывают, кроме 2—3 часов в неделю, поэтому «пока носят ноги и видят глаза» лучше во всем убедится самому. Для нас оказалось очень приятным, что эта встреча была интересна обоюдно. В последней своей открытке, которую мы получили незадолго перед отъездом из Англии, миссис Пиккард писала: «Очень хорошо было познакомится с Вами! Мадж Пиккард». Надпись была сделана на чистейшем русском языке без единой ошибки.

Жизнь простых англичан еще раз убедила нас в том, что английский народ живет понятной всем нам жизнью, заботой о счастливом будущем своих детей. И мне особенно крылатой показалась одна фраза, произнесенная миссис Пиккард в конце нашей беседы. Она сказала буквально следующее: «У нас в Англии сейчас говорят так: русский язык изучают оптимисты, а китайский пессимисты». Что ж, в реализме мышления англичанам не откажешь.

Встречи, которые у нас состоялись, помогли нам понять не только внешнюю сторону жизни этой страны, но и чуть-чуть прикоснуться к душе английского народа.

Е. Салдина. Церковь Феодосия и Антония Печерских.
Великий Устюг. Гуашь

Жаль, я не встречусь
с многими друзьями...

Алексей Иевлев

РЯДОМ С САШЕЙ БЕЛЯЕВЫМ

К избитой истине о быстротечности и безвозвратности времени я невольно вернулся на могиле Саши Беляева на Краснозатонском кладбище. А о чем еще можно думать, глядя на черный камень с изображением друга, страшно и нелепо убитого семь лет назад в собственной квартире и безнаказанно списанного из числа живых и из отчетов правоохранительных органов? Нет человека — нет проблемы...

А когда человек был, проблема была! И заключалась она в самом этом неординарном человеке, в свойствах его личности и его характера. Я все время стараюсь найти сравнение, но ничего путного не получается... Бесстрашный, с ломовой физической силой — и одновременно абсолютно беззащитный, вплоть до впадения в апатию и запой, перед самыми обычными житейскими несправедливостями, каковых человек может огрести по нескольку штук на день. Умный, блестяще образованный, умеющий в спорах в любой аудитории высказывать и доказывать свои научные гипотезы и идеи — и в то же время опускающий руки перед тем, чтобы дать объективную оценку творчеству своих друзей: они все были гениальными, талантливыми, и он не допускал даже мысли о возможности подвергнуть их работу критике. И таких противоречий в нем было не просто много, он нацело состоял из них.

Как ни странно, именно эти трудности характера позволяли ему жить стремительной, интересной и необыкновенно насыщенной жизнью, вместившей в отведенный ему короткий срок и увлечение живописью и поэзией, и профессиональную страсть ко всему, что имеет хоть какое-нибудь отношение к геологии.

А поэзия к геологии имеет самое непосредственное отношение. Саша мог потратить уйму времени на то, чтобы найти талантливых коллег, работавших во всех уголках нашей страны, убедить их дать ему свои литературные опыты, собрать из этих опытов очень приличный и до сих пор востребованный читателями сборник, а потом еще найти деньги и издать книгу. Я оглядываюсь вокруг, и мне хватает половины пальцев на одной руке, чтобы пересчитать тех, кто способен сегодня на такое... А Саша выпустил в свет десяток таких сборников, и они — часть истории литературного процесса нашей республики и нашей России.

Но, конечно, геология была для него главной любовью на всю жизнь. Двери наших кабинетов в старом корпусе института были напротив друг друга, но сблизили нас по-настоящему дни, совместно проведенные в «поле» на Урале и заполярном хребте Пай-Хое.

Представьте себе черный скальный обрыв высотой пару десятков и длиной несколько сотен метров, у подножия которого стремительно несет воды горная река. Уверяю вас, для человека постороннего — ничего интересного. Туристы мимо таких мест проскакивают быстро. В солнечный день скалы раскаляются неимоверно, и жариться в защищенном от ветра закутке — удовольствие для сумасшедших. Кроме того, куда ни кинь взгляд, одна чернота да серость, наводящая глаз и ум лишь на уныние.

Но именно такие обрывы или, как их называют геологи, обнажения и были целью Саши Беляева. Проведя быстрый осмотр местности, он располагался на обнажении основательно и надолго. Перво-наперво с помощью кисти и рулетки делал краской разметку вдоль всего обнажения через каждый метр. А потом брал в руки лист миллиметровой бумаги, простой карандаш, ластик и, не спеша передвигаясь вдоль обнажения, тщательно, шаг за шагом зарисовывал его. В результате получалось полотно, на котором в известном масштабе был доподлинно запечатлен лик древней истории нашей Земли. Все эти черные и безликие породы неожиданно становились очень разными и очень важными в своем естественном залегании. Они как будто находили общий язык — Саша и планета. И если скульптор, как известно, отсекает от камня все лишнее, то задача геолога заключается как раз в том, чтобы охватить всё, ничем не пренебрегая.

И таких «полотен» в полевых книжках Саши Беляева — десятки. Каждое из них помогло ему из мозаики полученных знаний составить общую картину формирования горных пород в те сумасшедше-далекие по человеческим меркам времена, когда наша Земля даже предположить не могла, что когда-нибудь по ней будут ходить странные существа, выбравшие неспокойную профессию, требующую непоседливости и умения сорваться с места в любую минуту ради того, что денег, как правило, не приносит, но оставляет после себя добрую память...

Григорий Каблис

ГАЛИНА: ЖИЗНЬ ПРОТИВ СМЕРТИ

Недавно исполнился год, как не стало с нами Галины Пономаревой. Я часто задавался вопросом, где и что мы сделали не так, почему это произошло так быстро? И можно ли было этот исход предотвратить или существенно отсрочить? Но это рак. Его еще называют социальным уравнителем, потому что он не разбирается в гражданстве, социальном статусе, роде занятий, уровне доходов, и даже возраст в последнее время его мало волнует.

После смерти Галины я хотел написать статью в «Вестник» о том, как мы проморгали этот страшный диагноз, с чего начиналась болезнь, как протекала, что предпринимали мы, что делали врачи. Все это собирался написать, чтобы как-то предупредить остальных. Потом понял, что не смогу, потому что эти описания все-таки очень тяжелые и личные. Может, и не надо людям этого знать? Но недавняя смерть Светы Плосковой показала, что это не так. Надо об этом рассказать.

За несколько лет до установления диагноза Галина периодически прихварывала. Сетовала на то, что иногда ее бросает в жар и плоховато себя чувствует, ссылалась на возрастные изменения. Сейчас думаю, что температура у нее в эти моменты бывала около 37 (субфебрильная, как говорят врачи), но она или не говорила, или сама не знала.

Года так с 2008-го (диагноз был поставлен весной 2009 г.) Галина стала ходить к врачам с жалобами и подозрениями. Вряд ли она с самого начала подозревала рак (мы-то точно не подозревали). Ее направляли на всякие обследования и анализы. Забегая вперед, скажу, что за год с лишним ей сделали две маммографии, обследовали на томографе, дважды проверяли кровь на онкомаркеры, один раз брали пункцию и один раз сделали УЗИ груди. Только УЗИ обнаружило опухоль, но это было тогда, когда она уже почти не могла ходить из-за болей в позвоночнике. Все остальное ничего (!) не обнаруживало. Ничего!

Теперь надобно сказать о медицине. Спокойно и рассудительно, без эмоций. Медицина — это область высоких технологий, т. е. область, где результат зависит от действий десятков квалифицированных людей. Начиная от руководства, которое приобретает тот или иной прибор (томограф) и внедряет какую-то методику (онкомаркеры), через наладчиков, техников и лаборантов до, собственно, врачей. Любое из этих звеньев может нарушить технологию правильной постановки диагноза. Руководство, поддавшееся рекламным трюкам, и загнанное в какие-то рамки, должно быстро потратить «внезапные» деньги. Наладчик, обученный набору действий

по ремонту и наладке, но не понимающий сути работы прибора, должен сделать так, чтобы аппарат просто заработал в штатном режиме. Закончивший институт техник, которого посадили за томограф и сказали снимать, не имеет достаточного опыта работы, чтобы найти то, что нужно врачам (попробуйте посадить отличника-аспиранта вместо В. Н. Филиппова). Медсестра, которая как-то доучилась, или лаборантка с копеечной зарплатой, выполняющая одни и те же действия на этой опостылевшей работе. У нее хватает домашних проблем, чтобы думать еще и об этих пациентах и их анализах. Если добавить к этому не сильно интересующихся (или заинтересованных) своей профессией врачей, доля которых растет (эта тенденция наблюдается во всех отраслях), то мы получаем медицину, которую и заслуживаем.

Но самое главное то, что система здравоохранения (и не только она) построена так, что оценивает процесс работы, а не результат. Медицина не заинтересована в быстрой, правильной и дешевой постановке диагноза! Исключение составляют только врачи-инфекционисты, да, наверное, венерологи из государственных клиник. Они не заинтересованы в затягивании процесса диагностики.

Только в конце марта был поставлен этот страшный диагноз. Небольшая, но почему-то неоперируемая опухоль груди (она там как-то очень специфически расположилась), сильнейшие боли в позвоночнике, возможно вызванные метастазами (а может там и был первоисточник) — вот что мы имели, а человек таял на глазах. В качестве лечения оставались только химия и облучение. В середине апреля Галину повезли в онкодиспансер. Правда, перед этим произошло еще одно событие.

Я человек близкий к православию. Таких называют «захожанами». И вот на исповеди я попал к одному батюшке, у которого раньше не был. После общения с ним подумал, что вот его бы я к Галине пригласил. А через несколько дней она сама меня об этом попросила. Тут случайностей не бывает. Отец Пафнутий ее исповедовал, причастил и пособоровал (соборование проводится только в Великий пост, который как раз и был) и, как мне показалось, нашёл нужные слова для наставления.

В диспансере Галине сделали химию, которую она перенесла относительно неплохо, и даже воспряла духом, но сильнейшие боли в спине добивали. Там потерялась карточка со всеми ее обследованиями и анализами, мы и не удивились. Прямо из «онкологии» Галину направили в радиологию (это отделение не было переведено в Затон, а осталось в больничном городке). Если в Затоне чувствуется обычная больница, люди что-то обсуждают, шутят, смеются, то радиология — это просто склеп. Никто даже не разговаривает громко. Атмосфера самая гнетущая — просто мурашки по коже. По оставшемуся томографическому снимку (его забыли вложить в карточку и оставили дома) Гале назначили курс облучения.

Здесь я еще раз отвлекусь на особенности медицины. Давно известно, что традиционная медицина лечит болезни, а не людей. Т. е. врач назначает лечение, и его строго придерживаются, не взирая ни на что. Здесь было то же самое, с каждым сеансом становилось все хуже. Когда анализы крови из плохих стали очень плохими, начали колоть какие-то гормоны; от болей в спине — перешли к использованию наркотиков. У медработников была четкая цель — «отстреляться». «Отстрелялись», и после Пасхи мы увезли Галину из радиологии в полубессознательном состоянии. Нам сказали, что осталось месяц—полтора. *Но всё пошло совсем по-другому.*

К делу подключилась сестра Галины, по образованию медсестра и хороший массажист по профессии. Она взялась за Галину очень жестко и сразу же «сдернула» ее с наркотиков и сильных болеутоляющих (потом Галя их не принимала). Перешли на нетрадиционное лечение по методам Болотова, благо можно было достать все что угодно. (Я сторонник традиционной медицины, но если она разводит руками, то все равно нужно что-то делать). Не отказывались и от традиционной — сделали два курса зометы (дорогущий препарат для укрепления-восстановления костной ткани). С Галей постоянно кто-то был (в первую очередь муж, а также сестра и старшая дочь), не давая расслабиться и опустить руки. Начали делать какие-то упражнения, растирания, что-то мазали, чем-то капали, чего-то распыляли, поили какой-то гадостью. В общем, не давали никакого покоя. Она не возражала и принимала по мере сил активное участие. На повторную химию не поехали, потому что еще один «заход» Галя бы не пережила. Весна была в самом разгаре, но самым главным стимулом было то, что через месяц у нее должна была родиться внучка (моя дочь). Наступил переломный момент.

Когда я позвонил Галине из роддома с радостным известием, она разрыдалась. Дальше дело пошло с положительной динамикой, появилась небольшая прибавка в весе, поутихли боли, затем она начала садиться, а через какое-то время и ходить с поддержкой. Через пару месяцев зашла участковый терапевт, была по-хорошему шокирована (до этого была в день приезда из радиологии).

Галя очень радовалась, когда я передавал ей привет от кого-нибудь из сотрудников института, еще больше радовались сотрудники, получив ответное устное послание через меня. Очень смеялась, получив пакет подарков от совета ветеранов. Лето прошло на подъеме, почти каждый день приходили дочь с внучкой, стал восстанавливаться круг общения, выезжали на природу, в баню. Я, например, против бани возражал, хотя с другой стороны — что ж теперь вообще не жить. Осенью купили дачу.

Наступила зима, и опять стало тяжелее. Мы этого, конечно, ожидали. Ухудшения шли небыстро, но неумолимо. Но также неумолимо приближалась и весна. На 23 февраля Галина хотела приехать к нам в отдел, устроить небольшой сюрприз, как она всегда это делала. Не смогла — стало

тяжело передвигаться. Ее день рождения (13 марта) прошел в кругу семьи и с позитивным настроем. К середине апреля ситуация стала резко меняться в худшую сторону. Появились очень сильные боли, которые снова приковали ее к кровати. Пытались что-то сделать по опыту прошлого года, но ничего не смогли — она «ушла» в бессознательное состояние и через пару дней (19 апреля) умерла.

Я сожалею о том, что так и не сходил с ней в церковь, когда она могла это сделать. Собирались, но все время находились какие-то мелкие отговорки. Но я рад, что сказал ей за неделю до смерти то важное, что хотел сказать.

Не хотел никого пугать страшной болезнью. В наше время люди очень легко пугаются — еще до того как что-то случилось. Предусмотреть все и быть ко всему готовым невозможно, но это не повод расслабляться. Что-то надо знать, не опускать руки и делать все возможное. В моей жизни теперь есть пример человека, который прожил с раком IV стадии в 10 раз больше, чем предполагали врачи.

Валентина Капитанова

СТРАНИЧКИ ИЗ ЖИЗНИ

Сыктывкар — мой родной город. Здесь я родилась, окончила школу, затем чуть меньше года отработала в роддоме санитаркой, но с медициной связываться не стала, поступив в Ухтинский индустриальный институт на специальность «Геология и разведка нефтяных и газовых месторождений». Преддипломную практику проходила в Октябрьском НГДУ Грознефть.

1

В Грозном мы некоторое время жили в гостинице на знаменитой теперь площади Минутка. Затем перебрались в Карабулак. В Чечне русских по тем временам было довольно много, никаких националистических заморочек не случалось даже в глубинке. В Геолуправлении, куда мы заявились, почему-то решили, что Ухта находится где-то за Полярным кругом, что мы там ездим на оленях и собаках, а по окрестностям города бегают белые медведи. У нас должны быть узкие глаза, и дома мы ходим исключительно в малицах. В общем, пришлось переубеждать. Пару раз местные нефтяники возили нас в Каспийск, на базу отдыха НГДУ. Тогда у них было все прекрасно организовано — и работа, и отдых. На буровые мы ездили смотреть, как работают качалки. Учились у операторов на распределительных станциях, работали сами, собирали материалы в фондах. Потом, к сожалению, весь этот опыт большинству из нас так и не пригодился. Кстати, моего будущего мужа после окончания института приглашали на работу в Грозный. Но юг его не прельстил, благодаря чему мы избежали участи беженцев во время чеченских войн.

2

После окончания института муж ушел в армию, а меня распределили в Усинск, куда я и уехала, оставив недавно родившуюся дочь родителям. В те годы Усинск еще и городом нельзя было назвать. Мне выделили место в вагончике, в самом поселке рабочих мест не было, а на буровой женщина с маленьким ребенком уж точно была не нужна. Поэтому начальство, облегченно вздохнув, отпустило меня на все четыре стороны. Я вернулась в Сыктывкар, где занялась поисками работы. Впрочем, искала недолго. Меня взяли на временную работу в Институт геологии с условием, что когда вернется муж из армии, тогда и будет решено, что со мной делать дальше. Отдела горючих ископаемых в институте еще не было, устраивалась я вре-

менно, поэтому особенно и не раздумывала, чем заниматься. Пошла туда, куда взяли, а именно в лабораторию петрографии, заведующим которой был тогда Борис Алексеевич Голдин. Он определил меня лаборантом в группу Виталия Николаевича Охотникова, которая состояла в основном из женщин — Т. А. Фомиченко[1], Е. И. Бевз, А. И. Чумаковой. Теперь к ним в придачу появилась и я. Впрочем, в самой лаборатории мужчин хватало: Б. А. Голдин, В. И. Мизин, В. И. Степаненко, М. Н. Костюхин, В. П. Давыдов. Позже пришли Д. Н. Ремизов и В. А. Гитев. Отдельную нишу занимали наши замечательные дамы Р. Г. Тимонина[2] и И. П. Никитенко[3]. Впоследствии состав лаборатории постоянно менялся, она то расширялась, то сокращалась. При этом костяк лаборатории долгое время оставался стабильным. К сожалению, в годы «перестройки» (1990-е) большая часть мужчин покинула ее по тем или иным причинам.

3

Мой муж после армии устроился в Вычегодскую партию, и нам дали жилье на базе партии (Доручасток, проезд геологов). Сначала это была однокомнатная квартира, а потом двухкомнатная без удобств, там мы прожили 11 лет. Конечно, эти щитовые дома не очень приспособлены для комфортной жизни. Особенно зимой, когда от печки толку было мало, да и за водой приходилось далеко ходить. Но все же это был свой угол. В те годы в поселке жила в основном молодежь. Скучно нам не было, трудности совсем не пугали, хотя мужья большую часть времени находились на участках и дом с детьми были заботой женской половины. В экспедиции выделяли автобус, который довозил нас до города, хотя пришлось, к сожалению, поездить и на городском транспорте, что далеко не так приятно. Надо сказать спасибо Вычегодской экспедиции, нормальную квартиру в городе мы тоже получили, благодаря ей.

4. Первое поле

Особенно хорошо мне запомнилось первое поле с В. Н. Охотниковым на Полярном Урале. Мы выехали практически всей нашей группой плюс

---

[1] Тамара Алексеевна Фомиченко, супруга В. Н. Охотникова, опытный петрограф.

[2] Римма Гавриловна Тимонина, основоположница геологии и петрологии регионально-метаморфических толщ на севере Урала.

[3] Ирина Петровна Никитенко, уникальный мастер минералогического анализа ленинградской школы, в наш институт пришла после многолетней работы на щелочных массивах Кольского п-ва и хрусталеносных месторождениях Приполярного Урала.

водитель Игорь Григорьевич Рочев[4], наш повар Зоя Туркина, лаборанты Нина Черненко и Вадим Потолицын. Я уже была на Приполярном Урале во время студенческой практики, будучи приписанной к 105-й экспедиции, которая вела поисковые работы на кварц в районе Хасаварки. Но у Охотникова все было по-другому. Хотя быт был устроен очень хорошо, не надо было мучиться с костром, поскольку возили с собой газовый баллон, было кому приготовить еду, но зато не было никакого разделения на мужской и женский труд. Главный девиз нашего начальника: «В поле нет женщин, только геологи». Мы сами заготавливали дрова для своей палатки (у мужчин была солярочная печь), лихо грузили на пару с Ниной Черненко ящики с образцами, ставили палатки, что, в общем-то, нас особо и не напрягало. Но именно в этом первом поле меня чуть было и не уволили с работы. Я умудрилась потерять образец, что В. Н. посчитал признаком моей полной безответственности и профессиональной непригодности. За это я получила выволочку, надо сказать, за дело. Но потом смогла реабилитироваться. Поле было довольно тяжелым, мы пару раз тонули, разувались посреди разлившейся р. Байдараты, сушили спальники и продукты у костра. У нас кто-то слямзил бочку с бензином и т. д., и т. п. Но никто не ныл, и в конце сезона В. Н. уже не вспоминал об увольнении, т. е. испытание полем я выдержала.

5. Еще одно поле

Следующий полевой сезон прошел без особых проблем, начальником была Елена Ивановна Бевз[5]. Мы работали на восточном склоне — Сибилей, г. Юр-Мэнеку, хр. Янганапэ. А вот очередная поездка с В. Н. оказалась опять с сюрпризами. Нас с А. И. Чумаковой и Н. А. Черненко оставили поработать на р. Ою-яхе[6], а основной отряд уехал на Карское побережье, оставив нам запас продуктов и паяльную лампу, на которой, можно при небольшой сноровке готовить пищу. Дров в окрестности не было, так что вся надежда была на эту самую паялку. Однако она у нас вышла из строя сразу же, как только вездеход скрылся за поворотом. Спаслись мы лишь тем, что печурка в палатке все же была. Нам с Шурой приходилось долго бродить по тундре, заготавливая карликовую березку, чтобы Нина могла сварганить хотя бы что-то съедобное к ужину. Так мы продержались

[4] Второй в истории нашего института вездеходчик (первым был легендарный А. Романцев). И. Г. Рочев раньше работал в г. Амдерме, в институт был приглашен самим В. Н. Охотниковым.

[5] Лена Бевз была замечательным человеком — умным, упорным, благородным, воспитанным и хорошо организованным. Однажды в самом конце сезона она спасла часть чужого отряда от гибели, сняв собственный вездеход с платформы и отправив его за попавшими в беду людьми.

[6] Самый север Полярного Урала, где карликовая березка вырастает на 10—15 см.

две недели, а потом я узнала, что паялка была неисправна изначально, поскольку наш вездеходчик решил проверить, как мы справимся с «ситуацией». Мы справились и даже не держали на него обиду. Просто у человека было такое хобби, наблюдать, как люди выходят из сложных ситуаций, которые иногда он сам и создавал, искренне считая, что так и надо проверять на «вшивость». Не знаю, может он был и прав.

Но все же эти бытовые сложности были ничто, по сравнению с окружающей природой. Меня всегда завораживала красота наших уральских гор, я могла часами ехать на крыше вездехода в любую погоду, сидя на нашей лавочке для пассажиров. Дорога меня не утомляла. В последнее свое поле В. Н. решил проехать по всем своим самым любимым местам Полярного и Приполярного Урала, попрощался с ним, как я сейчас понимаю. Это была действительно незабываемая поездка, погода нас радовала, да и вездеход практически не ломался, видимо понимая важность момента. В тот раз мы проехали много километров, останавливаясь, подчищали хвосты. По молодости мы не понимали, как это важно успеть съездить в свое последнее поле.

Потом я еще несколько раз ездила на Полярный и Приполярный Урал, но уже с другими отрядами. Сезоны были разные. Но как все-таки всем нам повезло с местом работы! Каким еще образом можно было бы попасть в одно из самых красивых мест России, да еще и поработать там? Есть все же в этих краях какое-то особое очарование.

Через некоторое время В. Н. перевел меня на должность инженера (он в это время был уже заведующим лабораторией). А после ухода А. И. Чумаковой в музей, я занялась минераграфией, сначала в группе самого В. Н., а затем в так называемой Тиманской группе В. И. Степаненко. Тогда мы думали, что сможем активно работать, но началась выше упомянутая «перестройка», когда на зарплату научного сотрудника было трудно содержать семью. Не все смогли переждать это время и наша группа развалилась.

Вообще все эти перестроечные метания отразились на жизни каждого в той или иной степени. Мы теряли людей и в прямом и в переносном смысле. Страна, к счастью, окончательно не развалилась, но колесо перестройки проехалось по многим судьбам.

Моя лаборатория — это для меня не пустой звук. Здесь во все времена работали и работают близкие для меня люди. Всем им я благодарна за тот или иной жизненный опыт, не важно, со знаком плюс или минус. Главное мне не приходилось просто отбывать скучную повинность, я могу ругаться, раздражаться, делать не свое дело, не всегда получается идти «с радостью на работу», но без этой работы я не могу представить свою жизнь.

Эмма Лосева

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ

Приближался день защиты. Моя дипломная тоже мало-помалу подходила к концу. Медленные темпы работы меня не очень беспокоили — я знала, что к сроку все будет готово. Однако в последние дни пришлось здорово поднажать: переписывание — очень трудоемкое занятие, ничего не дающее ни уму, ни сердцу. Основная часть иллюстраций тоже осталась на самый конец. Я даже на репетиции хора перестала ходить. И вот настало накануне. Закончив последние надписи на картах и быстро просмотрев текст, я собралась на факультет.

День был холодный и пасмурный, один из тех, которыми так богата ленинградская весна. Этот день никак не гармонировал с моим настроением. Немножко беспокоило, правда, то, что с работой еще не познакомились ни оппонент, ни руководитель. Эх, да подумаешь, велика беда! Как-нибудь обойдется! Главное, работа закончена. Пять лет учебы позади. А впереди — впереди защита, госэкзамены и... Я еще плохо представляю, что будет «и»; знаю только, что будет какая-то совсем новая жизнь. Защита пройдет хорошо, экзамены — как-нибудь, а вот куда пошлют работать? Этот вопрос давно волновал нас всех. Самое интересное, пожалуй, то, что у меня не было никакого определенного желания. В школу — не хочется. На научную работу — не выйдет. Я всегда считала себя практиком, поэтому больше всего влекло меня к полевой экспедиционной работе, вернее же, к экспедиционным поездкам. Мне трудно было выбирать свою дальнейшую жизненную тропу, но задача эта имела простое решение — куда пошлют. А вот куда? А. Г. говорил, что в школу нас не отправят. А куда? В последнее время, однако, только и было слухов, что в школу и в школу. Скорей бы все стало ясно!

Размышляя подобным образом, дошла я до факультета. На лестнице меня встретила старшая лаборантка кафедры Н. М., высокая женщина с гордо посаженной головой и строгим взглядом.

— Где ваша работа? — осведомилась она.

— У меня, — показала я сверток.

— О чем же вы думаете? Или хотите остаться без защиты? На будущий год защищать? Завтра защита, а вы!..

Я стояла, совсем уничтоженная. Помолчав, она добавила:

— Защиты не будет.

— Не будет?!

— А как вы хотите, ведь работы еще не проверены! Идите, оставьте на кафедре!

Я не ожидала, что защиту отложат. На кафедре узнала подробности: защита разбивается — часть группы защищает завтра, часть — через три дня.

Пришла Зоя, очень расстроенная: ей сказали, что оппонент не успел прочесть ее работу, хотя она сдала ее одна из первых. Защита ее также откладывается. Мне бы и самой хотелось защищать поскорее, завтра же, но я сама виновата.

Уходить не хотелось, теперь все равно нечего было делать. Пришли Аза и Лиля с Симой. Всех волновало одно и то же — что-то будет завтра? Я ждала А. Г., который был моим руководителем, ждала его последнего слова. Конечно, он будет меня ругать. Тогда я ему скажу... Этот ответ был у меня готов еще со вчерашнего вечера. А. Г. вошел усталый, но какой-то добрый. Все сразу оживились. Мы любили его, пожалуй, больше других преподавателей. И это понятно. Он больше других имел с нами дело как секретарь кафедры и как преподаватель; он скорее понимал нас, потому что сам был молод, к нему мы обращались со всеми вопросами и сомнениями. Вот и сейчас потянулись мы к нему:

— А. Г., а кто будет завтра защищать?

— Готовы ли работы у Раи и Инны?

— Почему моя работа не проверена?

— Вы меня не будете ругать? — так и посыпались вопросы после приветствия. Наконец, мы узнали обо всем, что нас интересовало. Услышав, что я принесла свою работу, А. Г. обратился ко мне:

— Будете защищать!

— Да как же, А. Г.?!

— Вы, что, не хотите?

— Да почему не хочу? А как же оппонент?

— Сегодня передам ее В. В. (он ваш оппонент), отзыв напишу завтра утром; я же в общем знаю вашу работу.

Это правда, он хорошо знает мою работу.

Известие о том, что я буду завтра защищать, видимо, явилось последней каплей в чаше, переполненной волнениями и впечатлениями сегодняшнего дня. На меня напало буйное веселье. Наконец, мы с девочками отправились по домам. Перед уходом я решилась все же сказать А. Г. ту фразу, которая была готова у меня со вчерашнего дня и которая была сейчас не очень уместна:

— Вы меня сегодня не ругайте, А. Г. Ведь у меня сегодня день рождения!

— Да ну?! — улыбнулся преподаватель. Он и не думал меня ругать. А мне просто хотелось сказать ему о моем празднике, чтобы он знал и лишний раз подумал обо мне.

Мы с подругами шли длинной пустынной улицей и говорили о том, что хорошо бы после защиты съездить куда-нибудь за город, а кому-то в голову пришла чудесная идея — подарить А. Г. что-нибудь на память.

Дальше я шла уже одна и думала о том, что мне сегодня — двадцать два, и это великолепно; что завтра защита — и это очень хорошо; что моя работа должна всем понравиться — своим внешним видом, оформлением (особенно хороша, конечно, папка, синяя такая). Что касается содержания, сути — это будет ясно завтра...

Май 1953 г.

Галина Маркова

«ЗАЧЕМ ЖИВЕМ?» ФИЗИК И ЛИРИК ПРОФЕССОР В. М. КОШКИН

В свое время, изучая проблему радиационной устойчивости флюорита, я в книге Я. Е. Гегузина «Живой кристалл» (М., Наука. 1981) нашла любопытное объяснение радиационной стойкости «рыхлых» структур с точки зрения образования «мигающих» вакансий в кристаллах. Идея о «мигающих» вакансиях принадлежит доктору физико-математических наук Владимиру Моисеевичу Кошкину, который, как поясняет в своей книге Я. Гегузин, обратил внимание на быстро исчезающие следы от капель дождя на поверхности луж.

Не будем вдаваться в суть проблемы радиационной устойчивости, а обратимся к личности профессора В. М. Кошкина — физика-теоретика, заведующего кафедрой физической химии Национального технического университета «Харьковский политехнический институт». Область его научных исследований — физика твердого тела, физическая химия: многокомпонентные полупроводники, полупроводники со стехиометрическими вакансиями, радиационная стойкость кристаллических веществ, интеркаляция и проч. Он заслуженный деятель науки и техники, лауреат государственной премии Украины, иностранный член Академии естественных наук и Академии гуманитарных наук России. Автор книг по физике, а также литературных и философских произведений, один из авторов Открытия в области физики полупроводников (№ 245 по Государственному реестру СССР). В 2010 г. вышла в свет книга В. Кошкина «Чувства и символы» (Харьков, Фолио), как написано в аннотации, «для интеллектуалов, для тех, кто ищет суть вещей: об искусстве, о богах, о любви, о художниках, о картинах и стихах, о природе творчества и успеха». Владимир Моисеевич Кошкин — ученый-энциклопедист. В этой книге он рассуждает о проблемах бытия, о смысле жизни, о предназначении человека.

Зачем живем? Зачем мы рождены?
Прожить как птички,
от весны и до весны?
Соорудить гнездо, яйцо снести
И высидеть его — и все?

А после лечь костьми?
Нет, я уверен, мир мы посетили,
Чтоб не яйцо, а Слово
принесли мы.

С В. М. Кошкиным я знакома заочно, через свою дочь Людмилу Кочеву. Еще будучи аспиранткой, она в 1982 г. принимала участие в работе всесоюзной школы-семинара по актуальным проблемам теоретической химии в Караганде, где и посчастливилось ей познакомиться с Владимиром Моисеевичем. С тех пор он стал большим другом, всегда готовым придти на помощь. Человек высочайшего интеллекта, большой душевной щедрости, широко мыслящий, удивительный собеседник, он остается простым и открытым для общения.

Нужно сказать, что харьковская школа ФИЗТЕХА всегда славилась именами физиков и выдающимися успехами. Достаточно назвать имя Льва Ландау, который работал в Харькове, и где зародились его знаменитые теоретические семинары и научная школа. Сильные традиции харьковского «физтеха» сохраняются и в наше время. А прославленный Харьковский политехнический институт в 2010 году отмечает свое 125-летие.

Содержание книги В. М. Кошкина «Чувства и символы» вызывает потрясение. В ней рассматриваются такие темы: «Искусство и любовь», «Искусство и личность», «Боги. Интеллект. Искусство» и, в частности, — «Математика любви», «Живопись пространств. Масштабы», «О странной синхронности физики и искусства». Автор на равных «беседует» с Леонардо да Винчи, Рембрандтом, Рерихом, Пикассо и другими великими творцами, интерпретируя каждый мазок на их полотнах своим пониманием сущности сказанного художником. В.М. Кошкин поверяет математикой даже поэзию и личность поэта. Так, применив «метод полярных шкал», он исследует личностные черты Пушкина, Шевченко, современных поэтов. Рассуждая о соотношении масштабов личности и пространства, он пишет:

«Мир во мне и мир вне меня.

Лоррен и Пуссен — маленький человек в огромном пространстве. Понимаю, как я ничтожен в сравнении с Природой.

Масштаб 1:10 000

Рокуэл Кент — человек, вышедший к границам пространства. Дальше — нельзя. Отсюда еще можно вернуться. Общаясь с Кентом, я понимаю, что величие Природы таит опасность.

Масштаб 1:100

Нисский — это пространство, обжитое человеком. Входя в его пейзажи, успокаиваешься: пространства дружелюбны.

Масштаб 1:10

Рерих — это пространство и время, неразделимые. И недоступные человеку. Рерих — это чувственный смысл относительности. Чувственная иллюстрация к Эйнштейну.

Масштаб 1:1

Человек, Бог, Пространство и Время — соизмеримы. И неразделимы».

Я не берусь комментировать дальше содержание книги, ограничусь этой краткой выдержкой. Книгу нужно читать, осмысливать. Она требует напряженной работы ума.

Круг интересов профессора В. Кошкина простирается на такие области знания, как статистическая литературометрия, психология, экономика, эстетика и даже проблемы терроризма. Вот перечень некоторых его трудов (часть из них в соавторстве): «Вероятностный мир психологии и статистика лирики», «Быть поэтом. Опыт статистической литературометрии», «Этологический механизм биологической эволюции», «Периодические процессы в психологии и экономике (феноменологическая модель)», «Квантовая механика и психология: аналогии Нильса Бора. Толерантность и искусство задавать вопросы», «Инстинкт веры, или Чего жаждут боги». Всего не перечислить. Книги и статьи В. М. Кошкина издаются не только в Украине и России, но и в Швейцарии, Израиле. И все это — на фоне научных трудов ученого. В кн.: «Владимир Моисеевич Кошкин. К 70-летию со дня рождения (Биобиблиографический указатель). Харьков. Факт, 2006» приводится список научных работ В.М. Кошкина. Назовем лишь некоторые из более, чем двухсот:

Кошкин В. М., Воловичев И. Н., Гуревич Ю. Г .и др. Материалы и устройства с гигантским радиационным ресурсом / В сб.: Материалы сцинтилляционной техники / Ин-т монокристаллов, 2006.

Кошкин В. М., Эккерман В. М. Новый вакансионный механизм диффузии. ФТТ, 1974. Т. 16, № 11.

Кошкин В. М., Ягубский Э. Б., Мильнер А. П., Забродский Ю. Р. Новый тип интеркалированных слоистых соединений. Письма в ЖЭТФ, 1976. Т. 24, № 3.

Кошкин В. М., Катрунов К. А., Гальчинецкий Л. П. Радиационная стойкость оптического пропускания кристаллов в ИК-области спектра. Атомная энергия. 1981. Т. 50, № 2.

Кошкин В. М., Катрунов К. А. Сверхрешетка и квантовый размерный эффект в интеркалированных кристаллах. Письма в ЖЭТФ.1979. Т. 29, № 4.

Кошкин В. М., Дмитриев Ю. Н., Забродский Ю. Р. и др. Аномальная радиационная стойкость рыхлых кристаллических структур. Физика и техника полупроводников. 1984. Т. 18, № 8.

Кошкин В. М., Слезов В. В. Легирование нанокристаллов // Журн. технич. физики. 2004. Т. 30, № 5.

Кошкин В. М., Дульфан А. Я., Чергинец В. Л. Кинетика роста кристаллов и термодинамика наночастиц: между физикой и химией // Изв. РАН, 2006. Т. 70, № 11.

Открытие. *Жузе В. П., Палатник Л. С., Кошкин В. М., Атрощенко Л. В., Овечкина Е.Е. и др.* Свойство химической инертности примесей металлов в полупроводниках со стехиометрическими вакансиями. №245 / Бюлл. изобр. и откр. СССР. 1981. № 41.

Koshkin V., Dmitriev Yu. Chemistry and Physics of Compounds with Loose Crystal Structure. Harwood academic publishers. Switzerland, ser. «Chemistry Reviews», 1994, V. 2 , Part. 2. 138 p.

Среди своих Учителей и ближайших сподвижников в науке Владимир Моисеевич называет имена известных физиков — И. Лифшица, В. Марченко, Я. Гегузина, Ю. Фреймана, Л. Палатника, Д. Данина и многих других.

Мне кажется, что перед В.М. Кошкиным не стоят неразрешимые вопросы. Каждый имеет свой ответ. Нужно только доказать. Как утверждает профессор, «любая важная гипотеза требует экспериментальной проверки», даже такой «животрепещущий» вопрос — сохраняется ли душа после смерти ее земного носителя. И такой эксперимент по предлагаемой модели он, убежденный атеист, адресует провести совместно с Академией наук Ватикана. В книге «Чувства и символы» В.Кошкин приводит письмо, в котором он обращается с этим предложением в Ватикан. Кто бы еще отважился на такое? Вот он — мир настоящего естествоиспытателя. Сама модель понятна, но ее осуществление — за пределами понимания. Автор, обращаясь к читателям своей книги, призывает их к диалогу по поставленным в ней вопросам, обозначая книгу, скорее всего, как задачник для поиска ответов, а мы, со своей стороны, советуем интеллектуалам с ней ознакомиться и найти ответы для себя.

«Уходит свет за горизонт,
И день окончен.
Куда уходит все тепло
Осенней ночью?

Густеют сумерки в душе —
Неразличимо,
Что есть начало, что финал
И что причина...»

Мы можем только позавидовать блеску таланта профессора Кошкина Владимира Моисеевича и от души пожелать ему дальнейших творений на ниве ФИЗИКИ и ЛИРИКИ.

Лев Махлаев

ВЕЛИКИЙ ЮБИЛЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (к пятидесятилетию полета Юрия Гагарина)

Вот вышел в свет и очередной сборник наших непрофессиональных трудов. Я листаю прежние наши издания, и в очередной раз убеждаюсь в их ценности. Казалось бы — ну зачем все это? У каждого из нас есть свое призвание, как и соответствующая ей своя «стезя» у кого-то только еще формирующаяся, у кого-то четко обозначившаяся, а у кого-то — полностью сложившаяся. Так стоит ли разбрасываться? Да не просто стоит — это жизненно необходимо! Это — потребность души! Во-первых, каждая личность — многогранна и многовариантна! Особенно ярко это проявляется в поэзии, но интересны и привлекательны не только стих. Совершенно особую область наших публикаций составляют воспоминания. Многие мои коллеги и друзья искренне полагают, что жизнь каждого отдельного человека слишком малозначительна. Ну, что такого особенного могло произойти в ней, что дает право потенциальным авторам воспоминаний на постороннее внимание? Да нет же — ведь все мы живем вовсе не изолированно, а потому все мы становимся свидетелями (и соучастниками!) самых разных событий — в том числе и таких, какие иначе чем эпохальными и не назовешь. Масштабность их становится очевидной лишь со временем, но память каждого из нас сохранила порой какие-то их нюансы и оттенки, которые не были восприняты другими, и это позволяет совсем другим людям, твоим читателям, увидеть в новых красках те или иные события нашей прошлой общей жизни!

В этом году все человечество отмечает пятидесятилетие начала космической эры своей истории, обозначившееся полетом Юрия Гагарина. Я никоим образом не причастен к этому, но жил я в то время, а потому неизбежно воспринимал, так или иначе, все те события. Соответственно, мне и самому очень интересно сейчас вспомнить о них! Теперь-то я, кстати, понимаю, что космическая эра человечества началась, все-таки, не с полета Гагарина, а несколько раньше. Сейчас можно спорить о конкретной дате. Я думаю, что вопрос этот еще будет рассматриваться историками. Но сам я, оглядываясь на прошлое, все упорнее вспоминаю в этой связи скромный день 4 октября 1957 года, который мне довелось встретить в качестве пассажира морского ледового транспорта «Индигирка». Я возвращался на этом корабле из Диксона. В Архангельске у нас планировалась пересадка с корабля на поезд. Третьего октября «Индигирка» вошла в Двину. Странное было ощущение. Громада морского теплохода медленно скользила по извилистому фарватеру, с трудом вписываясь в речные излучины. Порой

казалось, что корабль вот-вот воткнется в берег. Но на мостике стоял опытный местный лоцман, да и сам капитан был родом из архангельских поморов. Он знал эту реку с детства. Так что все обошлось без каких-либо происшествий. К вечеру мы вошли в Архангельск и «стали на бочку» почти в центре города, а наутро отшвартовались у городской набережной. И тут судовая трансляция включила Москву, передававшую экстренное сообщение о запуске первого в мире искусственного спутника Земли. Того самого шарика с усами-антеннами, твердившего в полете знаменитые «бип-бип-бип...». Именно запуск этого спутника я и воспринимаю теперь как ключевое событие, положившее начало освоению космоса! И так уж случилось, что первый космической эры, 4 октября 1957 года, оказался и последним днем моего первого арктического сезона, что особо прочно зафиксировало его в моей памяти.

В ту самую осень едва ли не каждый гражданин нашей страны поднимал вечерами голову к небу, чтобы увидеть, как среди привычных звезд плавно проплывает по небосводу подвижная рукотворная звездочка. Нам поначалу помогала в этом и радиослужба, сообщавшая в сводках погоды, в какой части неба, и в какое именно время, будет виден наш спутник. И в каком направлении он будет смещаться. У совершенно незнакомых людей появлялся необычный и абсолютно неплановый повод для общения: очень часто случайные прохожие помогали вечерами друг другу в поисках этого чуда: «Да вот же он (спутник), посмотрите правее адмиралтейской иглы! Видите? Ну, вот и здорово! В следующий раз вы его и сами найдете. И детям своим покажете».

Вы не поверите, но в такие минуты люди становились, может, и не добрее, но явно дружелюбнее. Между ними возникало ощущение родства: мы не просто случайные прохожие, мы не просто жители одного города, граждане одной страны, мы представители ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, которое впервые отправило некое свое творение за пределы Земли, и сделало это не в фантастическом рассказе, а наяву! Конечно, зарубежное радио упорно старалось преуменьшить значимость этого события. Смысл передач «голоса Америки» и «Бибиси» сводился к тому, что русские запустили на орбиту «примитивный кусок железа», не способный ни к восприятию, ни к передаче никакой значимой информации! Он, дескать, способен только обозначать свое движение по орбите, что никому, в принципе, не нужно! Но эти «сентенции» с трудом прикрывали явную растерянность.

Да, это был всего лишь «кусок железа с примитивным радиопередатчиком» Но он был первым! А дальше события развивались стремительно, хотя мы почему-то никак не сознавали этого. Размеры спутников росли, в них появились обособленные отделяемые контейнеры с фотоаппаратурой: какие невиданные возможности для познания чужих тайн, для разведки! Но вот в этих контейнерах отправились в космос собаки. Имя «Лайка» узнало все человечество. Я, человек некурящий, не мог не купить пачку си-

гарет с очаровательным портретом этой дружелюбно улыбавшейся животины. Жаль — не сохранил я тот памятный сувенир! А потом появились Белка, Стрелка, Чернушка, Звездочка. Те из них, кому довелось полететь в космос попозже, не только вернулись на Землю живыми, но и благополучно обзавелись потомством. И все же всем нам казалось, что дистанция от собачек до человека столь велика, что едва ли будет преодолена при нашей жизни. Что ж, тем великолепнее и грандиознее оказался апрель 1961 года!

Незадолго до того я стал аспирантом кафедры петрографии Ленинградского университета, где должен был, помимо учебы, проходить педагогическую практику. Работа со студентами включалась в обязательном порядке в наши индивидуальные аспирантские планы. Я получил в тот весенний семестр группу геофизиков, которым раскрывал премудрости работы с микроскопом, учил их описывать наиболее типичные горные породы и определять в шлифах слагающие их минералы. Ребята занимались с явным интересом, и вполне признавали во мне педагога. Отношения складывались у нас очень доверительные. Но вот настало 12 апреля. Голос Левитана сообщил всему миру о первом полете в космос — ***человека!*** О полете Юрия Гагарина. Я прихожу на занятия, будучи не то чтобы в шоке, но в явном ошалении. Ребята все в сборе, но их состояние не шибко отличается от моего. Они дружно просят меня отпустить их. Зачем? Пойдут на дворцовую площадь! Ну, разве можно было возражать в такой ситуации? Я тут же понял, что и мне крайне нужно идти туда же! Мне физически необходимо было находиться тогда среди людей, разделявших такие же чувства! Мы пошли на Дворцовый мост, по которому уже шел грандиозный людской вал!

Я первый (и, пожалуй, единственный) раз в жизни видел никем не организованную, истинно стихийную демонстрацию! Люди собрались, без преувеличения, по велению сердца... Преобладала, конечно, молодежь. Студенты и школьники шли толпами, несли самодельные лозунги, наспех написанные на лоскутах бумажных обоев: ***«Ура! Мы первые! Юрка — русский! Юрка — герой! Юрка, возьми меня в космос!»***. Десятки, сотни не повторявшихся лозунгов! А в это время телефонная сеть в городе раскалилась от напряжения. Руководители низовых партийных организаций звонили в райкомы партии: что делать? Райкомы велели ждать, а сами звонили в Смольный. Смольный — в Москву. Наконец из ЦК КПСС пришло лаконичное указание: «Демонстрацию возглавить!». А как ее ***возглавишь***, когда народ уже «на марше», а самые инициативные уже на Дворцовой площади?! Ректор университета срочно поехал на своей «Волге», прихватив секретарей парткома и комитета ВЛКСМ, догонять демонстрантов, но... Дворцовый мост был запружен толпой. Остановились трамваи, автобусы... Можно было идти только пешком, не во главе демонстрантов, а вместе с ними. Возможности «Отцов города и области» были, конечно, несравнен-

но большими, чем у нашего ректората. Не без труда, но им все же удалось пробиться из Смольного к Дворцовой площади и занять там, хоть и с опозданием, места на привычной трибуне у Зимнего дворца, где срочно, в аварийном порядке, установили микрофоны. Далее все стало хоть немного похоже на обычную демонстрацию. «Слуги народа» что-то кричали в микрофоны, провозглашая призывы (на этот раз, правда, никем свыше не утвержденные, спонтанно сформулированные ими самими), проходившие по площади толпы (назвать которые колоннами было невозможно) дружно кричали в ответ «Ура!!!».

Чуть позже на стене ближайшего к Зимнему здания со стороны улицы Халтурина (помнится, это был «Военно-морской архив») появился громадный портрет Юрия Гагарина, наспех нарисованный кем-то на белом полотнище смелыми черными мазками. Вчера еще это лицо не знал никто, кроме родных и сослуживцев, но в эти минуты его уже знала вся страна (да, пожалуй, и весь мир) по телеизображению и фотографиям в газетах, которые мгновенно сметали с прилавков киосков. Все улыбались, многие плакали. Все были преисполнены гордостью за свою Страну, свой народ, и за человечество в целом. Все понимали (нет, скорее все же не понимали, а чувствовали) эпохальность момента: впервые человек посмотрел на Землю со стороны! Мы сознавали, что ничего сопоставимого по значимости не бывало в истории человечества, во всяком случае — со времен Колумба!

Позже в тот вечер на улицах, в магазинах, в общественном транспорте — везде говорили только о Гагарине: о том, какая у него обаятельная улыбка, какое русское лицо, и как здорово, что первым в космосе оказался все-таки наш соотечественник! А через несколько дней все, кто мог, толпились у телевизоров — смотрели репортаж о прибытии Гагарина в Москву. Вот самолет, в сопровождении почетного эскорта истребителей появился в небе столицы, вот он садится на летное поле правительственного аэродрома, останавливается у широченной ковровой дорожки. Юрий Гагарин появляется в проеме люка, почти сбегает по трапу... Музыка играет встречный марш. Он четким шагом подходит к Никите Сергеевичу, звонко рапортует о выполнении задания партии и правительства. Глаза у Хрущева влажны от слез счастья, он явно волнуется, причем даже больше, чем сам Гагарин. Вечером опять же вся страна смотрит репортаж о торжественном приеме в Кремле. Основательно подвыпивший Никита Сергеевич ходит среди присутствующих, полуобняв Гагарина за плечи, и, похлопывая его временами по спине, приговаривает, блаженно улыбаясь, «Мой Юрка, мой Юрка!». Это было так человечно, так неофициально тепло, и так понятно! Все-таки чего у Хрущева не отнять, так это открытости. И эта открытость вызывала симпатию.

Вообще в этой первой космической Одиссее радовало многое, а не только тот факт, что Колумбом космоса оказался наш парень, да к тому же такой обаятельный. Радовало и то, как все это подавалось. Радовало, что

главным героем всех репортажей был именно Гагарин, что почти не было опостылевших фраз о руководящей роли партии, тем более о «выдающемся вкладе в освоении космоса лично Н. С. Хрущева». Это пришло позже, но тогда, в первые «космические» годы, все стояло на своих местах. Первым был все-таки «Юрка». Ну, конечно, мы не знали тогда имени того, кто был главным виновником торжества. Имя Королева мы узнали много позже... Когда его уже не стало... Но это тоже было понятно и естественно. Мы все понимаем, что «генеральный конструктор» — это одна из наших величайших государственных тайн. И мы догадывались, что это ему, прежде всего, а потом уже всем нам были адресованы теплые и человечные слова, произнесенные Ю. Гагариным перед стартом:

— Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы вселенной... Какие чувства переполняют меня? Радость? Это не только радость. Гордость? Это не только гордость... Все, что было прожито мною, что было сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты!

В тот вечер эту речь передавали неоднократно. Вскоре появилась в продаже и пластинка с ее записью. Есть она у меня и сейчас, и я иногда слушаю ее. Слушаю и не могу понять, почему у меня подступает при этом ком к горлу, и на глаза навертываются слезы, а мои дети и внуки слушают это совсем спокойно, даже равнодушно. Для них в этой речи нет ничего особенного. И это, вообще-то, вполне понятно. Но для меня, как и для многих современников тех событий, крайне важным было и остается не то даже, что это речь первого космонавта планеты перед первым полетом, но скорее то, что впервые за многие годы по радио и телевидению прозвучало живое человеческое слово. Конечно, были в его речи и ритуальные слова о партии, но главным было все же обращение человека к другим людям. Не к человечеству в целом, и не к российскому народу, а к каждому из нас в отдельности, но в то же время и ко всем нам в совокупности!

Жизнь этого человека была очень недолгой, слишком недолгой, но ценность жизни не измеряется ее продолжительностью! Уж, во всяком случае, не одной лишь продолжительностью. Юрий Гагарин недолгие свои годы отдал великой цели, и судьба была к нему предельно благожелательна! Сейчас мы все прекрасно понимаем, что жизнь человечества без космоса давно уже немыслима! Это и паутина всемирной связи, и недремное око телевидения, позволяющее видеть все и везде, это и немыслимые возможности познания нашей собственной планеты. Но это и перспективы резкого расширения пределов нашего обитания. Да — познание космоса требует громадных затрат. Но даже чисто финансовая прибыль, полученная от этого только за последние 10 лет, давно уже перекрыла все предшествовавшие расходы — и материальные, и денежные! В итоге — человечество осознало, что начало освоения Космоса не просто перевернуло очередную страницу истории. Сопоставление того, что было до первых спут-

ников и до Гагарина с тем, что окружает нас сейчас, показывает, что мы уже полвека живем в новой эпохе, принципиально отличной от предшествующей полосы всемирной истории. Человек побывал на Луне. Вполне ожидаемо создание лунной базы, разработка лунных полезных ископаемы. Теперь-то мы верим, что люди вот-вот отправятся на Марс. Поэтому решение ЮНЕСКО провозгласить начало космической эры всемирным праздником вполне понятно и обосновано.

Вопрос был в выборе точки отсчета, в определении даты. Что ж — как это ни удивительно, но ЮНЕСКО, определяя эту дату, исходило не только из логики. ЮНЕСКО — это не машина, это даже не компьютер — это живые люди! Люди, с их неизменной подвластностью эмоциям! И совершенно правильно, что точкой отсчета был избран полет Юрия Гагарина! Да, Гагарин — первый, да — он Колумб Космоса! Конечно был Великий Королев, были и другие великолепные конструкторы, блистательные инженеры, а еще раньше был (не забудем этого!) гениальный Циолковский! Все это — правда. Но 12 апреля 1961 года Мир узнал Юрия Гагарина. Мир был восхищен его подвигом и покорен его улыбкой! И это останется навечно! И тот факт, что Всемирный день Космоса — это именно день полета Гагарина, конечно же, наполняет нас всех законной гордостью — за свою страну, за свой народ, а значит — и за себя лично!

Анатолий Плякин

ВЫХОДЦЫ ИЗ КАЗАНИ…

Валентин Сергеевич Юдин

Он появился в Ухтинской экспедиции поначалу как-то незаметно, в группе казанских геологов, выполнявших геологическую съемку под руководством профессора Муравьева. Но вскоре стал очень заметен по некоторой суетливости, почему-то бросавшейся в глаза. Особенно когда начинался полевой сезон, и все отряды и партии получали полевое снаряжение и продовольствие на складах. Незаметно Валентин стал в этой группе самым заметным человеком, так как всю практическую работу организовывал в партии он, а Муравьев оставался при этом главным «мозгом» коллектива казанского десанта в Ухте.

К Валентину привлекала его необычная общительность и любознательность. Он очень активно работал на заседаниях научно-технического совета экспедиции. Вопросы задавал явно не для того, чтобы покрасоваться и показать свою эрудицию — его, в самом деле, интересовали многие детали геологического строения разных районов Тимана и Притиманья. А его научные интересы были очень обширны.

Начать хотя бы с того, что он прекрасно знал макро- и микрофауну, по крайней мере, девонских и каменноугольных отложений, а потому в поле мог свободно ориентироваться в стратиграфии и соответственно — тектонике нашей территории. Подобных палеонтологических авторитетов у нас в экспедиции даже среди опытных съемщиков, пожалуй, не было. На обнажениях он просиживал часами, выколупывая всякую органику, на которую другой и внимания-то не обращал. Я, во всяком случае, других таких не знал.

Методами геологического картирования он владел, можно сказать, тоже в совершенстве и мог проконсультировать любого геолога, не говоря уже о начинающих, молодых специалистах или студентах-практикантах. При составлении и подготовке геологических карт к изданию он учитывал малейшие детали, на которые другие просто не обращали внимания.

Особым интересом его были полезные ископаемые. Сразу оговорюсь, что он не был специалистом по оценке месторождений полезных ископаемых, то есть его главным интересом был поиск, а не разведка со всеми ее премудростями вроде технологического опробования или подсчета запасов. Да он и никогда этим не занимался. А вот по малейшему признаку «зацепить» какое-нибудь проявление было его большим интересом, который я бы, пожалуй, мог назвать затасканным словом «хобби», но в хорошем смысле слова. Сколько за время работы на Тимане он описал подобных проявлений! Вспомните его указания на медепроявления, фосфато- и гипсопроявления, точки с золотом и радиоактивными элементами и многие-многие другие в самых разных районах Республики Коми.

Так получилось, что когда Валентин работал старшим геологом Казанской партии, работавшей с УГРЭ на договорных основах, местами деятельности этой партии были либо самые южные, либо самые восточные районы, которые готовились к затоплению при повороте реки Печоры в южном направлении (помните, был такой проект?). Как выражались тогда наши «коренники» — угрэвские съемщики, ловить там было нечего, надо было только быстро закрыть территорию затопления, чтобы иметь хоть какую-то геологическую основу будущего дна морского. А Юдин выполнял работу с полной отдачей сил и полным напряжением, создавая геологическую продукцию высочайшего класса, в чем можно убедиться и сейчас. Его «листы» при составлении сводных карт практически не требовали увязок, а объяснительные записки содержали полноценную геологическую информацию, вполне обоснованную добротным фактическим материалом. При этом он стремился все увидеть сам, побывать на любом маломальски интересном в любом отношении или спорном участке.

Валентин был идеальным маршрутчиком. Его не могли остановить в намеченном маршруте никакие препятствия, никакая продолжительность маршрута и его сложность. Помню, в один из полевых сезонов во время полевых работ с ним случился приступ острого аппендицита, и его с трудом удалось вывезти на вертолете в больницу. Операция прошла успешно, а он долго и упорно пытался почти сразу после операции вернуться в поле, так как там, видите ли, он не успел описать какой-то важный участок. Время болезни он считал безвозвратно потерянным.

Он был одним из самых активных участников заседаний, а потом и членов НТС экспедиции. По любому объекту он досконально выспрашивал малейшие неясности, обращал внимание на допущенные недоделки, настоятельно рекомендовал принятия дополнительных мер.

Временами он был удивительно доверчивым человеком и оставался бессильным перед авантюрой. Видимо, в его голове не помещалось, что кто-то может использовать нечестные приемы для повышения оценки какого-либо объекта работ. Некоторое время он работал в Тимано-Печорской партии, занимавшейся общими поисками золота под руководством

А. А. Котова. В 1981 году, после моего возвращения из загранкомандировки из Гвинеи начальник УГРЭ Г. Е. Трофимов предложил мне возглавить эту партию. Валентин взахлеб рассказывал мне о «золотых талантах» А. А. Котова. Его восхищали оценки перспектив золотоносности современных отложений бассейнов многих рек Среднего Тимана, определенные этим «талантом» с вертолета. Я так и не понял, откуда у него возникла такая вера в этого «прогнозиста»? В последующем А. А. Котов заявлял, что никогда не считал Тиман перспективным на современные россыпи, хотя и проектировал эти работы, и «ошибки» других находил, а вот найденных позже В. А. Дударом и В. Г. Шаметько современных россыпей золота на Вымской гряде ни спрогнозировать, ни найти не сумел...

Очень большая работа была проделана самим Валентином и руководимым им коллективом геологов по групповой крупномасштабной геологической съемке. И снова добротная геологическая карта, многочисленные, ранее никем не замеченные проявления, находки теллуридов золота, новые оценки фосфатоносности, проявления бокситоносности.

Валентин был компанейским человеком, и ничто человеческое ему не было чуждо. Он с удовольствием принимал участие в мужских посиделках с бутылкой, любил юмор, знал много анекдотов и любил по-доброму подшучивать над коллегами.

Одним из главных его увлечений была рыбалка, и в этом отношении среднее течение реки Цильмы для него было идеальным. Мне однажды довелось вместе с ним принять участие в одной из таких рыбалок, правда, не совсем законных, а, вернее сказать, с нарушением общих правил рыбной ловли, то есть с «лучом». Отправились с базы партии, которая располагалась на устье р. Нижней Сенки на заранее подготовленной лодке с запасом факелов и острогами. Дело было осенью, когда полевой сезон практически закончился. На моторной лодке нас было 5 человек, в том числе двое москвичей. Когда стемнело, и мы отплыли от основной базы километров на 5—6, впереди зажгли факелы, а по сторонам лодки расположились «опытные» — «остроглазые» охотники-рыбаки. Под «лучом» факела рыба замирала, и надо было моментально наколоть ее острогой и закинуть в лодку. Хотя этот способ ловли не законен, он приводит часто к ранению множества рыбин. Не оправдывая ни себя, ни других участников этого «похода», должен признаться, что он все-таки увлекателен и весьма азартен. Рыбы было немного, редко попадались хариусы, иногда — сиги, но чаще практически неподвижные небольшие налимы. Валентин рассказывал, что пойманный налим съедает свою собственную печень, чтобы она нам не досталась (деликатес!). Поэтому печень из налимов изымали сразу после отлова. Самым ловким и опытным, был, конечно, Валентин. Где-то по пути мы остановились перекусить и попить чаю, но в темноте «откушали» зазеленевшего (заплесневевшего) белого хлеба, что сразу же сказалось на необходимости многократных остановок для посещения прибрежных

кустов и принятия «экстренных» мер. К счастью, по берегам реки нашли черемуху, заварили чай с ее листьями, и ближе к рассвету беда миновала, хотя хлопот это доставило немало... Под самое утро около развалин деревни Омелинской удалось, наконец, достичь главной цели всего «похода» — наколоть весьма удачно, не допустив срыва раненых, две или три приличных семги.

Второй раз мне довелось с ним сопровождать на отдыхе «бригаду» высокопоставленных представителей властей на той же полевой базе в устье р. Нижней Сенки. Участие принимали руководители республиканского, городского и управленческого («Полярноуралгеология») начальства. Не хвастая, могу с уверенностью сказать, что двухдневный отдых был организован нами на высшем уровне: отдохнули по полной программе, рыбы наловили вполне законным на этот раз способом, познакомили «чиновников» с одним из замечательных уголков нашей республики и некоторыми результатами геологоразведочных работ.

Валентин Юдин был очень общительным человеком, но и довольно прямым. Часто он без экивоков на должности смело высказывал свое личное мнение о том или ином поступке человека. Во многих случаях определенной резкостью отличались его рецензии на отчеты или полевые материалы, но они были справедливы и потому не так обидны. Его выступления на заседаниях всегда были эмоциональными и острыми, резкими — он по-настоящему болел за геологическую отрасль. И очень любил молодежь. Постоянно поддерживая на протяжении многих лет связь со своим факультетом в Казани, он приглашал все новых и новых студентов на практику и молодых специалистов после окончания университета. Долгое время у экспедиции были два постоянных источника пополнения молодых кадров: Воронежский и Казанский университеты. К сожалению, со временем эти связи утратились...

Тяжелая постоянная работа, безотказность, большие нагрузки в любой полевой и камеральный сезон не прошли бесследно. Ко всему прочему надо добавить, что Валентин был еще и заядлым курильщиком. Но его «многожильность» вселяли уверенность во всех, что проблем со здоровьем у него не может быть. И. как всегда, такая уверенность не оправдалась. Валентин Сергеевич внезапно для всех нас сильно заболел. Жаловался на легкие, на сильный кашель. Пришлось ложиться в больницу, в Ухтинский Сангородок. Там я и видел его в последний раз живым. Он лежал в хирургическом отделении, на самом верху корпуса. Время посещения было не приемным, но нам удалось навестить его с нехитрыми гостинцами. Вид у Валентина был неважный, особо заметен был желтоватый цвет лица и явная слабость. Но, несмотря на это, он вместе с нами спустился вниз и проводил из корпуса.

Долго и тяжело он болел и вынужден был уехать на лечение в Москву. Хорошее отношение к нему московских коллег, с которыми он много по-

левых сезонов работал бок о бок, сохранилось и в это тяжелое для него и его друзей и близких время. Они поддерживали его, как могли, постоянно посещали его в больнице, помогали с лекарствами и так необходимым высококалорийным питанием. Мы получали из Москвы то более, то менее успокаивающие вести. Надежды не теряли до последнего...

Но в начале апреля 1984 года Валентина Сергеевича не стало. Перестало биться его неутомимое геологическое сердце. Он был прекрасным геологом, замечательным полевиком, близким по образу жизни и профессиональной деятельности к русским геологам 18—19 веков, хорошим простым и любвеобильным человеком. Он работал по принципу: геология — прежде всего! И скончался он в свой профессиональный праздник — в День Геолога-1984. Наверное, это не случайно, это не простое совпадение.

Я часто вспоминаю Валентина в разных жизненных ситуациях, встречаюсь с ним на страницах его геологических отчетов и научных публикаций. Он не успел защитить ни каких диссертаций, он всегда спешил работать в поле и не гнался за призами и наградами. Мне не ведомы случаи, чтобы он кого-нибудь подвел, не сделал обещанного, старался все сделать в срок, по плану.

Его не стало, его нет с нами уже более 20 лет, а свой прочный след на планете Земля он оставил геологическими картами, месторождениями и проявлениями полезных ископаемых, своими научными статьями и рекомендациями по направлению новых геологоразведочных работ.

Федор Григорьевич Юманов

Федор тоже приехал из Казани. Как и другие, он был студентом-практикантом геолфака Казанского госуниверситета, когда впервые появился на земле Коми, в Ухтинской ГРЭ. Вероятнее всего, он был «призван» Валентином Сергеевичем Юдиным в свою съемочную партию. На Севере он прижился благодаря неприхотливости к жизненным условиям, увлеченности геологической профессией и исключительной работоспособности.

От многих других молодых специалистов Федя отличался серьезностью, вдумчивостью и способностью днями напролет «оставаться» геологом, даже когда был еще старшим техником. Его любознательность сочеталась с исключительной скромностью. Он всегда был готов выполнять любую поставленную задачу, ехать или лететь туда, куда это было нужно. Он обладал завидными геологическими знаниями и способностями решать серьезные геологические задачи. Но, как это часто бывает, долгое время

«ходил» в подчинении других геологов. Ему часто доставалось за дела, совершенные другими, которые сумели вовремя спихнуть на него вину за неудачи порученного дела.

Федя был обычно молчалив и безропотен. Это его губило, но по-другому он не мог, скромность чувашского паренька не позволяла выставлять себя вперед. Так он много лет и оставался на вторых ролях, на ролях простого, рядового исполнителя. Хотя мог бы быть неплохим руководителем партии, особенно геолого-съемочной или поисковой.

В 1980—1984 гг. Федор работал в Тимано-Печорской поисковой партии, занимаясь поисками современных россыпей золота на Среднем и Южном Тимане. Начинал он изучать большой по площади и разбросанности участок на Южном Тимане под руководством А. А. Котова, а с 1981 года он стал моим подчиненным. Все намеченные участки Южного Тимана он обследовал с исключительной детальностью и тщательно опробовал шлиховым методом. Удалось ему выяснить некоторые интересные, но не очень перспективные зоны в этих районах. Особых надежд мы на них не возлагали — такого золота хватало везде на Тимане.

В 1985 году по распоряжению куратора «ОАО «Полярноуралгеология» по россыпям А. А. Котова, подтвержденном главным геологом этой же «геологии» И. Б. Грановичем, все работы по поискам современных россыпей золота было велено сосредоточить на «Обдорском» (так его называл «отец» А. А. Котов), а на самом деле — Обдырском участке. Дело в том, что каким-то чудом там зимой сам А. А. Котов смог промыть 1 м^3 мерзлой земли (вертолет ждал его все это время!) и «намыл» более 1 грамма золота из 1 кубического метра породы! Конкретное место такой удачной промывки он сам не смог мне указать на карте в присутствии начальника УГРЭ Г. Е. Трофимова. По договоренности с главным геологом УГРЭ Ю. М. Лысовым, мы решили формально «усилить» этот участок, направив на него добросовестного Федора Григорьевича. Вскоре результаты показали полное отсутствие не только концентраций золота на *Обдыре*, но и каких-либо заметных его скоплений.

А к тому времени А. А. Котов вслед за другими обратил внимание на широкое распространение в базальных слоях палеозоя пиропов. Мысль о возможности обнаружения коренного месторождения алмазов на этом участке созрела моментально, в чем он успешно убедил все геологическое руководство «Полярноуралгеологии», в том числе и главного геолога УГРЭ Б. А. Яцкевича. Решения последовали мгновенно: бурением найти и сдать в эксплуатацию алмазную Обдорскую трубку взрыва! Ответственность негласно была возложена на старшего геолога Обдырского участка Федора Юманова. По мягкости своей и некоторой нерешительности Федор не отказался, да и вопрос был, конечно, интересным. Но командовали работами по радио А. А. Котов и Б. А. Яцкевич. Они выбирали место заложения *каждой последующей скважины* на основании сообщений (по радио), полу-

ченных от изучившего вскрытый разрез Ф. Г. Юманова, который сам не имел права вмешиваться в выбор мест для заложения скважин. В итоге получился классический «метод дикой кошки», а обещенные Г. Е. Трофимову А. А. Котовым открытия трубки постоянно переносились с ноября на декабрь, затем на апрель (к Дню Геолога), Май, снова на очередную годовщину Великого Октября. Комиссия Мингео СССР, в составе которой работал Юрий Деодорович Смирнов, пришла к выводу о полном хаосе в поисковой системе на алмазы на «*Обдорской*» площади. Оргвыводы последовали незамедлительно: главного «виновника» системы поисков Федора Юманова понизили в должности. «Справедливость» восторжествовала: скромный Федя молча проглотил обиду, но, справедливости ради следует сказать, что комиссия всю эту чехарду с системой поисков прекратила. С тех пор, как говорится, там «конь не валялся», хотя участок, несомненно, представляет интерес, надо только разобраться с его геологией и выбрать рациональную систему поисковых работ.

В последующем Федя много лет посвятил успешной и продуманной работе на групповой геологической съемке на Среднем Тимане, исходил вдоль и поперек бассейн реки Цильмы, сделал прекрасную геологическую документацию, составил интересные геологические карты. Он оставил и опубликованные работы по стратиграфии докембрия и полезным ископаемым Тимана.

В период развала Ухтинской ГРЭ он успешно трудился в ООО «Геолог-1», занимаясь самыми разнообразными работами. Так, он по соглашению с одной из непонятных частных организаций провел ревизионные работы на редкоземельном месторождении Октябрьском на Четласском Камне. Однако отобранные им пробы для технологических исследований оказались невостребованными, а сама организация бесследно исчезла. Кстати сказать, эта организация и со мной пыталась заключить соглашение на оценку этого и других редкометально-редкоземельных месторождений, но потом пропала в безвестность.

Мне часто приходилось встречаться с ним и получать квалифицированные консультации по всем интересующим меня вопросам и тогда, когда я уже работал в институте и университете. Он оказал мне помощь в сборе материалов для книг «Тиманский кряж» и «Подбитая на взлете», за что я ему весьма признателен. Общаться с Федором было легко и приятно. Запомнилась его почти постоянная во время разговоров чуть смущенная улыбка и какая-то постоянная готовность услужить в самом хорошем смысле этого слова. Он начисто был лишен какой-либо амбициозности и был очень контактен.

Неавторитетное, малоквалифицированное, чтобы не сказать больше, руководство ухтинскими геологическими организациями привело теперь уже к полному развалу геологической службы в этом когда-то центре геологической мысли и геологических и кадровых открытий. Оно назревало

давно, с приходом некоторых самоуверенных, но не способных направлять работу коллектива в главное русло. Неуютно чувствовали себя в «Геологе-1» многие опытные геологи — настоящие, «кадровые» УГРЭвцы, в том числе Федя Юманов, Коля Иванов, Коля Опаренков и многие другие. Они и были первыми уволены при первом удобном случае и вынуждены были искать работу в нефтяных организациях с вахтовым методом или устраиваться вахтерами в родном городе.... Другая часть работоспособных геологов нашла себе применение также на вахтовом методе работы в «Боксите Тимана». И здесь лучшим примером бездумной политики ухтинских руководителей геологии стал Владимир Гаврилович Дрига, вынужденный по воле малограмотных геологов-руководителей времен «перестройки» и всеобщей вакханалии завершить свою квалифицированную, в отличие от многих других, профессиональную деятельность. Разве это не показатель квалификации руководителей геологических организаций?

Не всем такая жизнь в пожилом возрасте после многолетней полевой работы с подорванным здоровьем оказалось по силам. Не по силам она оказалась и Федору Григорьевичу Юманову. Во время одной из вахт он заболел и вскоре скончался в городе, где ему удалось внести заметный вклад в изучение геологического строения и полезных ископаемых Тимана. Похоронен Федор Григорьевич у себя на родине — в Чувашии.

А ухтинская земля будет помнить о его теплом, бережном и беззаветном отношении к ней в течение всей сознательной жизни, связанной с геологией Тимана.

Николай Герасимов

«ДРУЗЬЯМ — ГЕОЛОГАМ, С КЕМ ДЕЛИЛ ХЛЕБ, РИСК, ТРУД»

Анатолий Преловский — поэт крупный, самобытный, «сибирской породы», по словам одного из его именитых коллег. Ведущий свой род из времен покорения Сибири, он и сегодня по духу первопроходец, и это пронзает все его творчество — от кратких зарисовок до эпических полотен. Дороги (вся Сибирь), стройки (Братская ГЭС, Абакан-Тайшет, БАМ), жажда знания жизни из первых уст и рук (журналист, артельщик, скотогон, редактор студии кинохроники, землеустроитель) рано или поздно превращались в стихи, книги. Их (книг) — не один десяток.

Глубокие знания своих корней, смешение в крови и памяти разных культур и укладов, военное кочевое детство — все это отозвалось в поэзии Анатолия Преловского неповторимыми красками, языком летописца, свидетельствующего эпоху...

Не удержусь — процитирую небольшой отрывок из его автобиографических заметок: «Фамилия наша, по родословной росписи предков, тянется в Сибирь из псковских мест. В послеермаковский период землепроходческой эпопеи пашенный крестьянин Прелый оказывается за Камнем, в Тобольской округе. Затем на юге Красноярья, на реке Бирюсе верстаются в казаки его потомки, кличка становится осибиренной фамилией — Преловских. Как видно, это были энергичные и честолюбивые люди, если еще в начале XVII века некто по главной линии моей родовы выслужил офицерский чин, дающий право на владение целой заимкой на Московском тракте под Нижнеудинском. Так наш род из казачьего сословия превратился в сибирское потомственное дворянство.

Позднее, с появлением первого священника в роду, фамилия приобрела оттенок семинарский — Преловский. Этот род дал Сибири (от Зауралья до Русской Америки) немало чиновников, миссионеров, офицеров, разных управляющих и прочих служак.

Среди них выделяется Иван Петрович Преловский, мой дед, единственный инженер в роду. Он работал маркшейдером на строительстве Транссибирской железной дороги, за что был удостоен звания почетного гражданина Иркутска». Впечатляющие истоки.

...Я не пишу очерк о творчестве, а лишь подбираюсь к теме своего повествования — тоненькой стихотворной книжечке «Черная работа», изданной «Советским писателем» и давно ставшей библиографической редкостью. Она — итог его многолетних скитаний в изыскательских партиях. От-

крывается она посвящением «Друзьям- геологам, с кем делил хлеб, риск, труд». А дальше — НАШИ стихи!

Скупые, сдержанные строки, точность взгляда, строгость рисунка. Горячие и звонкие — по следам! — раздумья о прожитых днях, встреченных друзьях, о Родине, о трудной, романтической профессии геолога.

Попав мне в руки в десятом классе, книжка «Черная работа» очаровала своей родниковой искренностью, стала судьбой, что называется, бросила в геологию.

Чуть позже произошла встреча с автором, давшая начало многочисленным пересечениям, вечерам, встречам, в том числе и в Геологическом клубе МГУ.

Анатолий Преловский отвечал своим книгам: раздвоения личности и стиха в нем не было ни на йоту. Та же искренность, немногословность, та же жажда дорог, та же негромкая, честная поэзия...

Мчатся годы. Сегодня Анатолий Васильевич — мэтр поэзии, лауреат Государственной премии СССР. Его стихи стали сложнее и глубже, выросли до философского осмысления Времени, Эпохи. Он не нуждается так жадно в новых дорогах и профессиях. И все же, все же... Анатолий Васильевич, а может быть выбраться наконец в Заполярье, что когда-то — лет десять назад — не удалось сделать?

P. S.

Эти строки я написал в середине восьмидесятых, когда в только что созданной газете «Геолог Севера» вел поэтическую страницу и ,естественно, не мог представить ее без стихов Анатолия Преловского, посвященных нашей профессии, написанных про любого из тех, у кого было за спиной хотя бы одно поле....

Чуть больше года назад Анатолия Преловского не стало.

В Воркуту ко мне он так и не доехал.

И, получив от друзей предложение принять участие в подготовке очередного геологического альманаха, мне вдруг нестерпимо захотелось познакомить сегодняшнего читателя с творчеством Поэта,который обретал голос, характер, поступь на геологических тропах.

МЕРЗЛОТА

Мы живем на вечной мерзлоте,
в тесноте, в таежной простоте.
Солнце всходит за моей палаткой,
чтоб весь день
качаться на кусте
и за мной следить
горячим глазом —
жив ли я, могу ль еще идти,
чтоб не все преграды
и не сразу представали
на моем пути.
Я иду по вечной мерзлоте,
по горячей плоскости планеты —
по болотам, как по той черте,
где живут без ссор
зима и лето.
Я лопатой рушу их союз,
выпускаю мерзлоту наружу
и читаю землю —
тороплюсь заглянуть в ее
ночную душу.
Что она там, в глубине
хранит,
где огонь и лед рождают руды?
Солнце светит.
Плавится гранит.
Мерзлота оттаивает трудно —
Под киркою на весь мир гремит.

НАШИ КОСТРЫ

И.Юрченко

Солнце — на запад,
гуси — на юг,
а нам с тобою на север, друг.
А что там?

Тайга, снега и пурга.
(Рифмуются плотно три
наших врага!)
А кто там?
Ни дома и ни жены.
В урановых падях
костры зажжены —
над белой палаткой
белый дымок.

Ты не сумел, да и я бы
Не смог
Путь свой другому кому
поручить,
мирно стареть под
крылом у жены.
Наши костры на всю
жизнь зажжены!
Гуси — на юг,
а дожди — на восток.
Где наше устье?
Где наш исток?
Реки без русла,
течем по стране.
Камни свои несем на спине.

МАЛЬЧИКИ

Нынче в геологии
рубли не те.
Нынче в геологии
трудись-потей.
А расценки срезаны,
полевые — тоже,
и рекомендуется
работать в дождь.
Бегут из геологии
рвачи-молодцы,
мелкие хозяйчики,
детные отцы.
Остался в геологии
все тот же труд.

Нынче в геологию
мальчики идут.
Мальчики-с-пальчики
со школьной скамьи,
сбежавшие в романтику
из теплой семьи.
Ах, мальчики, мальчики,
как же вы так?
На брюки заработаете.
А — на пиджак?
Но — ходят в маршруты,
землю кайлят.
По утрам у мальчиков
плечи болят.

Рублей — не считают,
не пьют без причин.
Трудно вырастают
в больших мужчин.
И что там геология,
стройка иль печать —
полземли держится
на острых их плечах.

ЖЕНЩИНА С ЭХОМ

Трудно верить лесному эху —
заведет в глухомань
и оставит,
не покажет вовремя веху,
на обратный путь не поставит.
Ты аукнешь —
оно откликнется,
природнится, с тобою свыкнется,
в реку бросится,
в горы кинется —
из распадка в падь перекинется.
С этим эхом
я так поступаю:
я на хвост ему наступаю,
перекличку с ним не веду.
Милой женщине

эхо дарю.
Говорит она:
— Благодарю,
значит, снова ты уезжаешь,
если эхо мне оставляешь...
— Уезжаю, — я говорю, —
вам неверное эхо дарю,
вы подружитесь с ним, я знаю:
по рожденью вы тоже — лесная,
— Уезжай поскорей, — отвечает,
эхо мне напоказ
привечает,
говорит с ним нежно, аукает,
как родного ребенка,
баюкает.
Эхо вкрадчиво с ней
разговаривает —
позабыть меня уговаривает.

А я — еду.
Далеко уехал.
Но когда встречаюсь с эхом —
все мне слышится
голос милый,
все мне видится
город мирный,
где живет моя женщина с эхом
и смеется серебряным смехом
над сомненьем моим и верой.
А ночами рукою неверной
пишет мне короткие письма.
Пишет в письмах:
«С эхом сжились мы.
Жду, когда бы ты ни приехал.
Привези мне свежее эхо».

НОЧНЫЕ СЛОВА

Мы с женщиной ночами
откровенны,
А днем молчим,
стараясь все забыть.

И с мыслью, что мы были
откровенны,
неловко,
и не знаем, как нам быть.
Слова ночные
днем теряют цену,
но помнятся. И в этом
вся беда.
То, что случилось, —
навек, неизменно,
а все ж не повторится
никогда.
О правила, придуманные мудро,
где в череде волнений и
щедрот
мечты ночные
размывает утро
и топит в море
мелочных забот!
Но все равно,
как паводок весенний,
которого всю зиму
ждет вода,
живет в нас
жажда прежних откровений
и ноготком стучится в
стену льда.
И то, что ночью пелось,
говорилось,
в чем признавались мы, как на духу, —
глядишь —
в дневные рамки уместилось
и подступило все-таки
к стиху.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ДОМА

Ну, вот мы и вернулись
из тайги.
Карманы оттянула нам
зарплата.

Мы голодны,
трезвы и бородаты,
и нас еще стесняют потолки.
Сухой закон нам больше не закон!
Но стол совсем не ломится
от водки: пьем за уран,
за грозные находки.
Недешево нам нынче
дался он!
Мы и канавы черные копали,
мы и кирку в поту своем купали,
и соль на майках штопаных
белела,
и от находок
голова болела.
С отвычки рюмки
резко поднимаем
и пьем за жизнь,
что трезво понимаем.
За блеск ее
(тост за расцвет державы).
За стыд ее
(спор о лопатах ржавых).
За жен своих,
что в городах слонялись,
за женщин,
что над нами не склонялись,
когда усталость
нас в траву валила,
когда в нас одинокость
волком выла.
Молчим и пьем —
по всем статьям правы.
О, зря над нами
посмеялись вы!...
А мы еще по рюмке
пропустили —
своим нелегким женам
все простили
и вам простили
колкие зевки.
Еще не время
вынуть кулаки.

Еще не время
тратить каблуки.
Нам трудно —
мы отходим от тайги.
Отходим.
Отвыкаем от тайги.
От одиночества
из камня и травы,
где и по книгам
не бывали вы.

ЛАД

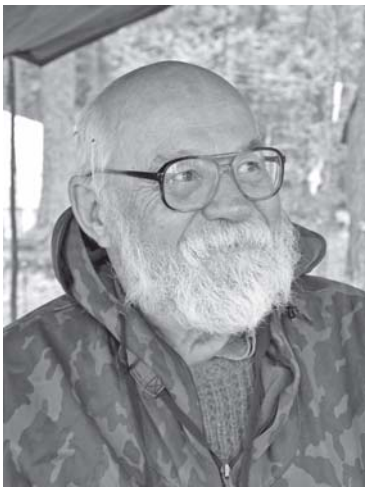
Мы встретились,
как две реки.
Два откровенья
Два упорства.
Два вечного единоборства
Сошлись в пожатье
две руки.
Мы сами
выбрали себе
одну любовь,
одну разлуку,
И сами сделали друг другу
поправки-вымарки в судьбе.
И некого благодарить
за этот лад
и счастье это —
делить подушку, но планету
не в силах все же разделить.

МОЛОДЦЫ

Землю топчем,
канавы роем
пятый месяц — бессчетный раз.
А про нас говорят: «Герои!»
Поощряют в приказах нас.
И писатель
(из тех, кто рвется в гущу жизни)

по мере сил
нас,
«упрямых землепроходцев»,
в местной прессе отобразил —
и такие мы и сякие,
век в тайге,
живем — для нее,
и железные мы и стальные...
Оглушительное вранье!
Мы слабее,
чем наши кони:
без овса они много дней.
Ноют плечи,
гудят ладони —
от мозолей и от ремней.
Сверху — дождь, затяжной и серый,
сбоку — овод,
а снизу — грязь.
Черным чаем запьем консервы —
и на подвиг идем, матерясь.
Землю топчем.
Канавы роем.
Пятый месяц — бессчетный раз —
нам твердят:
— Молодцы!
— Герои! —
Удивительно не про нас!
Понимаю —
мерзнуть в палатке,
город двигать в тайгу, в снега.
В космос выстрелиться.
Иль в схватке
безоружным бороть врага.
Ну, а это
геройство разве,
если план выполняем свой
на двужильном энтузиазме
и на честности рядовой?

ВИКТОР ИВАНОВИЧ ДЕМИДОВ (1938—2010)



Поэт, писатель, журналист, краевед, человек огромной доброты, щедрой души и многогранного таланта. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Непременный участник литературных альманахов геологов республики. Многолетний ведущий «Литературной страницы» республиканской газеты «Красное знамя» — единственной на сегодня открытой «площадки» для презентации стихотворений и рассказов наших поэтов и писателей широкой аудитории читателей Республики Коми. Его вклад в развитие и сохранение литературного процесса нашей республики еще по достоинству не оценен, но многие пишущие и творящие на литературной ниве искренне благодарны ему за то, что их труд впервые был им отобран и опубликован на страницах авторитетного печатного издания. И эта благодарность — лучший памятник человеку, ушедшему в иной мир, но оставившему о себе светлые воспоминания в сердцах своих друзей, коллег и знакомых.

Ниже мы перепечатываем статью академика М. П. Ращевского, (с небольшими сокращениями) опубликованную 5 сентября 2008 г. в газете «Красное знамя» к семидесятилетию В. И. Демидова.

НАШ ВИКТОР ИВАНОВИЧ

Виктор Иванович — поэт и краевед, детский писатель и путешественник, интересный рассказчик и коллекционер, корреспондент газеты и любитель-геолог. Да мало ли иных качеств можно перечислить, рассказывая об этом человеке.

Читатели «Красного знамени» четыре года тому назад хорошо запомнили его рассказы о том, как он ошибся дорогой в дебрях Приполярного Урала и блуждал там без спичек, продуктов питания, карты и каких–либо других средств для выживания в этих условиях. Увы, когда я написал слова — «ошибся дорогой», то просто не смог подобрать более подходящего слова — дорог в этих местах нет, а есть стекающие с гор реки, речушки и

ручейки. Неудачно перейдя вброд одну из речек, он отклонился от маршрута на очень большое расстояние, но нашел в себе силы и сумел, в конце концов, через несколько дней вернуться в точку, откуда он вышел. Это было очень серьезное чрезвычайное нарушение экспедиционных правил и участники этого похода были, мягко говоря, весьма недовольны таким примитивным нарушением элементарных правил походной жизни. Но я хочу сказать о другом — о том, с каким удивительно ярким, познавательным и самокритичным описанием этих нескольких дней своей жизни Виктор Иванович дал в своей серии «путевых» заметок.

Нужно было прожить такую жизнь, которую прожил Виктор Иванович, чтобы так достойно проанализировать свои ошибки и дать добрые советы тем, кто может в будущем оказаться в аналогичной ситуации.

Кроме неясных воспоминаний, самым ценным, что сохранилось каким–то чудесным образом у Виктора Ивановича Демидова, о своем отце, погибшем на фронте в первые дни Великой Отечественной войны, это испорченная временем фотография его родителей, сфотографировавшихся со своим первенцем перед самой войной. Потом была тяжелая жизнь в оккупации, частично описанная им в своих произведениях и вечная благодарность матери, которая сумела спастись вместе с ним, ее сыном, когда их вместе с другими заложниками повели на расстрел. На всю жизнь он запомнил лицо той девушки–разведчицы, которая заглянула в их землянку, когда Советская Армия освобождала их район.

Имя в журналистике Владимир Иванович Демидов получил, работая в Инте. Инта, конечно же, подвигла его на увлечение геологией. Лучший подарок для Виктора Ивановича ко дню рождения — любопытный минералогический образец, который он затем с особой любовью и художественным вкусом превратит в настоящий раритет. Его традиционные любительские минералогические выставки в редакции газеты собирают благодарных поклонников его собирательства не по причине минералогических уникальностей этих образцов, а в связи с увлекательнейшими рассказами, связанными с каждым из представленных образцов.

Виктор Иванович реально прошагал всю Республику Коми, особенно ее северную часть. Будучи в душе еще и археологом, со многими своими коллекционными экспонатами, он фантазирует о возможности применения того или иного образца в прошлом. Его рассуждения сводятся к тому, что весьма вероятно, что тот или иной каменный образец мог побывать в далеком прошлом уже в руках у человека, нашего предка. Виктор Иванович домысливает при этом, для каких целей этот артефакт мог быть применен древним человеком.

Однажды я сфотографировал Виктора Ивановича во время посещения нами археологической экспедиции нашего известно археолога К.С. Королева. Случайно удалось застать Виктора Ивановича за весьма необычным занятием. Клим Степанович ему только что показал недавно отко-

панный каменный отщеп, а может быть и каменное орудие. Виктор Иванович посчитал, что это может быть и своеобразным бритвенным прибором. Этот артефакт пролежал в земле многие столетия, а может быть и тысячелетия, но Виктор Иванович с завидным упорством делал безрезультатную попытку сбрить часть своей роскошной бороды этим орудием. Такие, или похожие на это рассказы, сопровождают каждый образец его коллекции.

Наши Севера Виктор Иванович знает весьма хорошо по той простой причине, что в силу своей удивительной любознательности, он довольно много путешествовал по тундре и по горам Северного Урала на всех видах транспорта, правда говорит, что больше всего его привлекали дальние зимние переходы с оленеводами.

У меня сложилось такое впечатление, что с особенным чувством ответственности он относится к детской литературе, он одно время и редактировал детскую газету, да у него есть и несколько детских книжек, которые с интересом могут почитать и взрослые родители.

Есть некоторые удивительные краеведческие наблюдения Виктора Ивановича, может быть и с изрядной долей фантазии, но необыкновенно поэтические, патриотические и увлекательные. Я имею в виду многочисленные истории о священных языческих рощах в Республике Коми, прежде всего в Корткеросских местах. Здесь у Виктора Ивановича давняя дружба с известнейшим краеведом Республики Коми Анатолием Анатольевичем Смилингисом. Эти истории очень мне импонируют, несмотря на отсутствие до сих пор строго научного доказательства этого совершенно уникального явления древности на территории нашей Республики. Мне очень хотелось бы надеяться, что эти замечательные краеведы докажут свою правоту и эти уникальные деревья будут сохранены для потомков. Жизнь нашей семьи тесно связана с Корткеросским районом. Здесь похоронена моя мама, здесь в летнее время росли мои дочери и внуки. И, честно говоря, очень бы хотелось, чтобы эти сказочные сюжеты оказались былью прошлого.

На краю Корткеросса по дороге в сторону Негакеросса, Бояркеросса и далее в сторону Пермского края стоит домик удивительно интересного человека — Виктора Ивановича Демидова — большого труженика и интеллигента, так много сделавшего для воспитания настоящего патриотизма к своей малой родине у жителей нашей республики.

Спасибо Виктору Ивановичу за его неуемную энергию и интерес к жизни!

Дмитрий Стахорский

САВВИЧ

Мое поколение застало еще то время, когда профессия геолога была в ряду весьма почетных, даже, как теперь говорят, престижных мужских профессий, и уж о всяком случае конкурс в геологические учебные заведения был неизмеримо выше, чем в торгово-кулинарные.

Мы зачитывались Иваном Ефремовым и Джеком Лондоном, Константином Паустовским и Александром Грином, и геология привлекала не столько как наука о Земле, о камнях, об ископаемых, сколько как образ жизни — скитания, поиск, острое чувство первопроходца, и — природа. Первозданная, желательно такая, где не ступала бы нога человека...

Потом повзрослели, вошли в профессию уже по-настоящему, многое наносное ушло, изрядно повыветрилась романтика, но вот ощущение того, что ты приходишь в дикое место первым, и в глухой этой тайге, или там в тундре, допустим, в намеченной тобою точке планеты возникает потом нечто большое, значимое — рудник ли, поселок, может быть даже город. Это немного тщеславное ощущение остается.

Последний раз со мной было такое сорок лет назад, когда довелось отбить точку для первой, как я тогда думал, буровой на Усинском месторождении. Это уж потом, когда Саввич пришел, я узнал, что это была не первая точка, и что в 50-х годах здесь уже начинали бурить, но потом ушли отсюда геологи на шахты поля Воркуты, Юнь-Яги, Воргашора. И вот пришло время вернуться. Тогда, в декабре 67-го, новорожденная Сейдинская партия закончила доразведку уже строящейся Воргашорской шахты и перебрасывалась на Усу разбуривать перспективную площадь.

Жили на Сейде.

Партия была молодая не только потому, что вновь созданная, но и по составу геологов — средний возраст около тридцати, не больше. Это — в самом начале. А потом приехал к нам старшим геологом пожилой человек. Огромный человек, сутулый, неразговорчивый, с виду суровый. Николай Саввич Быховец.

Я вот говорю — пожилой. А ведь ему не было тогда и пятидесяти! Но мы знали — фронтовик, в танке горел, на Воркуте давно, у геологов в авторитете. Старик, по нашим понятиям.

Я говорю — суровый. Однако мало в жизни встречал я людей такой неизбывной доброты человеческой, такой застенчивой деликатности, такой внутренней культуры, такой, наконец, покладистости в житейских делах. Именно в общежитейских, пока дело не касается геологии. Но куда только девалась вся эта мягкость и покладистость, когда бросался он, как

в танковую атаку, отстаивая свою точку зрения, основанную на глубочайшем знании предмета. Суров — это даже мягко. Беспощаден.

Никогда не забуду: 72-й год, горком партии, важнейшее, принципиальное совещание в кабинете у первого секретаря, определившее, по-существу, направление развития угольной разведки в Воркуте на десятилетия вперед. Совещание на самом высоком уровне, с представителями обоих министерств, геологического и угольного, Коми обкома партии, партийными и хозяйственными руководителями города. И две принципиально разных позиции — старых геологов-угольщиков, которые начинали в свое время углеразведку в Печорском бассейне, заложили теоретические и практические ее основы; и молодых, пришедших к руководству в последние годы, опровергающих и отвергающих в чем-то их, бывших учителей своих — жизнь ведь идет вперед...

Сейчас неважно, чья точка зрения победила тогда — решение принималось с учетом обеих. Но Саввич! Каков был Саввич! Он пришел без бумажек, без записей. Он все помнил. Аргументируя довод, по памяти называл номера скважин и глубины, где в том-то году был подсечен такой-то пласт или фаунистический горизонт, с такой-то формой, что неопровержимо доказывает... Это была блестящая демонстрация поистине энциклопедического знания предмета, и я сейчас понимаю: иначе и быть не могло, ибо данный предмет — вся его жизнь...

* * *

Белорусский крестьянин Савва Иванович Быховец, будучи 13-летним подростком, получил за бутылку самогона (нетленны российские традиции!) у волостного писаря о том, что ему 18, и поступил на железную дорогу ремонтным рабочим, моложе не брали. В положенный срок призвали его на действительную, не усомнившись в возрасте, поскольку сложения он был могучего и фальшивому документу соответствовал.

Добросовестно отслужив и повзрослев, решил Савва Иванович для дальнейшей жизни вернуть истинный возраст, чего и добился, обратившись к свидетелям-односельчанам и сохранившимся записям в церковных книгах.

Но тут подошел срок призыва на действительную уже настоящих его ровесников, и Савва Иванович снова был призван и снова отслужил положенный срок верой и правдой, на этот раз участвуя в баталиях первой мировой войны, где выдержал себя геройски и был пожалован Георгием 4-й степени.

Совместив в себе, таким образом, все три российских революционных класса — рабочий, крестьянский и солдатский — в революцию пришел большевиком, и когда в 1920 году родился сын Николай, Савва Иванович был уже председателем сельревкома в родной деревне Вырвино Полоцкого уезда Витебской губернии. Жена его Надежда Михайловна была сельской учительницей. Таковы корни.

* * *

Первые шаги в геологии Саввич сделал в восьмилетнем возрасте, когда затеял «строить шахту» — по рисунку из какого-то учебника. С недетским упорством, в одиночку, сверяясь с рисунком, рыл он на заднем дворе яму в сыром песке. Рыл по науке, как в книжке, в качестве бадьи для выборки грунта приспособил отцовскую севалку из-под жита, и допустил лишь одно отступление от чертежа — не было никакой крепи. Видимо, деталь эта показалась неважной, да и взять крепеж, понятно, было неоткуда...

Отец обнаружил предприятие, когда вертикальный «ствол» был уже глубже двух метров, и юный проходчик приступил к рытью боковой «выработки». Опытный сапер (обе действительные служил в этих войсках), дорожный мастер-самоучка, бывалый человек, Савва Иванович мгновенно оценил, чем могло закончиться предприятие Быховца-младшего (никому ведь не сказал, постреленок, и в случае несчастья там бы и остался, не знали бы, где искать), в считанные минуты ликвидировал плоды двухнедельного труда и предпринял убедительное внушение — рука у отца была тяжелая.

Однако тайны недр земных, однажды овладев душою любознательного человека, уж не отпускают ее из жгучих своих объятий, и судьба Саввича была решена. После школы — Новочеркасский политехнический, увлекательные практики на Кавказе и в Заполярье, тяжкий труд и вечная учеба у Природы.

Геология стала не просто профессией. Она стала жизнью.

* * *

Однако его поколению, прежде чем дальше жить, суждено было пройти через войну.

И Саввич, как достойный сын своего отца, тоже дважды уходил в армию и дважды возвращался к мирной жизни. Но это было уже не из-за ошибки в документах, а добровольно и вполне сознательно.

Шла вторая мировая война, неспокойно было на наших границах, и к началу финской кампании активист оборонной работы студент Быховец успел закончить областную снайперскую школу и полный курс в парашютном клубе, был хорошим лыжником и очень сильным физически (пошел в отца) человеком. В январе 40-го, прервав учебу, добровольцем ушел на войну с финнами, где успел получить боевое крещение в качестве снайпера 57-го отдельного легко-лыжного эскадрона на Карельском перешейке.

Завершив кампанию и демобилизовавшись, снова вернулся в родной институт, однако поучиться пришлось недолго — опять война, теперь уже большая, Великая Отечественная. И опять — добровольцем, 30-го июля 1941 года, через 38 дней после первых выстрелов на границе...

* * *

Я знал Саввича более тридцати лет и ни разу не слышал, чтобы он рассказывал о своих фронтовых делах. Я ни разу не видел его при орденах и медалях. Кто-то, говорили, видел. Более того, на расспросы об этом он, сколько я помню, отмалчивался или отшучивался и всегда старался перевести разговор на другое.

Собираясь писать о нем, я разыскал в архивах экспедиции его «личное дело», и за скупыми строками анкет и справок увидел, наконец, фронтовой путь его, и награды его, и ранения — все, о чем сам он говорить не любил. В типовой характеристике, правда, говорилось, что, участвуя в общественной работе ветеранов войны, он выступает перед молодежью с беседами, воспоминаниями и т.д. Ну, решил я, всем так пишут, написали и ему. Ветеран — значит, выступает. Честно говоря, я не представлял Саввича в этой роли — чтобы он перед школьниками вещал о своих военных подвигах...

Геология сближает людей, а геология в условиях Севера — тем более. За годы совместной работы и жизни на Сейде и в Воркуте мы подружились, если можно так говорить о людях с разницей в возрасте в 17 лет. И тем не менее — вот, например, как мне пришлось «вытягивать» из него рассказ о том, чем и за что награжден он во время войны. При этом из «личного дела» я уже многое знал, нужно было только уточнить.

— Вот у вас, Николай Саввич, есть медали «За взятие Берлина», «За освобождение Праги»... Расскажите, как награждали, за какой конкретно эпизод?

— Какой эпизод... кх,кх... Дали и все.

— Ну как это — дали? Просто так ведь не дают!

— Кх,кх. Дают.

— Николай Саввич, ну не может же так... Наверное, кто первым шел в атаку, за какой-то прорыв... Тех награждали. Да?

— Да. Кх,кх. Наверное.

— Ну вот. Значит, не всех.

— Всех.

— Ну, Николай Саввич... А «За победу над Германией»? Тоже всем давали?

— Тоже.

— Ну хорошо. А «За боевые заслуги»? Эту за что получили?

— Эту? Кх,кх,кх. Дали.

— Ну когда, когда? За что конкретно? Сорок четвертый год!

— Кажется, сорок четвертый.

— А вы помните, за что именно?

— Нет. Кх,кх,кх. Не помню уже...

Ну, и так далее. Клещами не вытащишь. А ведь, не считая финской, ровно пять лет войны — с июля 41-го по август 46-го. Да, и в 46-м война

еще не кончилась для тех, кто оказался в Западной Украине. Саввич демобилизовался из Самбора.

Правда, первый год войны — еще не передовая, первый год — танковое училище. А затем — Калининский и Юго-Западный фронты в отступлении, 4-й и 1-й Украинские — после «великого перелома», до самой Победы. С небольшим, двухмесячным перерывом на госпитали в 42-м — не уберегся под Ржевом...

Эти пять лет — целая жизнь. О ней можно писать отдельную повесть...

* * *

В дипломе написано так: «Предъявитель сего тов. Быховец Николай Саввич в 1938 году поступил и в 1949 году окончил полный курс...» Одиннадцать лет потребовалось «предъявителю сего», чтобы стать горным инженером. Вдвое больше обычного. Не по его вине.

После этого — три года в Донбассе, а затем, опять же добровольцем — в Воркуту, очень требовались здесь в то время грамотные горные инженеры без 58-й статьи за спиной...

В 1967 году на Сейде, когда Саввич приехал к нам уже корифеем бассейна, мы, тридцатилетние, тоже были не новичками — у каждого после института по 5-7 лет практической работы на съемке, поисках, на угольной разведке, и мы считали себя специалистами достаточно высокого класса. Саввич нас в этом не разубеждал. Более того — сам, думаю, искренне считал нас таковыми, всякое «корифейство» всегда было чуждо ему, и он уважал коллег, с которыми работал. Но сам он к тому времени успел потрудиться на всех месторождениях самой северной части печорского бассейна, а это — великая школа угольной тектоники, высший, можно сказать, пилотаж в этом деле. Он поработал у геофизиков, а в наш век поверки гармонии бурения алгеброй каротажа это еще одна школа — время «чистых» геологов прошло, нужно уметь разбираться в геофизических кривых. Он, наконец, успел поработать в геологическом отделе экспедиции, а это штаб, где обобщаются все полевые данные и где мыслить нужно другими, более широкими, чем непосредственно в партии стратегическими категориями.

Вот таким Саввич пришел к нам на Сейду. Но это сейчас я знаю и могу оценить. А тогда у нас не было недостатка в апломбе, и Саввич деликатно слушал, а потом высказывал свою точку зрения, не навязывал ничего, просто аргументировал, и это тоже была школа, но теперь уже для нас, грешных, самоуверенных и — не боюсь сказать — вполне невежественных по большому счету в сравнении с ним. Спасибо ему за школу и за науку...

В архивах экспедиции я обнаружил еще, помню, любопытный такой документ, пожелтевший листок многолетней давности: «Управляющему трестом «Печоруглегеология» тов. Афанасьеву Б. Л. от начальника геологического отдела Быховца Н. С. ЗАЯВЛЕНИЕ. Прошу Вашего ходатайства

перед Главком об освобождении меня от обязанностей начальника геологического отдела и переводе на должность старшего геолога одной из геологоразведочных партий. Ибо считаю, что стаж моей работы непосредственно в разведочных партиях пока еще слишком недостаточен для несения обязанностей по занимаемой мною в настоящее время должности. 13.02.1954. Н. Быховец.»

Видимо, и тогда это показалось необычным (впрочем, Саввич был необычен всегда) — просьбу удовлетворили только через семь месяцев, в сентябре. Но добился — перевели из Воркуты на Седловую, поближе к Ледовитому океану, где он в течение двух лет добирал недостающий ему, как он считал, опыт практической разведки в самых суровых, какие только бывают в Заполярье, условиях жизни и работы. Было ему тогда 34 года и позади — уже известная нам биография плюс пятилетний стаж трудовой в геологии.

Честно говоря, я в жизни своей более не встречал другого такого человека, который при подобных объективных данных добровольно ушел бы с уютной высокой должности в тундру рядовым геологом-пахарем. В этом поступке — весь Саввич. Доброволец — подвижник...

* * *

Таким оставался он до конца своих дней.

Пришла горбачевская перестройка, менялась страна, менялись жизненные ценности и оценки, менялись люди. Кто-то искренне перестраивался, осознав перемены. Кто-то подстраивался к новым условиям, озабоченный личной корыстью. Кому-то стыдно было за себя вчерашнего — там, вспоминалось, схитрил, там уступил, там промолчал. А другой, как и раньше, не устыжаясь, хитрил, уступал, молчал, или, наоборот, громко кричал на модную тему...

Саввич всегда оставался самим собой. Без деклараций, без громких слов он всю жизнь честно делал свое дело, и рядом с ним было радостно жить и работать. Надежно было. Именно такие как Саввич сохранили и пронесли сквозь все повороты нашей многострадальной истории лучшее, что есть в человеке — порядочность и надежность.

«Учитель не поучает, он — имеет учеников», — говорили древние. Мне повезло. Среди моих учителей в жизни был Саввич.

Петр Юхтанов

ЮБИЛЕЙНЫЕ ГРЕЗЫ

Давным-давно, в далеком босоногом детстве, у бабушки в деревне, устав от игр и беготни, сидели мальчишки и девчонки на поваленном дереве и рассуждали, сколько же лет старому седому деду-соседу, которого выводили из дома в хорошую погоду и сажали на завалинку погреться на солнышке. Предположения были разные — от двадцати до ста лет. Чисел больше ста никто из нас, видимо, еще не знал. Подошел двоюродный брат Толик, закончивший уже первый класс (к тому же москвич), быстро вникнув в суть «дискуссии», авторитетно заявил, что деду шестьдесят лет. Нам, пяти-семилетним, казалось тогда, что шестьдесят лет — это очень-очень много. Спорить стало не о чем, и все дружно пошли играть в «чижика» (разновидность «лапты»).

Вспомнился этот случай, и опять задаю себе вопрос, сколько же было лет деду? Он в гражданскую — воевал, в империалистическую — воевал, с «японцем» — воевал и до этого еще с кем-то воевал. Может быть, действительно сто лет? А по шестьдесят лет (плюс-минус немного) — было нашим бабушкам и дедушкам, мы об этом не задумывались. Среди моих сверстников мало у кого были дедушки, да и те — кто без руки, кто без ноги. Своих дедов я тоже не помню: один дед с фронта не вернулся, а другой умер — когда мне исполнилось два года.

До седьмого класса на лето отправляли нас с сестрой в деревню, где две бабушки откармливали нас пирогами, парным козьим молоком, вишней и яблоками и всем, что могло уродиться в нашей средней нечерноземной полосе. Под не очень назойливым присмотром бабушек мы росли и познавали мир, природу. Бегали с деревенскими и приезжими ребятишками на ближайшие луга за ягодами, в лес за грибами, на рыбалку, на пасеку. Пили в жару холодную воду из родников. Проблемы отличить съедобный гриб от поганки у меня не было. С какого возраста — не помню. Самым серьезным детским страхом в лесу для нас были гадюки.

В колхозе летом постоянно не хватало рабочих рук, и бригадир «наряжал» на сенокос и в уборочную всех, кто (еще или уже) может что-то делать. Мальчишек брали возчиками на конные волокуши (для перевозки копен сена). Девчонок посылали на прополку или ворошить сено. Самыми желанными и романтичными были выезды во время сенокоса на дальние луга на несколько дней: ночевали в шалашах, сделанных из ивовых прутьев и покрытых сеном, питались из общего колхозного котла (таких ароматных и вкусных щей из баранины я нигде больше не ел). А

в уборочную нас «наряжали» на перевозку зерна от комбайна на ток на конных повозках «бестарках», на которых работало обычно двое или трое ребят: один — обязательно деревенский, а помощники — городские. В хорошую погоду работа шла круглые сутки. Мы старались попасть в ночную смену. Поездки августовской темной звездной ночью по пустынной дороге, да еще мимо старого деревенского кладбища, да еще с рассказами-страшилками — это какой-то «наркотик». После шестого класса на колхозных работах я заработал полмешка пшеницы и сколько-то рублей.

Чем мы только не увлекались: авиамоделизмом, радио, фотографией. Собирали коллекции этикеток со спичечных коробок, марок, старинных монет, искали клады, составляли гербарии....

Иногда снится мне сон.

Будто прихожу после каникул в школу (в шестой класс) и приношу учительнице по географии Элле Максимовне Ереминой свое летнее задание. Я сделал коллекцию пород и минералов. Все как написано у А. Е. Ферсмана: образцы в коробочках, с номерами, определениями и привязками. Собрал по оврагам и по берегам речушек, где летом побывал, разные породы: глина, белый кварцевый песок, известняк, доломит, мелкие кристаллики кальцита в глинистом стяжении и т. д. Из небольшого гранитного валунчика сделал спайный выколок полевого шпата. Прочитала учительница подписи и говорит: «Молодец! Хорошая коллекция. Только вот одна подпись с ошибкой — «полевой шпагат». И так мне стыдно перед моей любимой учительницей, что сделал такую глупую ошибку! Просыпаюсь с таким же чувством стыда, какое испытал в детстве.

Одними из значимых в историческом плане событий, свидетелем которых я был в детском возрасте, стала «радиофикация и электрофикация всей страны». Считается, что «электрофикация всей страны» осуществлена в результате выполнения плана ГОЭЛРО в 20—30-е годы. Однако в нашем большом селе Полянки (почти 500 дворов), что находится в одном из самых густонаселенных регионов России между городами Нижний Новгород (Горький) и Чебоксары, она прошла в конце пятидесятых годов (и не только в этом селе). В 1957 году (я еще в школу не ходил) летом вдоль деревенской улицы поставили столбы и провели во все дома сетевое радио, а в последующие пару лет село было полностью электрифицировано. Сколько радости было у сельчан — это надо было видеть и слышать! «В доме свет — как в городе». Теперь, приезжая к бабушке, не нужно было сидеть вечерами с керосиновой лампой. А ведь уже летали космические корабли, а через год полетел Гагарин.

Прошу простить меня за то, что не пишу юбилейный отчет о своих геологических делах, а рассказал немного о своем детстве, может быть, не очень интересном постороннему. Но что-то в нем было такое, что привело меня в геологию, на север, в Сыктывкар, в институт.

Да! А с некоторых пор мне стал сниться время от времени другой сон! Будто бы захожу я в комнату. Комната небольшая, вроде директорского кабинета. Полумрак. Людей довольно много, но не битком. Впереди, в красном углу освещены образа. Приглядываюсь, а на образах вместо святых портреты геологов Обручева, Ферсмана, Вернадского, Вернера, Головкинского и еще многих других. А люди-то в комнате — это все наши институтские физики-химики: один Володя, второй Володя, Дима, Вася, Света, Наташа, Саша... Тихо, не очень дружно повторяют одну фразу: «Прости нас, боже геологический. Самая фундаментальная наука из всех наук — Геология». И тут я просыпаюсь очень довольный и с хорошим настроением на целый день.

СВЕТЛАНА
15.01.1971—29.03.2011

Дикая несправедливость, не укладывается в голове — о Светлане Плосковой приходится писать в прошедшем времени. Человек был в самом расцвете своих творческих сил — только исполнилось сорок лет.

В июле 2010 года. Света съездила в поле на Еджид-Кыртинское буроугольное месторождение (с Надей Рябинкиной), привезла оттуда для музея интереснейший палеонтологический материал. В августе — поездка на Ижемское месторождение ураноносных битумов (со Светой Шаниной). В сентябре она строила планы поездки в следующем году на Северный Урал. Страшная, скоротечная болезнь привела к трагическому концу.

После Александра Беляева Света по собственной инициативе стала ответственным составителем трех литературно-поэтических альманахов геологов Республики Коми. Этот сборник тоже начинала собирать Светлана вначале 2010 года. Отсутствие средств (в ближайшей перспективе) на издание заставило отложить сбор материала.

Я познакомился со Светланой в 1994 году, практически сразу как она появилась в институте, после окончания Санкт-Петербургской академии аэрокосмического приборостроения. Она получила диплом с отличием и стала специалистом по «Вычислительным машинам, комплексам, системам, сетям». На работу она устроилась летом. Руководители всех рангов были либо в поле, либо в отпуске и какое-то время озадачить её конкретной работой было просто некому. Так уж случилось, что я в тот год в поле не поехал. Александра Ивановна Чумакова познакомила Свету со мной, как с возможным (временным) работодателем.

Шла великая компьютеризация. Персональных компьютеров было мало, а квалифицированных специалистов еще меньше. На почве создания баз данных мы со Светой начали сотрудничество и подружились. За пару месяцев Светлана сделала программу, которая с небольшой модернизацией работает до сих пор.

Сотрудничество программиста и специалиста из другой области, как правило, затруднено из-за того, что у программистов своя логика, далеко не всегда доступная не математику. Общение со Светой было очень легким. Она, взявшись за работу, стала быстро и достаточно глубоко, а главное заинтересованно, вникать в те задачи, которые я хотел бы решить.

Доброжелательность, тактичность, ответственность, внимание к людям, отзывчивость — это черты ее характера. Дела, которые ей поручали

или за которые она бралась сама, Света выполняла творчески, с выдумкой, вникая во все детали.

Геология ее увлекла и, чтобы стать профессионалом, она прослушала все геологические курсы, которые читают студентам на кафедре геологии Сыктывкарского университета. Она с большим желанием и энтузиазмом ездила в поле. В поле работать с ней было одно удовольствие. Света не чуралась никакой работы: описывала обнажения, отбирала образцы для музея, отлично фотографировала, бралась за хозяйственные дела, великолепно готовила. Казалось, полевая неустроенность ее совершенно не напрягала, хотя иногда бывало и не сладко.

Простота в общении с людьми и доброжелательность способствовали тому, что у нее появилась масса друзей и знакомых по всей республике, сегодня Светлану знают во всех геологических музеях России.

Ярчайший пример ее умения реализовать идею, взаимодействовать с людьми, ее творческого подхода, умения и желания сделать доброе для людей — это организация ансамбля «Кадриль». Ансамбль состоял из сотрудниц музея и сотрудников институтского АХЧ (плотник, сантехник, электрик и т. д.). Света договорилась с «танцмейстером» (назовем его так) из драматического театра, который и поставил забавный и задорный танец — русскую кадриль.

Еще не прошло и сорока дней, как не стало Светланы. Осознание этого еще очень тяжело для её родных и друзей. Пройдет время и, конечно же, воспоминания многих людей, кто ее знал, будут собраны в отдельную книгу.

Петр Юхтанов

* * *

29 марта 2011 года Институт геологии понес тяжелую утрату. Ушла из жизни Светлана Игоревна Плоскова, прекрасный человек, наш Светик, наша Светлана... И в эти скорбные дни, перебирая фотографии, я вспоминал, какая она была... Была разная, но всегда веселая, заводная, компанейская.

Мне посчастливилось побывать в нескольких экспедициях вместе со Светланой. Очень запомнился один момент из нашей недолгой поездки на реку Кожву. Мы сплавлялись по реке Каменка. Лодка была перегружена, вода очень низкая. Света шла по берегу со своим неизменным фотоаппаратом, а я греб, хотя больше тащил лодку за веревку через перекаты. В общем, 50 метров плыву, 250 — тащу. Жарища, вымотался весь и в один прекрасный момент кричу Светлане: «Да зачем все это надо?» А она с берега так ласково: «Надо для того, чтобы люди знали, что на свете есть не только дома, дачи, машины и магазины, но и места, где текут реки с порогами, где есть водопады, причудливые скалы, глубокие пещеры, да и вообще красивейшая природа». После этих

слов я словно воспрянул духом и благополучно дотащил лодку до впадения Каменки в Кожву.

Вот такая она была, наша Светик, Света, Светлана Игоревна...

Светлая ей память.

Игорь Веткин

* * *

В конце 2000 года пришло время перевыборов председателя профкома Института геологии. Должность малопривлекательная в перестроечное время, профсоюзы лишили всей собственности и какой бы то ни было власти, оставив соглосование и всю социалку. Ирина Козырева, отработав предшествующие 2 года на этой должности, просила ее освободить, т.к. времени тратится много, а она поступила в докторантуру. Добровольно занять этот ответственный пост никто не соглашался, и я пошла к Светлане, работающей в то время уже в музее и занимающейся всеми массовыми мероприятиями Института. Она, конечно, тоже нашла бы массу отговорок или просто могла отказаться, но не таким она была человеком, она согласилась. На общем собрании ее кандидатуру поддержали единогласно, т.к. все знали, что она справится со всеми вопросами и справедливо рассудит все споры. Это значило, что все вопросы социального и культурно-массового характера легли полностью на ее плечи. Только полная уверенность в поддержке ее работы семьёй могла обеспечить ей успех проводимых мероприятий. Светлана очень активно участвовала и в работе Объединенного профкома Коми НЦ УрО РАН. Было организовано и проведено много спортивно-массовых мероприятий, она сама была активным участником и болельщиком команды ИГ, были организованы концерты в 520 ауд. на День геолога для всех сотрудников и гостей института с участием детей ведомственного детсада, школьников, привлечены студенты кафедры геологии СГУ, читали свои стихи и пели полевые песни сами сотрудники. Это было единение геологов. Светлана по образованию была математиком, а в душе настоящим натуралистом, исследователем, полевиком. Через два года Светлана попросила освободить ее от этой должности, т. к. было очень много работы по компьютеризации материалов Геологического музея, а бумажные и социальные профсоюзные дела отнимали очень много времени. Но до последнего дня она занималась и принимала самое активное участие во всех мероприятиях института. Это был человек, на которого всегда и во всем можно было положиться и знать, что тебя не предадут.

Светлана активно ездила в полевые экспедиции и никогда никому не жаловалась на необустроенность быта, она сама его обустраивала, с ней было весело, интересно и очень легко в быту. Она стремилась больше узнать о геологии, процессах, которые стали причиной организации полевых исследований, активно сама отбирала образцы для коллекции музея.

В одном из последних ее полевых сезонов (летом 2010) мы искали отпечатки флоры в аргиллитах из отвалов Еджид-Кыртинского буроугольного месторождения. Юля Мосейчик к. г.-м. н., флорист из ГИНа (Москва), показывала нам, что и как надо раскопать и потом, при обнаружении отпечатков, как их сохранить и довезти до лаборатории. Мы все старательно отколупливали пластинки аргиллитов в отвалах, но находки были редкими и не особенно информативными. Единичный экземпляр попался в неплохом состоянии, и Светлана очень просила по возможности сдать его в коллекцию музея. Всю обратную дорогу к лагерю она сама несла этот увесистый кусок и потом, упаковав его, отвезла с собой в Сыктывкар. После ее отъезда в другом отвале нам удалось найти большой пласт с отпечатками растений в неплохом состоянии. На днях Юля сообщила мне, что, возможно, ей удастся описать новый вид из собранной коллекции Еджид-Кыртинского месторождения, которому будет присвоено имя Светланы Плосковой.

Надежда Рябинкина

Содержание

Предисловие 3

...И ЗАГЛЯНУТЬ НАДО В ПРОШЛОЕ СВЫСОКА...
(к 75-летию академика Н. П. Юшкина)

Юшкин Н. 6
«Путешествие в Африку»
Герасимов Н. 16
Пусть костры горят на наших тропах!
Черная работа
Снова в поиск...
Иевлев А. 20
Мы романтику знаем в лицо...
В детстве Родины край — околица...
Чупчикей 22
Юшкинская академическая

КАК МНОГО ЛЕТ УШЛО НА ПУСТЯКИ...
(стихи)

Вьюхин В. 26
Созвучность
Осенняя ночь
Сенокос
Мимо
Герасимов Н. 29
У полярного круга
Кучерла
Все проходит — высоты, почести..
Пара лиственниц, тройка берез...
Давай, дружище, воз тянуть до ста...
Гоголь В. 32
Королева Снежная
О, Господи, меня не старь...
Осень пахнет грибами, брусникою...
Иевлев А. 35
Город старше меня..
В доме тепло от печки...
Не место красит человека...
Лесные поселки

Какие б дожди не крестили...
Есть люди — богаты годами...
Воркута
Вы умны, и стройны, и красивы!
Пусть истина эта не нова...
Сен-Женевьев де Буа
Красивая женщина — это пожизненный крест!
Канев А. 41
Рождественская грусть, я шлю тебе привет...
Чтобы настроиться на поэтический лад...
Материнское слово бывает отрадой рассудку...
Продрогший служебный уазик...
Капитанова В. 44
За окошком капель, капель...
Коковин К. 45
Мне ещё иногда снятся горы...
У запани
Безмерно завидую птицам
Перед рассветом
Если...
Мирошниченко Н. 48
Провинция, люби меня сейчас
А все-таки геологи крылаты
Коля, они все равно не поймут самого главного.
Муза, мне не хватает блюза,
Может, я просто очень уже устала...
По вертикали, Елфимов, по вертикали
Плякин А. 54
И снова вперёд!
Пономаренко Е. 55
Три жизни в палатке...
На Урал
Мы давно потерялись с тобой в неизвестных краях...
Попов А. Г. 57
Где сладкий дым Отечества? Лишь гарь...
Пророки читают молитвы...
Темный воздух метелей и смут...
От русской Непрядвы остался ручей...
Рассуждали об интиме...
Кто-то тайно приказы изрек...
Родимый город, как мне надоели...
Силкин В. 61
Топор

Воробьевка
Птицы
Клесты
Трофимов Г. 64
Костерок
Всё, что мог сказать — уже сказали...
Как много лет ушло на пустяки...
Череда
Канва
Говорить не надо о стихах...
Нежно падает снег
Сочувствую религии...
Воспоминания. Они приходят...
Нежно падает снег...
Для кого пишу, приятель?
Я — ленив? Компьютер не освоил
Угорское скуластое лицо...
Пишущая половина
Чупчикей 71
Я покинул гордый Сыктывкар...
Земля
Седины, как морские льдины...
Что хотел сказать ручей?
Академия наук
Широглазов А. 76
Я плыву по Соби
Заполярная сказка
В заполярье зима
Песня ветра
Хариус за перекатом
Туристическая песенка
Широглазов П. 82
Геологический «отмороженный» РЭП
Вечер в тундре
Харота
Скоморошина
Покаяние
Разрываю в клочья...
Юровский Ю. 86
Листья травы
Погода
Друг отправился черт-те куда...

...СНИТСЯ МНЕ ТО И ДЕЛО СУРОВО-ТАЕЖНОЕ ЛЕТО...
(проза)

Белых И. 90
Ыджид Сюзъ Петыр *пер. с коми Г. Марковой*
Довжикова Е. 94
Медвежьи байки
Маша и медведь
Крик таежного Тарзана
Похоронный марш
Коковин К. 98
Сказка о пирожке
Мысли
Кузьмина М. 102
...А по полю широкому шла моя мама
Озеров В. 118
Смешные скалы
Плякин А. 135
В конце сезона
Савельев В. 162
На встречных курсах
Трак-трак
Тарбаев Б. 167
Тень капитана
Ткачев Ю. 179
Не ходите по Тянь-Шаню быстро, напрямик
ЭЮЯ 195
Устройство мира

ДРУГ ОТПРАВИЛСЯ ЧЕРТ-ТЕ КУДА...
(путешествия)

Герасимов Н. 206
А гора остается горой
Калинин Е. 219
Великобритания глазами советского туриста
[70-е годы, XX век]

ЖАЛЬ, Я НЕ ВСТРЕЧУСЬ С МНОГИМИ ДРУЗЬЯМИ....
(о себе и о коллегах)

Иевлев А. 240
Рядом с Сашей Беляевым

Каблис Г. 242
Галина. История болезни
Капитанова В. 246
Странички из жизни
Лосева Э. 250
Один день из прошлой жизни
Маркова Г. 252
«Зачем живем?» Физик и лирик профессор В. М. Кошкин
Махлаев Л. 256
Великий юбилей (к 50-летию полета Юрия Гагарина)
Плякин А. 262
Выходцы из Казани...
Валентин Сергеевич Юдин
Федор Григорьевич Юманов
Герасимов Н. 270
«Друзьям — геологам, с кем делил хлеб, риск, труд»
Преловский А. 272
Мерзлота
Наши костры
Мальчики
Женщина с эхом
Ночные слова
Первый день дома
Лад
Молодцы
Рощевский М. 280
Наш Виктор Иванович
Стахорский Д. 283
Саввич (о геологе Н. С. Быховце)
Юхтанов П. 289
Юбилейные грезы

Светлана 292

Сведения об авторах

Белых Иван Ильич, корреспондент Коми республиканской газеты «Коми му», член Союза писателей России и Союза журналистов России

Вьюхин Валерий Николаевич — поэт, член Союза писателей России, член Правления Коми писательской организации.

Герасиморв Николай Николаевич, геолог, кандидат геолого-минералогических наук, директор по работе с регионами ООО «РН — Северная нефть».

Гоголь Владимир Павлович — заслуженный энергетик России, заведующий лабораторией металлов ОАО «Монди СЛПК».

Довжикова Елена Геннадьевна, геолог, кандидат геолого-минералогических наук, доцент УГТУ, работает в ТПНИЦ.

Иевлев Алексей Анатольевич, кандидат геолого-минералогических наук, член Союза писателей России, руководитель геологического музея им. А. А. Чернова.

Каблис Григорий Николаевич, начальник издательско-информационного отдела Института геологии Коми НЦ УрО РАН

Калинин Евгений Павлович, кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института геологии Коми НЦ УрО РАН.

Канев Андрей Валерьевич, член Союза писателей России и Союза журналистов России.

Капитанова Валентина Алексеевна, геолог, научный сотрудник Института геологии Коми НЦ УрО РАН.

Коковин Константин Анатольевич, по образованию географ, работал в Институте геологии, провел ряд экспедиций на севере Урала. Стихи пишет давно: опубликованы в Альманахах и в Вестнике ИГ Коми НЦ УрО РАН

Кузьмина Мария Васильевна, журналист, член Союза журналистов России.

Лосева Эмма Ивановна, доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института геологии Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Махлаев Лев Васильевич, доктор геолого-минералогический наук, главный научный сотрудник Института геологии Коми НЦ УрО РАН.

Маркова Галина Александровна, пенсионер, много лет проработала в Институте геологии Коми НЦ УрО РАН, физик по образованию. Лауреат премии Совета Министров СССР. Автор многочисленных книг.

Мирошниченко Надежда Александровна, поэт, член Союза писателей России, член Правления Союза писателей России и Коми писательской организации.

Озеров Вячеслав Степанович, геолог, начальник отряда ЗАО «МИРЕКО».

Плякин Анатолий Митрофанович, профессор кафедры минералогии, геохимии, геологии и геодезии Ухтинского государственного технического университета, много лет проработал в Ухтинской геолого-разведочной экспедиции.

Пономаренко Евгений Сергеевич, младший научный сотрудник Института геологии Коми НЦ УрО РАН.

Попов Андрей Гельевич, поэт, заместитель председателя правления Коми писательской организации, член Союза писателей России.

Преловский Анатолий Васильевич, поэт, член Союза писателей, лауреат Государственной премии СССР.

Рощевский Михаил Павлович, академик РАН, долгое время был председателем Президиума Коми НЦ УрО РАН и директором Института физиологии.

Савельев Владимир П., геолог,

Силкин Владимир Александрович, поэт, секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России по творческим вопросам. Член Союза писателей России.

Стахорский Дмитрий Владимирович, геолог, в Воркуте работал на разведке угольных месторождений Печорского бассейна, с 1982 г. член Союза писателей. Автор нескольких книг художественной прозы. С 1994 г. живет в Трубчевске Брянской области

Тарбаев Борис Игнатьевич, кандидат геолого-минералогических наук, член Союза писателей России. Долгое время работал в Ухтинской геолого-разведочной экспедиции. В настоящее время — старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН.

Ткачев Юрий Андреевич, доктор геолого-минералогический наук, главный научный сотрудник Института геологии Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Трофимов Геннадий Евгеньевич, ветеран геологической службы Республики Коми, долгое время возглавлял Ухтинскую геолого-разведочную экспедицию, ныне генеральный директор ООО «Тимано-Печорский научно-исследовательский центр — 2». Член Союза Российских писателей.

Чупчикей (Колониченко Евгений Валентинович), кандидат геолого-минералогических наук.

Широглазов Андрей Геннадьевич, поэт, бард, член Союза писателей России, лауреат Грушинского фестиваля, фестиваля «Московские окна», премии имени В.Спивакова.

Широглазов Павел Андреевич, поэт, живет в Череповце, работает в информационном отделе Череповецкого музейного объединения. Дипломант Ильи-премии. Участник и победитель различных поэтических конкурсов.

ЭЮЯ (Юдович Яков Эльевич), доктор геолого-минералогический наук, главный научный сотрудник Института геологии Коми НЦ УрО РАН.

Юровский Юрий Георгиевич, доктор геолого-минералогический наук, работает в Институте минеральных ресурсов Академии наук Украины (г. Симферополь).

Юхтанов Петр Петрович, геолог, старший научный сотрудник Института геологии Коми НЦ УрО РАН.

Юшкин Николай Павлович, академик Российской академии наук, с 1985 по 2008 гг. директор Института геологии Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. В настоящее время — советник Российской академии наук.

Пусть россыпями стелются года

Литературный альманах

Издан по инициативе геологов Республики Коми

На первой странице обложки использована миниатюра
Е. А. Салдиной «Приполярный Урал» (гуашь, акварель).
На стр. 3 — рисунок В. И. Ракина.

Компьютерная верстка
А. Перетягин

Тираж 150 Заказ 824

Издательско-информационный отдел
Институт геологии Коми научного центра УрО РАН.
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, д. 54.
geoprint@geo.komisc.ru

Наши альманахи:

1. Моя звезда была Полярной. Сыктывкар, 1995. Выпуск 1.
2. Моя звезда была Полярной. Сыктывкар, 1995. Выпуск 2.
3. Давно пора остепениться. Сыктывкар, 1996.
4. Прервана точкой строка. Сыктывкар, 1997.
5. Благослови идущих по земле. Сыктывкар, 1998.
6. Штатное расписание. Сыктывкар, 1998.
7. Романтикам нехоженых дорог. Сыктывкар, 1999.
8. Забыты запахи костров. Сыктывкар, 2000.
9. Не ждите нас, жаркие страны. Сыктывкар, 2001.
10. Дорога с грустным перекрестком. Сыктывкар, 2002.
11. Уезжают друзья с Северов. Сыктывкар, 2003.
12. Был у меня хороший друг. Сыктывкар, 2004.
13. Полное собрание разлук. Сыктывкар, 2005.
14. Прекрасная и черная работа. Сыктывкар, 2006.
15. Моим Северам (Горный журнал. Спецвыпуск 2008). Москва, 2008.
16. Моим Северам. Москва, 2008.
17. Пусть россыпями стелются года. Сыктывкар, 2011.